

Лори Форест

ЖЕЛЕЗНЫЙ
ЦВЕТОК

Хроники Черной Ведьмы

Хроники Черной Ведьмы

Лори Форест

Железный цветок

«Робинс»

2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(7Сое)

Форест Л.

Железный цветок / Л. Форест — «Робинс», 2018 — (Хроники
Черной Ведьмы)

ISBN 978-5-4366-0585-2

«От самой большой скульптуры на террасе невозможно отвести глаз – это точная копия памятника, установленного перед собором в Валгарде. На меня обращено застывшее лицо моей знаменитой бабушки, она поднимает волшебную палочку, чтобы поразить икарита, скорчившегося у её ног. Если бы я могла оживить его...» Эллорен – наследница самой могущественной чародейки своего народа, однако от неё ей досталась лишь внешность – и ни капли магии. С таким незавидным наследством девушка стремится завоевать своё место в жизни. Её ждут захватывающие приключения и эпичные сражения. Чью сторону она примет?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(7Сое)

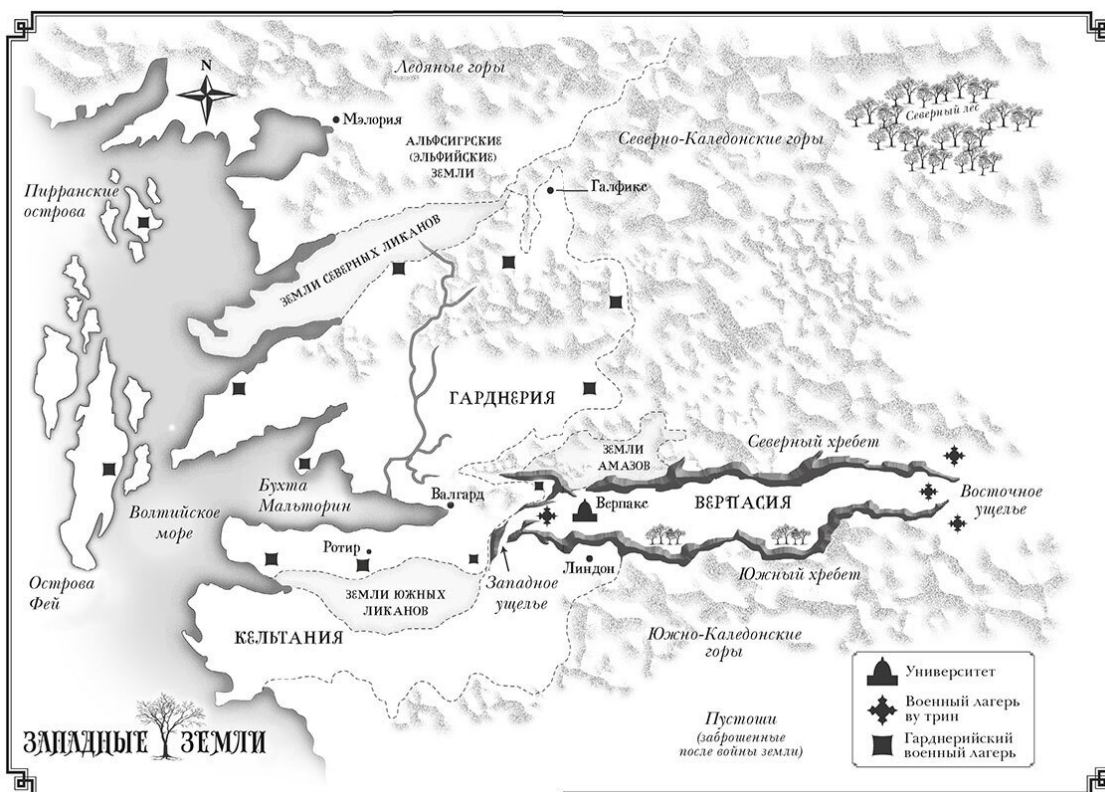
ISBN 978-5-4366-0585-2

© Форест Л., 2018

© Робинс, 2018

Содержание

Часть 1	7
Пролог	7
Глава 1. Чужая	10
Глава 2. Встреча	19
Глава 3. Цветы железного дерева	24
Глава 4. Пустоши	29
Глава 5. Йольский бал	32
Глава 6. Жернова истории	39
Глава 7. Водяной конь	45
Глава 8. Волшебные палочки	53
Глава 9. День основателей	60
Глава 10. В ловушке	68
Глава 11. Ликан-амаз	72
Глава 12. Вниз по спирали	77
Глава 13. Ночной кошмар	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Лори Форест

Хроники Черной Ведьмы

Железный цветок

Книга вторая

Laurie Forest
The Iron Flower

Copyright © 2018 by Laurie Forest

Все права защищены, включая права на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме. Эта книга опубликована с разрешения Harlequin Books S.A. Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном смысле, любое совпадение с реальными людьми, живыми или усопшими, компаниями, событиями или местами является случайным.

Cover Art Copyright © 2018 by Harlequin Books S.A.

Cover art used by arrangement with Harlequin Books S.A. ® and ™ are trademarks owned by Harlequin Books S.A. or its affiliated companies, used under license.

Обложка © 2018 by Harlequin Books S.A.

Иллюстрации на обложке использованы по договорённости с Harlequin Books S.A.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2019

Посвящается Уолтеру – за всё

Часть 1

Пролог

«Добро пожаловать в ряды Сопротивления».

Слова проректора Квиллен крутятся у меня в голове, пока я шагаю против ветра по скудно освещённым университетским улочкам. Зимняя накидка плотно запахнута, на объявления о поиске нарушителей порядка, которыми увешаны все столбы, я больше не смотрю. У меня очень важное дело.

Надо найти Айвена и обязательно рассказать, что профессор Кристиан и проректор Квиллен готовы помочь Тьерни и её родным добраться до Восточных земель. Именно Айвен предложил обратиться к пожилому историку, а, значит, он наверняка знал о связях профессора Кристиана с Сопротивлением.

Айвен, как и Тьерни, тоже, без сомнения, потомок фей, и ему необходимо покинуть Западные земли как можно скорее.

При мысли о скором расставании с Айвеном мне вдруг становится не по себе. Я начинаю задыхаться, останавливаюсь и хватаюсь за столб с факелом, упрямо стряхивая жгучие слёзы. С чернильно-чёрного неба сыплются мелкие острые снежинки, тонкими иголочками вонзаясь в лицо и голые руки. Из факела на вершине столба с треском вырывается в мёрзлый воздух сноп ярких искр.

Я с трудом перевожу дыхание. На меня будто разом навалились тёмные силы Гарднерии, грозя поглотить всех, кто мне дорог.

Стайка эльфийских студенток молча спешит мимо, даже не удостоив меня мимолётного взгляда. Закутавшись в светлые накидки, они скользят легко, будто призраки, и довольно скоро растворяются в снежной пелене. Надо взять себя в руки, успокоиться – плакать сейчас не время.

Нехотя я отрываюсь от столба и продолжаю путь по запорошённым снегом улочкам. Вот и извилистая тропинка, которая ведёт к задней двери в университетскую кухню. Стоит переступить через порог, и меня сразу окутывает благословенное тепло. Айвена нет, в чём я сразу убеждаюсь, быстро оглядев просторный зал. В этот поздний час здесь только Фернилла, главная повариха. Она тщательно соскребаёт с длинных деревянных столов налипшие комочки теста.

– Здравствуй, Эллорен, – приветливо улыбается Фернилла. Её бледно-розовое лицо светится добротой, из пучка выбиваются пряди седых волос. – Ты сегодня поздно. Что-то случилось?

Повариха улыбается очень искренне, а её голос звучит так спокойно в противоположность охватившей меня тревоге и разброду в голове, что я даже не знаю, как ответить, и некоторое время собираюсь с мыслями.

– Я ищу Айвена.

Зажатой в цепких пальцах жёсткой щёткой Фернилла показывает на заднюю дверь.

– Он понёс корм поросётам. Там его дожидаются ещё несколько вёдер. Может, поможем ему отнести их в хлев?

– Конечно, давайте, – с радостью соглашаюсь я.

– Ты иди, я догоню.

Вёдра с отходами действительно неподъёмные, но за долгие месяцы работы на кухне я привыкла таскать тяжести и подхватываю их, даже не поморщившись. Затем толкаю плечом

дощатую дверь и бреду вверх по пологому холму к свинарнику, по пути любуюсь сверкающими вихрями снежинок.

Дверь в хлев легко открывается, и до меня тут же доносятся чьи-то приглушённые голоса. Я осторожно пробираюсь по сумрачному коридору, вглядываясь вперёд сквозь перегородки, к которым прислонены грабли, лопаты и мотыги. Различив в полутьме знакомые лица, я застываю как вкопанная.

Айвен и Айрис.

Они неотрывно смотрят друг на друга, оба серьёзные, сосредоточенные. И стоят совсем близко... слишком близко.

– Объявили, что скоро всех будут проверять железом, – дрожащим голосом говорит Айрис. – Ты их знаешь, они сдержат обещание. Мне надо бежать. И как можно скорее!

От этих слов мои мысли начинают отплясывать какой-то безумный танец.

Айрис Моргейн... потомок фей?

Как ни пытаюсь, я не могу припомнить случая, когда Айрис бралась бы на кухне за кастрюли или чистила плиту. Она всегда месит тесто или делает пирожные.

Всегда.

Если она так боится проверки железом... Значит, Айрис – настоящая фея, даже не полукровка. Зачарованная фея, как Тьерни!

Айрис умоляюще смотрит на Айвена, по её щекам бегут слёзы. Своими сильными руками он ласково притягивает девушку к себе, что-то тихо говорит ей на ухо, склоняя голову к её плечу. Тёмные взлохмаченные кудри Айвена переплетаются с длинными золотистыми прядями Айрис.

Моё тело с ног до головы пронизывает жгучая боль... Как бы я хотела быть на месте Айрис и чтобы меня обнимал Айвен... Ещё никогда я так отчаянно не проклинала своё сходство с бабушкой. Будь я другой, возможно, Айвен выбрал бы меня!

«У тебя нет ни малейшего права на такие чувства! – в ярости напоминаю я себе. – Он тебе никто!»

Айрис незаметно поворачивает голову, целует Айвена в шею и с тихим стоном прижимается к нему.

Он замирает, широко распахивает глаза и удивлённо шепчет:

– Айрис...

Айвен отстраняется, а у меня внутри вдруг вспыхивает огонь так давно сдерживаемой страсти, разгорается безумное, выстраданное желание.

Словно почувствовав это, Айвен поворачивается и смотрит прямо на меня своими сияющими в полутьме зелёными глазами. Этот взгляд не оставляет сомнений: он узнал меня, и мои чувства для него не тайна.

Задыхаясь от ужаса и унижения, я роняю вёдра с кормом для поросят и торопливо отступаю в снежную ночь, сбегая с холма, едва не сбивая с ног удивлённую Ферниллиу.

По щекам произвольно катятся слёзы. Я пробегаю через кухню, столовую, преодолеваю коридоры и вбегаю в пустую аудиторию, где буквально падаю за письменный стол, уронив голову на руки. Здесь я наконец могу дать волю слезам. Всхлипы больно отдаются в груди, дышать становится всё тяжелее.

Всё-таки влюбилась. А ему я не нужна. Совсем.

Равнодушие Айвена с каждым разом ранит всё сильнее.

Забыв обо всём, кроме своего несчастья, я замечаю Ферниллиу, только когда она кладёт мне на плечо свою жёсткую мозолистую ладонь и с тихим скрежетом придвигает стул.

– Ты из-за него, милая? – сочувственно вздыхает она.

Я киваю в ответ, не открывая заплаканных глаз. Она ласково гладит меня по спине, тихо приговаривая что-то на языке урисков.

– Не хочу быть гарднерийкой, – наконец выдавливаю я.

От одного вида чёрных гарднерийских одежд во мне начинает klokотать ярость. Как я ненавижу белую повязку повыше локтя – знак поддержки верховного мага Маркуса Фогеля, – которую вынуждена носить! Я не хочу быть гарднерийкой, одной из тех, чьи предки причиняли страдания другим расам.

Не хочу этой памяти. Мне нужен только Айвен.

– Нам не дано выбирать, кем родиться, – помолчав, тихо говорит Фернилла. – Однако мы сами решаем, какими нам стать.

Повариха пристально смотрит на меня.

– Знаешь, когда-то давно у меня был муж, – задумчиво улыбается она. – Ещё до Войны миров. – На лице Ферниллы отражается страдание, морщинки у глаз становятся глубже. – А потом пришли ваши военные и убили всех наших мужчин. Когда остались только женщины, нас собрали и отправили работать на гарднерийцев.

Фернилла молчит, прежде чем шёпотом добавить:

– Моего сына тоже убили... он был совсем малюшкой.

У меня перехватывает дыхание.

– Жизнь – штука несправедливая, – срывающимся голосом заключает она.

Какой стыд. Да все мои терзания ничто по сравнению с горем, пережитым Ферниллой. Она столько вынесла и всё же не сломалась. А я сижу и плачу... о пустяках! Надо собраться, смахнуть слёзы и жить дальше.

– Так-то, Эллорен Гарднер. – Повариха смотрит на меня холодно, но без злобы. – Держись! Моя внучка, Ферн... я хочу для неё другой жизни. Нечего ей батрачить на гарднерийцев, как будто она хуже грязи. Пусть станет свободной и духом, и телом. Хотя свобода духа никому не даётся легко. Но ты-то свободна, Эллорен? Тебе они голову не задурили?

Я честно смотрю ей в глаза и качаю головой.

– Вот и хорошо, – довольно улыбается Фернилла. – Такой и оставайся. Скучать нам не придётся. Ещё многое предстоит изменить, чтобы крошке Ферн жилось лучше.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 103

Любую информацию о похищении необъезженного военного дракона с гарднерийской базы Четвёртого дивизиона следует немедленно сообщить Совету магов. Соучастие в похищении военных драконов карается смертью.

Глава 1. Чужая

– Фогель запечатал границы Гарднерии.

Мы с Тьерни встревоженно переглядываемся. В кладовой за кухней воцаряется тишина. Профессор сидит за столом, сцепив руки перед собой, и внимательно оглядывает собравшихся.

Усталые лица членов группы Сопротивления освещены тусклыми лампами. Напротив меня сидит Айвен, рядом с ним – Айрис. Он хмурится, между бровями появляется глубокая складка. Я стараюсь не смотреть в его сторону, но у меня ничего не выходит. У них за спиной, прислонившись к полкам, уставленным банками с вареньем и консервами, стоит Фернилла. Скрестив руки на груди, она не сводит бледно-розовых глаз с Джулиаса Кристиана. Бледдин Артерра держится в тени, её кожа мерцает в отсветах старых ламп и кажется тёмно-зелёной. Проректор Лукреция Квиллен сидит рядом с профессором, прямая, сосредоточенная.

Нас совсем мало. Собираться большими группами опасно, такие встречи сразу вызовут подозрения. Каждый из нас передаёт сведения другим борцам Сопротивления, которые действуют в Верпасии: например, я сообщаю обо всём братьям и друзьям. Недавно мы вместе освободили Нагу, необъезженного военного дракона, точнее, дракониху, с которой хорошо знаком Айвен.

– Охрана из магов патрулирует границу день и ночь, – мрачно продолжает Джулиас и после некоторых колебаний добавляет: – В последнее время маги берут с собой гидринов, специально натасканных на поиск фей.

– Гидринов? – с ужасом отзывается Тьерни.

Она сидит рядом со мной, напряжённая, как натянутая струна. Гидрины – огромные, размером с дикого лесного кабана твари, невообразимо жестокие и с очень тонким нюхом... От одной мысли о встрече с таким чудовищем пробирает дрожь.

– Фогель заручился поддержкой местного населения, гарднерийцев, – вторит профессору Лукреция. – За головы зачарованных фей назначена большая награда.

Её чёрные шёлковые одежды переливаются в свете ламп. Проректор сегодня в длинном платье с разрезами по бокам, надетом поверх того же цвета юбки в пол, на рукаве платья красуется белая повязка в знак поддержки верховного мага Маркуса Фогеля. Точно так же одеваемся и мы с Тьерни, чтобы не выделяться из толпы гарднерийцев.

Никто не должен заподозрить, что мы связаны с Сопротивлением. Я это понимаю, и всё же каждый раз, когда затягиваю на рукаве белую повязку, меня тошнит от отвращения.

В Сопротивление меня приняли всего несколько дней назад, и пока я знаю только, что ведущие посты здесь занимают Джулиас, Лукреция и Фернилла. Есть так называемое Кельтское крыло Сопротивления – они проводят акции устрашения и организывают саботаж против гарднерийских и альфсигрских военных, а Верпасийская группа (наша) занимается по большей части переправкой беженцев через Верпасию и за пределы Западных земель.

Вооружённые силы гарднерийцев и альфсигрских эльфов внушают жителям Верпасии неистребимый страх, а наша кучка единомышленников слишком маленькая, к тому же у нас почти нет оружия и слишком много забот. Наше единственное преимущество – Нага, несломленная дракониха, у которой страшно изуродованы лапы и крылья.

В общем, дела обстоят, мягко говоря, плохо.

Противно ноет голова, и я прикладываю ладонь ко лбу в тщетной попытке ослабить боль. Из кухни доносится запах поднимающегося теста и аромат сушёных трав, проникает к нам и немного тепла, но его явно недостаточно, чтобы согреться.

День у меня выдался неважный.

Я проснулась на рассвете в холодном поту, запутавшись ногами в одеяле, и некоторое время приходила в себя, отгоняя воспоминания об очередном кошмарном сне. Этот ужас преследует меня уже почти неделю.

Что же мне снится? Как же выцарапать из тьмы ускользающие обрывки призрачных видений?

Поле битвы под грозно алеющим небом, по полю идёт зловещая фигура в тёмном плаще, её лицо скрыто под большим капюшоном. Фигура идёт ко мне, словно знает, что я прячусь за мёртвым почерневшим деревом, сжимая в руке белую волшебную палочку.

Сейчас от пережитого ночью остались лишь отголоски ужаса и странное тягостное ощущение надвигающейся тьмы.

– Что слышно о выборах в Совет Верпасии? – спрашивает Бледдин.

– Гарднерийцы получили большинство, – вздыхает Фернилла.

– О Древнейший! – вырывается у меня, а Айрис сердито фыркает.

В её карих глазах плещется гнев.

И страх.

Айвен успокаивающе накрывает ладонью её руку, и я поспешно отворачиваюсь, чтобы никто не заметил раздирающей меня зависти.

– Мы знали, что так и будет, – с сардонической полуулыбкой замечает Тьерни. – На Совет Верпасии уже давно никто не возлагает надежд.

Однако такой проигрыш – это не просто потерянные надежды, это самый настоящий провал.

В Верпасии живут представители многих рас, в основном верпасиане, гарднерийцы, эльфоллены и кельты. И если в правящем Совете большинство мест досталось гарднерийцам, они очень скоро начнут распространять своё влияние на всю страну, захватят территорию, даже не прибегая к военной силе.

Где-то наверху вспыхивает и гаснет свет, и все одновременно поднимают головы. Под грубыми балками потолка собрались тёмные грозовые облака, в глубине которых вспыхивают серебром яркие молнии. Магия водных фей, никаких сомнений. Волшебные силы Тьерни крепнут день ото дня, и ей не просто держать их под контролем. И это очередное тому подтверждение.

Тьерни зажмуривается и резко втягивает воздух. Облако постепенно тает, и вскоре от него не остаётся и следа. Джулиас и Лукреция не скрывают тревоги, но Тьерни упрямо отворачивается, избегая встречаться с ними взглядом.

– Гарднерийцы развесили свои флаги повсюду! – Каждое слово Бледдин сопровождает рублеными движениями руки и вдруг переводит взгляд на меня, с отвращением кривя губы. – Размахивают своими тряпками, как будто они хозяева всей Эртии!

Не могу сказать, что рядом с разгневанной Бледдин мне очень уютно. Её ярость направлена именно на меня. В полумраке кладовой мои зелёные глаза и мерцающая кожа – отличительные признаки гарднерийцев – заметны сильнее, чем при свете дня.

– Ещё немного – и Верпасия станет провинцией Гарднерии! – пронзительно выкрикивает Айрис. – Джулиас, нам надо выбираться отсюда, и поскорее!

Профессор сочувственно кивает:

– Мы готовы переправить на восток большую группу беженцев, однако сейчас это слишком опасно: в пустыне свирепствуют песчаные бури. Придётся ждать зимы.

Джулиас искренне пытается успокоить Айрис, терпеливо объясняет, как и когда состоится переход в Восточные земли. Хоть меня и раздражает Айрис, я ей искренне сочувствую.

Айвен вдруг поднимает на меня глаза и тут же отворачивается. И снова, как и прежде, у меня колет в груди. С того дня, как мы спасли Нагу и разрушили гарднерийский военный

лагерь, Айвен меня избегает. А с той встречи в амбаре, когда я выставила себя на посмешище, он стал со мной ещё холоднее.

Стараясь вздохнуть как можно незаметнее и подальше отогнать горькие мысли и воспоминания, я внимательно слушаю Джулиаса. Профессор рассказывает Фернилле о провизии, которая необходима для беженцев. Я машинально глажу кулон из веточки снежного дуба – подарок Лукаса Грея. Похоже, мои попытки держаться от Лукаса подальше успехом не увенчались. Судя по его письмам и подаркам, он по-прежнему намерен со мной обручиться.

Мои пальцы скользят по искусно вырезанной фигурке, и перед глазами встаёт успокаивающий образ дерева, шелестящего серебристой листвой. Должна признать, прикоснуться к кулону очень приятно, на меня всякий раз нисходит покой и умиротворение. Похожие ощущения вызывает и белая волшебная палочка, которую я получила от Сейдж.

Чем сильнее я сжимаю кусочек снежного дуба, тем отчётливее ощущаю поток бурлящей энергии, пронизывающий меня с головы до пят. Когда я впервые надела подарок Лукаса, Винтер посоветовала мне быть осторожнее. Она тоже почувствовала в кулоне отголоски неведомой силы, которые пробуждают в глубине моей души что-то непонятное. В нём тепло мерцающего пламени и мощь древнего дерева – сопротивляться его искушению у меня не хватает сил.

Бросив украдкой взгляд на Айвена, я со вздохом отпускаю веточки снежного дуба. Айрис придвинулась к нему так близко, что едва не упирается подбородком ему в плечо. Ревность... волна горькой ревности снова неудержимо поднимается во мне. Золотистые локоны Айрис, отливающие медовым цветом в неверном свете ламп, касаются руки и плеча Айвена.

Неужели мне всё привиделось? Ведь ты почти поцеловал меня той ночью! Почему ты тогда отстранился и ушёл?

Быть может, я прочту ответ в чертах прекрасного лица Айвена, от которого мне так трудно оторвать взгляд. Айрис вдруг поворачивается ко мне, и, застигнутая врасплох, я торопливо отворачиваюсь. Однако она ещё долго сверлит меня яростным взглядом, а потом медленно нарочно опускает голову на плечо Айвена и берёт его под руку.

Айвен рассеянно-успокаивающим жестом накрывает её руку своей. На лице Айрис расцветает торжествующая улыбка, и у меня пересыхает во рту. Вечер окончательно испорчен.

– Что слышно об амнистии для беженцев? – обращается к Лукреции Тьерни, дождавшись окончания беседы Джулиаса и Фернилле.

– Мы делаем всё возможное, – отвечает Лукреция. – Дела обстоят... не очень. Амазы принимают ограниченное количество беженцев, но только женщин. Ву трин, насколько я понимаю, обещают в конце концов переправить этих беженцев дальше на восток. – Тьерни хмурится всё сильнее, и Лукреция торопливо добавляет: – Но и это очень важно. Амазы многим рискуют, с их стороны это очень храбрый шаг. В то же время ликаны, кельты и верпасиане опасаются вызвать такими поступками гнев гарднерийцев.

– Так что же в таком случае нам делать? – Тьерни уже не просто спрашивает, она требует ответа.

– Мы продолжим выводить беженцев из опасных районов, около линии огня гарднерийцев и альфсигрских эльфов, – отвечает профессор, доставая из кармана платок, чтобы протереть очки. – Мы рассчитываем на помощь ву трин. Коммандер Кам Вин сочувствует положению вынужденных переселенцев.

Коммандер Вин? Вот это сюрприз! Я прекрасно помню, как она пыталась запугать меня, требуя зажечь свечу волшебной палочкой.

– Коммандер Вин не может открыто выступить против Гарднерии, – добавляет Джулиас. – Народ ной всегда сохранял нейтралитет в отношениях с гарднерийцами. Чародейкам ву трин не позволят спровоцировать войну, даже по неосторожности.

– Значит, народ ной тоже боится гарднерийцев, – с отвращением фыркает Тьерни. – Они ничуть не лучше остальных.

– Так и есть, Тьерни. Ты права, – устало кивает Джулиас. – Однако командер Вин видит чуть дальше своего носа и понимает, что ву трин не смогут вечно потакать гарднерийцам. Командер Вин склоняется к союзу с нами. И мы это только приветствуем, ведь вскоре ситуация ещё сильнее ухудшится.

– Уже ухудшилась, и очень сильно, – утверждает Тьерни.

– Она права, – вступает в разговор Айвен, обведя взглядом собравшихся за столом. – Гарднерийские военные стажёры уже начали подрезать урисок.

Айрис бледнеет, а Бледдин выплёвывает ругательство на родном языке.

– За последние два дня было уже четыре нападения, – мрачно поясняет Айвен и обращается к Фернилле и Бледдин: – Будьте осторожны. Не ходите поодиночке.

– Что значит «подрезать»? – с удивлением вырывается у меня.

– Гарднерийцы отрезают нам кончики ушей, можно сказать, купируют, как животным. И срезают волосы. Вот что такое подрезать! – отвечает Бледдин, не скрывая гнева.

О Древнейший!

От ужаса, перемешанного с отвращением, меня покачивает.

– На гарднерийского фермера в Верпасии напали работницы-уриски. – Айвен каким-то чудом понял, как глубоко меня ранило объяснение Бледдин, и его взгляд, обращённый ко мне, смягчился. – Гарднерийцы, заседающие в Совете Верпасии, призывают к мщению, вот толпы и беснуются.

– Я слышала о том, что произошло на той ферме, – бесстрастно сообщает Фернилла. – Фермер-гарднериец мучил урисок. Избивал до полусмерти. – Поколебавшись, она добавляет: – И творил кое-что похуже.

– Бабуля? Что вы тут делаете?

В комнату бесшумно проскальзывает крошка Ферн. Она оглядывает нас, сжимая тонкими ручонками любимую тряпичную куклу, которую называет Миина, любовно сшитую бабушкой из лоскутков. У Миины бледно-розовое личико, более тёмного оттенка косички и удлинённые уши с заострёнными кончиками, как у Ферн.

Неужели девчужка поняла, о чём мы только что говорили? Судя по испуганным глазам, слышала она довольно много.

Фернилла, кряхтя, наклоняется к девочке, обнимает её и что-то успокаивающе шепчет.

Следом за Ферн в кладовую смущённо пробирается Олиллия – помощница кухарок, совсем юная девушка-уристка с кожей лавандового цвета.

– Беги к Олиллии, она отведёт тебя спать, – ласково говорит Фернилла. – Я скоро приду и расскажу тебе сказку, моя shush'onin.

Поцеловав на прощание бабушку и взяв за руку Олиллию, Ферн убегает; деревянная дверь за ними захлопывается.

Мы мрачно переглядываемся.

– Прячь Ферн получше, – сурово напоминает Айвен Фернилле. – Не отпускай от себя.

От одной мысли, что кто-то может схватить малышку Ферн, отрезать её смешные розовые косички и кончики ушей, меня пробирает озноб. Отвратительно! Невозможно вообразить подобное варварство! Всего пару месяцев назад я бы ни за что не поверила, что в мире есть место такой невероятной жестокости.

Теперь я знаю гораздо больше. И меня тошнит от отвращения.

– И последнее, крайне неприятное объявление на сегодня, – произносит профессор Кристиан, обращаясь к нам с Тьерни. – Гарднерийцы, достигшие шестнадцати лет, теперь подлежат немедленному обручению. Если шестнадцатилетние девушки и юноши не обручатся в течение пяти месяцев после дня рождения, Совет магов обяжет их пройти эту церемонию.

Мои руки... некоторые ногти обломаны, на коже видны голубоватые и зеленоватые пятна от постоянной работы с целебными травами. Других отметин на моих руках нет. К счастью. Но скоро всё изменится.

Я представляю, как чернильно-чёрные линии ползут по пальцам, ладоням, прямиком к запястьям, навечно связывая меня неизвестно с кем. Тётя Вивиан недавно принялась снова забрасывать меня неприятными письмами. Теперь она грозит, что перестанет оплачивать лекарства для моего дяди, если в самом ближайшем будущем я не обручусь с Лукасом Греем.

Одновременно я чувствую раздражение и отчаяние. С кем же мне ещё обручиться, если не с Лукасом? Вероятнее всего, избежать обручения не удастся, даже если я останусь в Верпасии, откажусь возвращаться в Валгард.

Тьерни в ужасе застывает. Для неё, чистокровной феи, проверка железом, которой теперь перед обручением подвергают всех, смертельно опасна. Железо не только раскроет истинную сущность Тьерни, но и может погубить её.

– Мы ведём переговоры с ву трин, пытаемся убедить их вывести тебя, твоих родных и других зачарованных фей из Верпасии, – говорит Лукреция, обращаясь к Тьерни.

Джулиас тем временем разворачивает на столе карту Верпасии и склоняется над ней, разбирая какие-то пояснения, написанные едва разборчивым почерком.

На карте отмечены пути спасения для фей, урисков и смарагдальфаров, стремящихся из Верпасии на восток.

– Эллорен, пусть Рейф и близнецы-ликаны заглянут ко мне как можно скорее. Нам нужна помощь следопытов, чтобы разработать новые маршруты для беженцев, – обращается ко мне Джулиас. – Военные патрулируют большинство из известных нам северных дорог.

Я киваю. Мои братья и друзья вносят ощутимый вклад в работу Сопrotивления. Даже Тристан делает что может – тайком собирает оружие для беглецов и следопытов.

И все в нашей маленькой группе об этом знают.

Только Айрис и Бледдин не сообщили, кто на самом деле освободил необъезженного дракона и заодно разрушил военный лагерь гарднерийцев.

А вот о Марине, шелки, которая живёт в нашей комнате в Северной башне, из всех собравшихся известно только Айвену и Тьерни.

– Ещё нам понадобится ваша помощь с лекарствами. – На этот раз Лукреция обращается к нам с Тьерни. – Беженцы несут в Верпасию красный грипп, и чаще других болеют дети.

– А вместо помощи нуждающимся, – прервал её Джулиас, – верпасийское правительство усиливает контроль за выдачей разрешений на работу, отказывая в документах тем, кому особенно необходима помощь врачей.

Мы с Тьерни, конечно, будем рады сделать всё возможное, но работа предстоит нелёгкая: лекарство от красного гриппа приготовить не так-то просто, да и целебные травы, из которых варят эту микстуру, на дороге не валяются. Однако, кроме нас с Тьерни, Лукреции обратиться не к кому: в нашей группе Сопrotивления мы единственные аптекари, хоть и не окончившие пока курс обучения.

– Мы приготовим лекарство, – обещает Тьерни.

– Спасибо, – сердечно благодарит её Джулиас и снова обращается ко мне: – Эллорен, передай Тристану, что у нас на примете есть один мастер, готовый поделиться своим искусством применения боевых заклинаний. Его зовут Марвин Гласс. Он главный инструктор военной магии Четвёртого дивизиона, вступил в наши ряды недавно. Гарднерийских солдат Марвин учит по более медленной и упрощённой программе, а все лучшие и самые новые заклинания передаёт нашим соратникам. Кроме того, он незаметно вплетает контрзаклинания в структуру волшебных палочек, которыми вооружают Четвёртый дивизион.

Меня вдруг пробирает дрожь. Раньше, пока дивизионом командовал Дэмион Бэйн, такие художества сходили с рук этому Марвину, но теперь... Лукаса Грея не проведёшь.

– Передайте Марвину, чтобы он не тянул с обучением гарднерийцев и не портил волшебные палочки, – прошу я со всей настойчивостью, на какую способна.

Айвен не скрывает удивления, а остальные подозрительно косятся на меня.

– Но почему? Разве что-то случилось? – спрашивает профессор.

– От Лукаса такое не спрячешь, – честно отвечаю я.

– Но Дэмион ничего не заподозрил...

– А Лукас сразу поймёт, что его обманывают, – безапелляционно прерываю я собеседника.

Айрис кривит губы в усмешке, бросая на меня презрительный взгляд.

– Кто у нас теперь отдаёт приказы? Неужели она?

– Я понимаю ваши опасения, но... поверьте мне, – настаиваю я.

– Поверить тебе? – Голос Айрис сочится сарказмом.

– Так ты по-прежнему встречаешься с Лукасом Греем? – недружелюбно уточняет Блэддин.

Я с трудом перевожу дыхание. Деревянная подвеска на шее под платьем теплеет, пульсирует, напоминая о себе и распространяя горячие волны по моему телу.

– Он... хорошо ко мне относится. И это может нам пригодиться.

В глазах Айвена вспыхивает ярость, его губы складываются в горькую усмешку. Воздух между нами на мгновение превращается в жаркое море. Я почти физически ощущаю его боль и разочарование.

Лукреция и Джулиас смотрят на меня холодно и оценивающе, словно отводя мне новую роль в сложной игре.

– Ей здесь не место! – возмущённо восклицает Айрис. – Разве можно доверять гарднерийцам или альфсигрским эльфам?

От такого заявления я внутренне ошестиваюсь, однако Лукреции – тоже гарднерийке – хоть бы что. Кое-кто, наверное, и рад бы держаться подальше от гарднерийцев, но Лукреция – один из лидеров Сопротивления, и у Айрис просто нет выбора...

Тьерни поворачивается к Айрис и пытается разрядить обстановку:

– Я понимаю, тебе нелегко, но, если мы последуем твоему совету, моя семья окажется в смертельной опасности.

Однако Айрис, похоже, сегодня не в настроении внимать доводам рассудка.

– Скажи, Эллорен, твой Лукас опять придёт угрожать нам? Пугать малышку Ферн?

Я прекрасно помню, что тогда произошло, и мне совестно поднять глаза на Айрис и Ферниллу. Особенно стыдно перед поварихой.

– Нет... не придёт, – срывающимся голосом отвечаю я. – Никто не придёт...

– А почему она носит нашу одежду? – не унимается Айрис.

Я действительно предпочитаю тёмно-коричневые юбки и блузки из простой домотканой материи, к которым привыкла с детства. На кухню я всегда одеваюсь как можно проще, приберегая изысканные шёлковые наряды, подаренные тётей Вивиан, для уроков и официальных мероприятий.

– Айрис, вынужден тебе напомнить, что Эллорен – наша соратница, – вежливо, но твёрдо произносит Джулиас. – Моё мнение на этот счёт тебе известно.

Айрис прожигает меня гневным взглядом.

– Никакая она не «наша»! И никогда не будет! Только выпендривается, хочет, чтобы все на неё смотрели, а нам от этого только вред!

Айвен успокаивающе накрывает ладонью её руку:

– Не кипятись. Эллорен нам не враг.

– Айвен! Неужели ты не видишь?! – Горящие глаза Айрис будто заглядывают в самые потаённые уголки моей сути, знают о тёмных силах моей бабушки, дремлющих во мне до поры. – Ты забыл, кто она и откуда?! Кто её предки? Она опасна!

Выплюнув последние слова, как жестокое оскорбление, Айрис срывается с места и выбегает из комнаты. Бледдин следует за ней.

Меня будто толкнули лицом в грязь... Айвен смотрит на меня сочувственно и на этот раз открыто. На мгновение всё вокруг исчезает, мы остаёмся вдвоём, только вдвоём, и я чувствую отголоски той нежности, которой так ненадолго окутал меня Айвен давным-давно.

Только на мгновение... и снова всё возвращается на свои места. Бросив на меня последний напряжённый суровый взгляд, Айвен выходит из кладовой. За ним по очереди следуют остальные.

– Эллорен, задержись на минутку, – просит Лукреция. – Мне нужно с тобой поговорить.

Тьерни тихонько шепчет, что подождёт меня в аптечной лаборатории, и послушно уходит. Лукреция, плотно затворив деревянную дверь, пристально разглядывает меня через очки в золотистой оправе.

– Не знаю, отдаёшь ли ты себе в этом отчёт, Эллорен, но твои отношения с Лукасом Греем могут оказаться очень важными для нашего дела.

Лукас... Мне вдруг становится очень неудобно.

– В гвардии к нему прислушиваются, а его взгляды можно назвать умеренными, – поясняет Лукреция. – Возможно, есть шанс ещё сильнее повлиять на его мнение.

Вот это новости! Лукаса можно перетянуть к нам?! Похоже, Лукреция умеет читать мысли, потому что отвечает на невысказанный вопрос.

– Это только вероятность, Эллорен, – охлаждает мой пыл Лукреция, – он лишь возможный союзник. Не забывай об осторожности, когда встретишься с ним. С такими магами не шутят. И всё же... мы давно за ним наблюдаем. В последнее время Лукасу несколько раз выносили взыскание за неподчинение приказам. Он отказывался выполнять указы Фогеля о жестоких наказаниях за отступничество.

– Лукас ослушался Фогеля, и ему ничего не сделали?

Как тут скрыть удивление!

– Лукас очень сильный маг. Фогелю нужна его помощь. Потому верховный маг и прощает ему выходки. Но это до поры до времени.

Похоже, я знаю, о чём меня сейчас попросит Лукреция. И мне это заранее не нравится.

– Ты не раз упоминала, что не желаешь обручаться с Лукасом, – продолжает Лукреция. – И всё же... не стоит пока отказывать ему окончательно. По крайней мере не сейчас. Понимаешь?

Я неуверенно киваю.

– Если Верпасия падёт, наместником новых гарднерийских земель станет Лукас Грей. Ты должна выяснить, во что он верит и есть ли хоть малейшая вероятность убедить его не подчиняться гарднерийскому Совету магов.

Какой интересный поворот!

– Вы действительно считаете, что Лукас может перейти на нашу сторону? – с искренним удивлением спрашиваю я.

– Да, – кивает Лукреция, заговорщически сверкнув глазами.

Мне вдруг хочется поделиться с ней одним странным наблюдением.

– Я не знаю, как это объяснить... но мне всегда хочется говорить Лукасу только правду, – вздыхаю я.

Лукреция серьёзно обдумывает мои слова.

– У вас общие сильные магические линии, – предполагает она.

– Я почти не владею магией. У меня первый уровень – я свечку-то зажечь не в состоянии, – горько качаю я головой.

На этот раз у Лукреции готово объяснение.

– Ты путаешь наличие волшебной силы и способности ею управлять. Если ты не можешь зажечь свечу, это означает, что ты не умеешь правильно пользоваться волшебной палочкой, только и всего. Это умение само по себе не придёт. А вот магические линии с возрастом, как правило, крепнут, и очень сильно.

Я часто думаю о моих магических линиях. Такие есть у всех гарднерийцев, и, когда мы взрослеем, магия движется по этим воображаемым каналам быстрее. Различают линии земли, воды, воздуха, огня и света. И с тех пор, как я ношу кулон из снежного дуба, подарок Лукаса, мне кажется, я чувствую в себе отголоски магии. Непроизвольно сжав кулон, я снова ощущаю всплеск жаркой волны.

– А вы чувствуете ваши магические линии? – осторожно спрашиваю я.

Мне говорили, что у Лукреции четвёртый уровень, она маг водной стихии, но женщинам не положено носить серебряные нашивки на мантии, потому подтвердить эти слухи я никак не могу.

– Да, – отвечает она. – Моя магия всегда со мной. Иногда она бушует во мне, как океан, а порой это лишь ручейки, струящиеся по линиям магии. Однако других линий – воздуха или огня – я в себе никогда не ощущала. А у тебя есть особая тяга к земле?

– Мне необходимо касаться дерева или деревьев, – киваю я. – А дотронувшись до деревянного предмета, я вижу, чувствую, из какого именно дерева он сделан.

Не совсем к месту я вдруг вспоминаю образ чёрного обугленного дерева, который возник у меня перед глазами, когда я целовала Лукаса.

– Когда я с Лукасом, мне кажется, что его земные линии очень сильны. И его линии будто тянутся к моим, пробуждают их.

– Скажи, Элорен, – осторожно спрашивает Лукреция, – что тебе известно об истинном происхождении гарднерийцев?

– Профессор Кристиан говорил, что мы вовсе не «избранные» и наша кровь не так «чиста», что бы ни утверждали наши жрецы, – без колебаний отвечаю я. – На самом деле гарднерийцы произошли от дриад и кельтов.

Лукреция благосклонно улыбается в ответ на моё неприкрытое святотатство.

– Твоя семья, равно как и семья Лукаса, происходит из очень сильного рода дриад, на что указывает ваша тяга к земле и сильные земные линии. А потомки сильных дриад не могут лгать друг другу.

– Такая честность скорее обернётся против меня, разве нет?

– А ты попробуй сосредоточиться на хорошем, что есть в Лукасе, – советует Лукреция. – Перестанешь волноваться, и он почувствует себя свободнее.

Невысказанные пожелания проректора Квиллен вполне понятны, и я вспыхиваю, вспомнив обольстительные поцелуи Лукаса и пьянящие чары его магии. Но как же я могу думать о Лукасе, если на самом деле мне нравится Айвен?

Вот только Айвену я не нужна. Он только что на моих глазах обнимал Айрис... Значит, остаётся Лукас. Что ж, заодно помогу Сопротивлению.

– Хорошо, – киваю я, не выпуская кулон снежного дуба и чувствуя жар в груди. – Я продолжу встречаться с Лукасом.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 156**

Каждый, пересекающий в любом направлении границу благословенной страны Гарднерии, обязан пройти проверку железом.

Глава 2. Встреча

Припорошённые снегом улицы ослепительно сияют в солнечных лучах.

Я бреду по Верпаксу в толпе прохожих мимо склада у мельницы, прислушиваясь к топоту копыт. От яркого света слезятся глаза, дыхание в морозном воздухе вырывается клубами тёплого пара. Покрытые снегом вершины Южного хребта пронзают облака, как лезвие кривой сабли.

Как мало я могу сделать... На мгновение меня охватывает пугающая безысходность. Однако, что бы ни происходило, какие бы ужасы ни творились в наших землях, великолепные пики хребта по-прежнему устремлены ввысь. На их красоту больно смотреть.

Я опускаю тяжёлую коробку с колбами и пузырьками, доверху наполненными микстурами, на землю и прислоняюсь к дереву, не сводя глаз с белоснежных вершин. Дерево служит мне надёжной опорой, и, едва коснувшись его шершавой коры, я вижу, каким оно бывает летом, опушённое ярко-зелёной листвой.левой рукой я привычно тянусь к резному кусочку снежного дуба на шее.

Меня пронизывает пьянящий восторг магической силы, я втягиваю холодный воздух, стараясь почувствовать линии, по которым течёт энергия земли, однако к уже знакомым ощущениям добавляются другие – жаркие, искрящиеся.

Магия огня.

Дерево за моей спиной вздрагивает, и мне передаётся его страх. Тревожно оглядев тёмный ствол и голые ветви, я выпускаю кулон.

Что происходит?

Неподалёку громко и весело переговариваются ученики мельника. Светловолосые здоровяки-верпасиане, подгоняя друг друга, таскают тяжёлые мешки с зерном в фургон, выдувая облачка пара. На рукавах у них белые повязки в поддержку Фогеля – не самое приятное зрелище. С тех пор как гарднерийцы получили контроль над Советом Верпасии, многие верпасиане показывают, на чьей они стороне, в надежде умиловить всё растущее большинство гарднерийцев. Никто не хочет вызвать недовольства новых властей.

У обочины болтают солдаты в гарднерийской форме, все с белыми повязками на рукавах. Фургон мельника того же цвета, что и мундиры гарднерийцев, – чёрный, с серебристым шаром Эртии на боку. Фасады всех магазинчиков вдоль улицы украшены флагами Гарднерии, хотя их хозяева вовсе не гарднерийцы.

Мрачней с каждой минутой, я издали рассматриваю солдат. По приказу Фогеля гарднерийская гвардия была полностью переформирована, и очень многие, если не все солдаты Четвёртого дивизиона, вернулись в Верпакс, чтобы под командованием Лукаса Грея заново выстроить военный лагерь. Потому-то в последнее время их так много на улицах города.

Солдаты в чёрном очень похожи на захватчиков. Они в Верпаксе повсюду в своих новых мундирах, с боевыми мечами на перевязи, с выставленными напоказ волшебными палочками. И на каждом столбе бьётся на ветру объявление о награде за поимку преступников – да, нас с друзьями по-прежнему ищут за чувствительный удар по гарднерийским войскам.

Засмотревшись на солдат, я безотчётно прикусываю губу.

Вспоминаются рассказы Айвена о гарднерийских драконах, отправленных против кельтов во время Войны миров. Тогда много кельтских деревень сгорело дотла вместе с жителями. Я ни секунды не сомневаюсь, что эти темноволосые парни с упрямыми подбородками и нахальными улыбками исполнят любой приказ.

И не задумаются ни на мгновение.

Из пучины мрачных мыслей меня вырывает нежное прикосновение чьих-то губ к шее. Подскочив от неожиданности, я стремительно оборачиваюсь, пылая гневом. Да кто осмелился на подобную вольность?!

И застываю при виде наглеца, судорожно глотая морозный воздух.

Лукас Грей.

Во всём блеске. Чёрные, как вороново крыло, волосы и сияющие изумрудно-зелёные глаза.

И почему наяву он всегда красивее, чем в моих воспоминаниях?

Лукас призывно улыбается – манящий, как грех. Пола его чёрного плаща залихватски перекинута через плечо, на мундире сияют пять узких серебристых полосок – знак мага пятого уровня, и ещё одна широкая полоса – символ командующего дивизионом. Волшебная палочка покоится в ножнах на поясе, а на груди серебрится фибула с драконом – эмблема Четвёртого дивизиона.

– Не смей так подкрадываться! – вспыхиваю я.

Как с неба свалился... улыбается во весь рот... Что это на него нашло?

Лукас со смехом опирается о дерево и скептически оглядывает меня с головы до ног. Да, конечно, я в коричневом кельтском платье, которое несложно разглядеть под чёрной накидкой из грубой шерсти.

– Интересный фасон, – фыркает Лукас. – Зря стараешься, Эллорен. Как ни оденься, ты всё равно копия своей бабушки.

Я ничего не могу от него скрыть. Горькие слова сами собой срываются с моих непослушных губ.

– Я не потому... просто не хочу носить платья, сшитые рабынями-урисками.

– Так закажи гардероб у верпасийских портних, – невозмутимо советует Лукас. Его зелёные глаза по-кошачьи поблёскивают. – Хоть парочку приличных платьев.

Моё сердце предательски стучит всё громче, отзываясь на обольстительные нотки в голосе Лукаса, на его близость. Надо взять себя в руки, и я быстро окидываю взглядом улицу.

Откуда мне знать, на чьей он стороне. Осторожность прежде всего.

Подцепив цепочку мизинцем, Лукас мягко вытягивает мой кулон наружу.

– Ты всё-таки его носишь, – довольно мурлычет он.

В ответ на его прикосновение где-то глубоко внутри меня зарождаются искорки пламени. Я привычно обвиваю деревянный кулон пальцами, и бесформенный жар превращается в потоки огня, устремляющиеся вдоль моих линий силы.

– Что это за украшение, Лукас? – пытаюсь справиться с удивлением от новых ощущений, спрашиваю я. – Когда я касаюсь его... у меня внутри словно что-то просыпается... Такого со мной прежде не бывало.

– Снежный дуб пробуждает и развивает магические силы, – снова чарующе улыбается Лукас. – Потому я и подарил его тебе. Это деревце разбудит твои магические линии.

Накатывает новая волна жара, и я судорожно втягиваю воздух, а Лукас улыбается ещё шире.

– Твои линии силы просыпаются, Эллорен. Что ты чувствуешь?

Сглотнув ком в горле, я крепче сжимаю в руке резное деревце и сосредоточенно прислушиваюсь к себе.

– Линии земли... они, будто веточки дерева, прорастают внутри меня. Повсюду. Я чувствую их уже несколько дней. А сегодня... только что... появился огонь.

Лукас нежно берёт меня за ту руку, какой маги держат волшебные палочки, и прикладывает свою ладонь к моей. Невидимые линии-веточки вдруг загораются пламенем, как будто подожжённые факелом.

– А сейчас? – спрашивает Лукас.

– Горят сильнее, – восхищённо выдыхаю я. – Всё больше огня!

– И тебе нравится? – с улыбкой уточняет Лукас.

Я против воли киваю, наслаждаясь теплом разгорающихся линий силы.

– Ты сам как мой волшебный кулон!

– Ну да, – буравит он меня тёмным взглядом. – Мы друг для друга как искра.

Моё сердце готово выпрыгнуть из груди. Я отнимаю ладонь от руки Лукаса и выпускаю деревянный кулон. Быть может, так мне удастся прийти в себя.

– Значит, у меня сильные земные и огненные линии.

– Да, никаких сомнений. Со временем, возможно, проснутся и другие линии силы.

– А какие магические линии у тебя? – любопытствую я.

Уголки его губ приподнимаются в лукавой улыбке.

– Почему-то мне кажется, ты знаешь ответ.

Мои щёки тут же вспыхивают от смущения. Конечно знаю. Как же забыть тот поцелуй?!

– Земля и огонь?

Лукас кивает.

– Как у меня.

– Да, точь-в-точь.

В вихре мыслей ясно выделяется одна: мы идеально подходим друг другу, как кусочки мозаики. Теперь понятно, почему Лукас для меня одновременно и загадка, и открытая книга.

Так на чьей же он стороне? За Фогеля или против? Теперь я не знаю, что лучше.

Громкие голоса на улице снова врываются в мои мысли. Фургон гарднерийских солдат отъезжает, открывая стену между двумя магазинчиками. При виде слов, намалёванных там чёрной краской, хочется отступить подальше, но от страшной реальности не убежать. На стене написано:

ДА ПРИДЁТ ЧАС КРОВАВОЙ ЖАТВЫ...

Это слова из нашей священной книги, но видеть, как пачкают стены зданий – а в последнее время это происходит гораздо чаще, чем прежде, – невыносимо.

– Неужели тебя это ничуть не беспокоит? – встревоженно показываю я на страшные слова.

Лукас искоса бросает взгляд на стену и снова поворачивается ко мне.

– Да, беспокоит, – отвечает он, заранее отмечая возможные обвинения. – Всё больше гарднерийцев впадает в мракобесие, и меня воротит от этого безумия. Такого ответа ты ждала?

– Спасибо, Лукас, – открыто встречаю я его взгляд. – Других слов я бы просто не вынесла.

Секундочку... Если мы не можем лгать друг другу, значит, Лукас не соврёт, если я задам ему прямой вопрос. И всё выяснится раз и навсегда!

– Лукас, что ты думаешь о Фогеле? – с вызовом спрашиваю я.

Лукас отвечает осторожным взглядом.

– Эллорен, я человек военный. Советы магов и верховные правители приходят и уходят. Мы не выбираем вождей, мы защищаем государство.

Воздух между нами на мгновение сгущается, напряжение ощущается почти физически.

А потом мы одновременно с облегчением вздыхаем.

Возможно, потомкам дриад не дано врать друг другу, но хранить секреты мы всё же умеем.

– Ты сегодня не в настроении? – забавно приподняв правую бровь, уточняет Лукас и добавляет с сияющей улыбкой в ответ на мой раздражённый взгляд: – Сейчас мы это исправим!

О Древнейший! Он, пожалуй, исправит... Только не поддаваться!

Слегка нахмурившись, я с напускной суровостью киваю на широкую командирскую полосу на его рукаве.

– Как идут дела? Все ли враги разбегаются в страхе?

Лукас быстро оглядывает спешащих мимо прохожих.

– В Соппротивлении, оказывается, не дураки собрались. Они не только разрушили половину лагеря Четвёртого дивизиона, а ещё и утащили необъезженного дракона из-под носа у военных, которые, похоже, и часовых-то не выставили. – Он снова улыбается, но теперь его глаза вспыхивают, как у хищника, почуявшего добычу. – Неважно. Может, мы и растяпы, но победа будет за нами. А украденного дракона мы найдём в два счёта. Устроим охоту по всем правилам и здорово повеселимся! Как думаешь, справимся?

Он явно знает больше, чем говорит. От его испытующего взгляда меня пробирает дрожь.

– Так для тебя это всего лишь игра?

– Какой циничный вывод!

– Возможно. А твой извращённый взгляд на мир совершенно невыносим!

Незаметным, каким-то кошачьим движением Лукас обнимает меня за талию и притягивает к себе.

– Соскучилась? – шепчет он, согревая дыханием мою щёку. – Я-то уж точно соскучился.

От него веет... ароматом леса. А ещё магией, пробуждающей мои линии силы. Рядом с Лукасом так хорошо... даже лучше, чем с кулоном снежного дерева в ладони.

– Так что? – щекочет Лукас губами моё ухо. – Не подаришь поцелуй вернувшемуся герою?

Мои линии земли тянутся к его линиям, пульсируют жаром.

– Ты чудовище, как тебя Эртия носит...

Однако магия сильнее меня, и слова прерываются тихим вздохом, когда губы Лукаса нежно скользят по моей шее. Он крепко обнимает меня за талию под накидкой и прижимает к себе.

– И давно ты научилась разыгрывать из себя недотрогу? – нежно спрашивает он, на секунду прерывая поцелуй.

– Лукас, зачем я тебе? – едва выдыхаю я, не отвечая на вопрос.

Наши линии силы непреодолимо стремятся друг к другу.

– Ты красивая, – тихо смеётся Лукас. – И меня к тебе тянет. Твоя магия дополняет мою... очень соблазнительно.

Тонкими музыкальными пальцами он перебирает мои растрепавшиеся пряди, и тепло его рук проникает в меня, пробуждая огненные линии силы. Нельзя так просто поддаваться его чарам, однако я помню, на что согласилась, и разрешаю себе не сопротивляться.

«Ты должна по-прежнему встречаться с Лукасом, чтобы предотвратить возможные угрозы Соппротивлению и привлечь его на нашу сторону».

Я прекрасно помню эти слова.

И когда Лукас склоняется ко мне с поцелуем, я не отталкиваю его, я таю в его объятиях. Закрываю глаза и безрассудно отдаюсь его чарам, а наши магические линии пылают всё жарче, его тёмные ветви ласково касаются моих, помогая раскрыться тонким листочкам.

Лукас прерывает поцелуй и, поддразнивая, проводит губами по мочке моего уха.

– Скоро Йольский бал. Ты обещала пойти со мной. Не передумала?

– Нет, я пойду, – поспешно – даже слишком поспешно – киваю я.

Я тянусь к нему, потеряв всякий разум и стыд, желая новых поцелуев, от которых растут мои линии земли. И огня.

Лукас с самодовольной улыбкой выпускает меня из объятий.

– Я найду за тобой в шестом часу.

О нет! У меня Марина! Нельзя подпускать Лукаса к Северной башне, пока мы прячем там шелки.

– Пожалуйста, не надо... не приходи.

Что же сказать? Как объяснить, чтобы он поверил? В голове ни одной мысли. Врать Лукасу я, видимо, никогда не смогу. Можно даже не пытаться.

– Как скажешь. Тогда увидимся на балу. Найдёшь меня? – иронично приподнимает правую бровь Лукас.

– Ты яркая личность, – в тон ему отвечаю я. – Тебя трудно не заметить.

– И тебя, Эллорен, – смеётся он. – Очень трудно...

– Предупреждаю: я, возможно, приду на бал в этом платье, – неожиданно дерзко заявляю я, однако Лукас лишь окидывает меня откровенным взглядом, от которого у меня по спине бегут мурашки.

– Как хочешь. Мне всё равно, во что ты одета... – фыркает он на прощание и уходит.

О Древнейший на священных небесах!

Как, скажите на милость, сохранить остатки рассудка рядом с таким наглецом?

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 160

Всякий, кто желает вступить в любую из гильдий благословенной Гарднерии, обязан пройти проверку железом.

Глава 3. Цветы железного дерева

– Послушай, Эллорен, ты ведь не пойдёшь на Йольский бал?

Главная ассистентка профессора, Джезина Бэйн, беспечно окликает меня с кафедры в аптекарской лаборатории, однако в её словах таится угроза.

– Не собиралась, – уклончиво отвечаю я со своего места в дальнем конце класса, добавив в голос печальных ноток.

Соврать Джезине несложно, не то что Лукасу!

– А-а-а-а, – бросает на меня задумчивый взгляд Джезина, отрываясь от кипы лабораторных работ, которые она проверяет. Уголки её губ притворно-сочувственно опускаются. – Выходит, Лукас Грей совсем тебя позабыл. Какая жалость! – Глаза Джезины зло вспыхивают. – Я слышала, он к тебе ни разу не наведлся.

– Всё так. – Я печально вздыхаю, старательно не показывая своих истинных чувств. – Мне его так не хватает!

Представляю, как Джезина Бэйн подскочит, когда я приду на бал с Лукасом. Ради этого стоит рискнуть! Однако искорка триумфа быстро гаснет при виде огромного флага Гарднерии за спиной у Джезины.

Многие мои одноклассники-гарднерийцы пришивают гарднерийский флаг на сумки и платья, и все без исключения носят белые повязки в поддержку Фогеля. Как бы мне хотелось сорвать эту повязку с моего рукава, сбрызнуть горючей жидкостью и высечь искру, а потом смотреть, как ненавистная тряпка корчится в синем пламени. Тьерни наверняка меня бы поддержала.

И ещё эти афиши с цветами железного дерева, зазывающие всех на Йольский бал! Ими увешаны все стены в университете. В этом году бал будет в день нашего священного праздника – Фестиваля цветов железного дерева, и нам открыто предлагают воспользоваться этой возможностью и продемонстрировать наш патриотизм, восхититься успехом гарднерийской политики, благодаря которой Гарднерия теперь сильнее других государств в Эртии.

От постоянных напоминаний о величии Гарднерии у меня сводит скулы.

Отгоняя грустные мысли, я пытаюсь сосредоточиться на задании – сегодня мы проходим процесс дистилляции, извлекаем эфирное масло из цветов железного дерева. Это масло используют во многих лекарствах и в косметике, однако мы с Тьерни обе терпеть не можем работать с железными цветами. Они такие хрупкие, их так легко повредить и практически невозможно дистиллировать без магических заклинаний.

А это означает, что мы с Тьерни застрянем в аптекарской лаборатории надолго, в отличие от наших более магически одарённых соучениц.

Почти у всех студенток склянки уже наполнены тёмно-синей жидкостью, а Джезина неторопливо движется от стола к столу, взмахом волшебной палочки проверяя, верно ли проведён эксперимент. Если под действием её заклинания эфирное масло принимает лиловый оттенок, Джезина довольно кивает.

– Давай поторапливаться, – тревожно бормочет Тьерни, бросая взгляд на бледно-голубую жидкость в нашей склянке. – Скоро наша очередь.

Мне тоже не по себе. Если мы прямо сейчас не предъявим злобной кузине Фэллон достойный результат нашей работы, сидеть нам потом за дополнительными заданиями и хорошей оценки в конце семестра не видать как своих ушей.

А мне очень нужно сдать экзамен на «отлично».

– Они подгоняют дистилляцию магией, – шипит Тьерни.

– Знаю, – морщусь я. – Магия огня и воды...

– Погоди... – Тьерни явно что-то задумала. Искоса взглянув на мой кулон снежного дуба и убедившись, что Джезина проверяет работу за несколько столов от нас, подруга шёпотом командует: – Положи ладонь на последнюю колбу, а другой рукой держись за резное деревце. Если снежный дуб вольёт немного силы в твои магические линии, я смогу дотянуться до них моей магией воды.

Дерзкий ход. Может, и получится, но Тьерни очень рискует, демонстрируя при всех свои способности.

– Ты уверена?

– Я прекрасно управляю своей силой, – хмурится Тьерни.

Сердится, что я в ней сомневаюсь.

Я незаметно кладу правую ладонь на колбу, а левой рукой сжимаю кулон из снежного дуба. Только бы Джезина не обернулась.

Тьерни накрывает мои руки своими тонкими пальцами.

– Соберись. Почувствуй свои линии силы.

Прохладная водная магия Тьерни бежит по моей руке, земные линии силы пробуждаются, рядом с ними искрят линии огня. Водная магия стремится вдоль моих линий всё быстрее, и вот уже мои незримые ветви тянутся к колбе, а рядом с ними поблёскивают и линии огня.

В глубине сосуда вспыхивает синий огонь, вода вскипает, из горлышка вырывается пар. Мы одновременно отрываем ладони от горячего стекла. Жидкость внутри колбы меняет цвет.

Теперь она сияет глубоким тёмно-фиолетовым цветом, напоминая благородный сапфир.

Мы с Тьерни едва успеваем обменяться ошарашенными взглядами, как рядом с нашим столом останавливается Джезина Бэйн.

– Ну, чем вы на этот раз нас удивите? – брезгливо осведомляется она.

Джезина тихо проговаривает заклинание и касается волшебной палочкой нашей колбы, в которой синеееет результат наших стараний.

Дистиллят упорно отказывается менять цвет.

Джезина хмуро произносит другое заклинание и снова касается палочкой стеклянной стенки сосуда. На этот раз вокруг жидкости вспыхивает тёмно-лиловый ореол, но её цвет по-прежнему не меняется.

Нам с Тьерни остаётся только молча смотреть на склянку, раскрыв рты от изумления.

– Она блокирует мою магию, – обвиняюще морщит лоб Джезина, бросая на нас гневный взгляд, однако тут же фальшиво улыбается. – Поздравляю с грандиозным провалом, – кивает она. – К концу следующей недели прошу вас выполнить все дополнительные задания по этой теме.

Джезина поворачивается на каблуках и уходит, печатая шаг.

– Что мы натворили? – спрашиваю я.

От склянки до сих пор исходит сияние, окрашивая наши лица голубоватым светом.

– Не знаю, – ошеломлённо качает головой Тьерни. – Я очень ясно ощутила твою силу, Эллорен, – шепчет она, – почти коснулась твоей магии. В тебе живёт огонь. Целое море огня.

Я взглядом прошу подругу оставить разговоры, и мы принимаемся за работу – надо повторить дистилляцию с самого начала.

У нас только вскипает жидкость в первой колбе, а успешно окончившие работу студентки уже спешат из лаборатории. Очаровательная Екатерина Саллз с подругой останавливаются неподалёку и шепчутся, ехидно поглядывая на Тьерни. Эти девушки уже давно почему-то особенно её невзлюбили.

– Говорят, Леандр идёт на бал с невестой, они недавно обручились, – доносится до нас нежный голос Екатерины.

Об этом Тьерни лучше бы не слышать. Рана ещё свежа. Леандр Старк несколько лет был учеником её отца, мастера-стеклодува, и очень нравился Тьерни. Совсем недавно он обручился с Грасиной Пелтье, признанной красавицей.

Тьерни упрямо смотрит вниз и очень ровно дышит, вцепившись в край стола. Бледно-голубая жидкость в первой колбе булькает, от пара исходит тонкий аромат цветов железного дерева.

– Не обращай внимания, – шепчу я.

Стоит Тьерни разволноваться, и на нас обрушится самая настоящая буря прямо посреди лаборатории.

– Я пытаюсь, – скрежещет зубами подруга.

– Подумай о чём-нибудь другом, – настаиваю я. – О чём-нибудь хорошим.

Тьерни искоса бросает на меня острый, будто лезвие кинжала, взгляд.

– Скажи, что пойдёшь на Йольский бал, – не просит, а требует она. – Это будет очень хорошая новость.

Екатерина с подругой, ухмыляясь, наконец уходят, и мы с Тьерни остаёмся вдвоём. Я с облегчением вздыхаю. Обошлось. И всё же странно, почему Тьерни заговорила о бале? Теперь важно не дать ей вернуться мыслями к Леандру.

– Честно говоря, я не собиралась идти, – отвечаю я.

Тьерни в непритворном ужасе распахивает глаза.

– О нет! Ты пойдёшь!

Я только пренебрежительно фыркаю.

– Лукасу-то я сказала, что приду, но пригрозила нацепить кухонный фартук.

– Ну уж нет! – Тьерни резко качает головой. – Сейчас ты напишешь своей тёте – вот закончим дистилляцию, и сразу напишешь! И попросишь её заказать для тебя бальное платье у лучшей портнихи Верпасии. – Каждое слово подруга подкрепляет убедительным жестом, направив тоненький пальчик мне в грудь. – Скажешь, что тебе жизненно необходимо самое красивое платье во всей Эртии. Поверь, тётя тебя поймёт.

– Но как же я буду... праздновать, – с отвращением наморщив лоб, буквально выплёвываю я слова, – с кучкой гарднерийцев?

Конечно, я понимаю, что с Лукасом ссориться нельзя, он может помочь Соппротивлению, однако ненависть к гарднерийцам и всему гарднерийскому в последнее время захлёстывает меня с головой. Подумать только, мои сородичи творят такое... несут страх и жестокость всем Западным землям! Я ничего не хочу с ними праздновать! Ни Йоль, ни Фестиваль цветов железного дерева. Больше всего меня тянет разорвать в клочки гарднерийские флаги, которыми увешаны все стены в лаборатории.

В глазах Тьерни поблескивает сталь, и под её взглядом я умолкаю.

– Знаешь, Эллорен, жизнь у меня не сахар. А скоро станет ещё горше. – Она придвигается ко мне поближе. – Уж сделай мне такой подарок – врежь как следует Её Зловреднейшему Величеству Фэллон Бэйн! Она сейчас, правда, не у дел, но скоро вновь окажется на коне. И вот тогда пусть узнает, как ты танцевала на Йольском балу с Лукасом Греем, разодетая в пух и прах! – В глазах Тьерни сверкают молнии. – Не отбирай у меня эту радость, Эллорен Гарднер!

Я криво улыбаюсь в ответ:

– Ты меня пугаешь.

– Вот и хорошо, – язвительно усмехается Тьерни. – Бойся на здоровье. Фэллон не единственная, кто способен превратить тебя в ледышку.

У меня вырывается хриплый смешок:

– Ладно. Пойду. Закажу платье.

Тьерни откидывается на стуле с ехидной улыбкой на угловатом лице, как насытившаяся кошка.

– И пусть Фэллон лопнет от злости, – мурлычет она. – Разлетится на тысячу кусочков!

Спустя три дня с соколиной почтой получены инструкции от тёти, и мы с Тьерни идём в ателье мадам Рослин в Верпаксе.

Это прелестный дамский магазинчик, каких в Гарднерии не бывает и быть не может, – повсюду платья и юбки запретных цветов. Стены покрыты бумажными обоями нежно-лилового оттенка, на позолоченных столиках тут и там красуются вазы с чайными розами.

Мадам Рослин – дама с седеющими светлыми волосами, заплетёнными в косу, и пронзительными голубыми глазами – встречает меня натянутой улыбкой. Портниха удивительно похожа на мага Элоизу Флорель, которая шила мне платья в Верпасии. К поясу мадам пристёгнут аккуратный стёганный мешочек с нитками и булавками. Две зеленокожие девочки-уриски лет четырнадцати, взволнованно переглядываясь, нерешительно топчутся неподалёку. В ателье тепло и уютно: на столике сервирован чай, рядом блюдо с пирожными, однако от портнихи и её помощниц исходит почти ощутимая волна страха.

Судя по всему, гарднерийцы в этом магазинчике бывают нечасто. Чёрные наряды и ткани занимают здесь лишь дальний уголок. Девушки и дамы-гарднерийки в последнее время заказывают одежду только у соотечественниц, однако тёте Вивиан с ними не по пути. Искусство портных и модельеров тётушка ставит куда выше пресловутой идеологии. А мадам Рослин, по слухам, одна из лучших в своём ремесле во всех Западных землях.

Мы с Тьерни вежливо и дружелюбно улыбаемся, принимая открытую коробку с платьем, аккуратно завернутым в тонкую папиросную бумагу.

– Разворачивай скорее, – просит Тьерни, едва не подпрыгивая от нетерпения.

Совсем рядом я замечаю рубиново-алое платье, и на мгновение теряю дар речи. Багряное. Ни единой чёрной точки.

Примерить бы такое хоть разок!

Повсюду в магазинчике выставлены платья ярких, насыщенных цветов. Рядом с алым – небесно-синий наряд, расшитый снежно-белыми птицами, воротник и манжеты украшены тончайшими кружевами того же оттенка.

– Тьерни, ты только посмотри, – восхищённо выдыхаю я. – Синее платье...

– Нам не до синих платьев, – нетерпеливо переминается с ноги на ногу Тьерни, готовая выпрыгнуть из собственной зачарованной кожи. – Разворачивай!

Моя дорогая фея того и гляди вызовет настоящую бурю посреди уютного магазинчика! Я осторожно высвобождаю платье из папиросной бумаги, и мы с Тьерни одновременно ахаем от восхищения.

Длинная нижняя юбка и облегающая туника до пят сшиты из чёрного, как ночь, тончайшего шёлка. Покрой скромный, традиционный, однако я в жизни не видела такого неотразимого и до неприличия обольстительного платья.

Изображениями священных цветов железного дерева разрешается украшать женские одежды по тесьме у подола, а моё платье расшито великолепными бутонами и распустившимися цветами сверху донизу. Переливающиеся всеми оттенками голубого и синего, цветы кажутся настоящими, живыми. Платье будто осыпано драгоценными огоньками, и чем ниже, тем гуще и роскошнее рисунок на чёрном фоне.

И это ещё не всё. К платью прилагается маленькая, почти незаметная коробочка.

Серьги. Изысканные цветы железного дерева выложены настоящими сапфирами, а листочки сияют изумрудами. В третьей коробке меня ждут атласные туфельки на тончайшей шпильке. Чёрный атлас так густо расшит железными цветами, что туфли кажутся синими, чёрная ткань едва заметна.

– Вот это да! – восклицает Тьерни, как только к ней возвращается дар речи. – Пожалуй, этот наряд не для добродетельной и богобоязненной дамы!

– Тётя Вивиан – натура противоречивая, – поясняю я, не в силах оторваться от платья. – Она придерживается самых строгих правил и того же требует от остальных, однако к вопросам моды и женского гардероба это не относится.

– Боги небесные! – едва слышно шепчет Тьерни. – Надень его. Примерь!

– Прошу сюда, маг Гарднер, – улыбается мадам Рослин.

Портниха явно успокоилась. Моё искреннее восхищение её работой растопило лёд. Отработанным жестом она указывает на примерочную, скрытую за плотным занавесом. Оставив серьги и туфли у Тьерни, с платьем и юбкой в руках я поспешно скрываюсь в указанном направлении.

Нижняя юбка идеально подчёркивает мою талию, а длинная туника с разрезами по бокам ниже пояса облегает как вторая кожа. Отодвинув расшитую розами штору, я выхожу в зал. Платье – настоящее произведение искусства! Оно требует особой походки – упругой и плавной, и я с радостью подчиняюсь.

Под восхищёнными взглядами Тьерни, портнихи и девочек-помощниц я поворачиваюсь к зеркалу, с шелестом взмахнув нижней юбкой.

Я вся усыпана сияющими цветами. Платье сидит идеально. Каждый бутон и лепесток на своём месте.

– О, маг... – Мадам Рослин шагает ко мне, раскрыв от изумления рот. Она совсем забыла, что недавно была не рада моему визиту, и без стеснения нежно касается вышивки. – Это азурийские нити, – благоговейно сообщает она. – Мне никогда не выпадала честь работать с таким изумительным материалом. Синий цвет эта нить приобретает особым образом: её вымачивают в драгоценной эссенции цветов железного дерева – процесс очень долгий и дорогостоящий. Однако ваша тётушка потребовала для вас самого лучшего. – Взволнованно вздохнув, портниха обращается к помощницам: – Орнилла, Морилли! Погасите огни. Задёрните шторы.

Девочки-уриски торопливо выполняют приказ. И вот уже шесть фонарей за янтарными абажурами погашены, плотные шторы задёрнуты, и в комнате воцаряется благоговейная тишина.

Я зачарованно застываю перед зеркалом. Моё платье светится. Каждый вышитый лепесток пульсирует насыщенным лазоревым светом.

– Святые боги на небесах, – тихонько охает Тьерни. Её лицо в отблесках синевы сияет широкой улыбкой. – Вот увидишь, Фэллон точно сойдёт с ума. Да и Лукас тоже!

Глава 4. Пустоши

Ледяной ветер встречает меня ударом в лицо.

В сумерках я выхожу из Северной башни и на минуту останавливаюсь на краю пустоши. Бледные отсветы заката исчезают за горизонтом, уступая место серому облачному небу.

Холодно. Моё дыхание вырывается облачками пара, я плотнее запахиваю накидку и надвигаю на лицо капюшон, пряча изысканную причёску – творение Тьерни. Когда я вышла из ванной в общую залу нашей Северной башни, даже Ариэль раскрыла рот от восхищения. Марина безмолвно моргала, словно замороженная сиянием расшитого синими цветами платья. И только Винтер осталась серьёзной, озабоченно поглядывая на кулон снежного дуба, как будто он таит опасность.

Я пускаюсь в путь по извилистой каменистой дорожке, слушая хруст льдинок под каблуками. Тёплая накидка почти полностью скрывает платье, выглядывает лишь самый край нижней юбки – от него исходит переливчатое сияние. Снег в голубоватых лучах вокруг моих ног выглядит прелестно, однако я напряжённо смотрю вниз, боясь не совладать с собой. Как не хочется идти на гарднерийский праздник!

Огромная, почти бескрайняя в сумерках пустошь вокруг давит суровым безмолвием, и я останавливаюсь, чтобы рассмотреть поблёскивающие вдали огни университетского городка. Ещё дальше вздымаются к небу снежные вершины Южного хребта, как отражение своего северного собрата. Обе горные цепи с одинаковым упорством взрезают облака, и у меня вдруг ёкает в груди – дурное предчувствие.

Какие высокие горы... невероятно высокие.

Горные хребты смыкаются капканом, берут долину в клещи. Как гарднерийские войска. «Чёрная Ведьма!»

Эти слова вместе с невесомыми снежинками приносит ветер.

Что ещё за сюрприз? На меня будто смотрит кто-то невидимый, и от этого взгляда волосы на затылке встают дыбом. Густая лесная чаща совсем близко, в нескольких шагах.

Лес бурлит меня взглядом.

Всматриваясь в переплетение тёмных ветвей, я никого не вижу – вокруг лишь пустота, тьма и тени. Вдали по-прежнему призывно сияют огни университета.

«Чёрная Ведьма!»

Опять? Сердце бьётся всё чаще, не повинуюсь рассудку.

– Кто здесь? – пронзительно вскрикиваю я, обшаривая взглядом тени на границе леса и пустоши.

Ответа нет. Лишь шелест сухих листьев, упрямо цепляющихся за узловатые ветви.

Одинокий лист спархивает с ветки, летит ко мне по ветру, как живой, и бьёт меня по щеке. За ним следуют и другие, царапая мне щёки и подбородок. Я с визгом отмахиваюсь от них, как от надоедливых насекомых, и ветер стихает.

Тишина.

У моих ног кучкой лежат коричневые листья, но больше никаких следов на снегу нет. В ответ на мой пристальный взгляд из леса ко мне тянутся невидимые, но почти осязаемые щупальца зла.

«Чёрная Ведьма!»

У меня перехватывает дыхание, и я торопливо отступаю от леса.

– Я не Чёрная Ведьма, – едва дыша, шепчу я. «Да с кем я разговариваю? С деревьями?»
– Оставьте меня в покое!

Тени пульсируют, надвигаются резкими скачками, несут с собой тьму. Всего один удар сердца – и деревья обступают меня, смыкая ряды, как кольцо наёмных убийц.

Охнув, я делаю ещё шаг назад и падаю на покрытый ледяной коркой снег. Перед глазами вспыхивает зарево костров, пожирающих лес. Деревья вопят и стонут. Толстые чёрные ветви изгибаются и тянутся ко мне, как прутья клетки. Они хотят меня задушить! Зажмурившись, я хрипло зову на помощь.

Чья-то рука хватается меня повыше локтя, и рёв пламени тут же смолкает.

– Эллорен! Что случилось?

На меня смотрит Джаред, в его золотистых глазах вспыхивает тревога. Я испуганно оглядываю пустошь.

Лес снова далеко. Деревья шумят там же, где всегда. Ветер безразлично гуляет среди ветвей, горстки сухих листьев у моих ног как не бывало.

Голова у меня идёт кругом, и я благодарно позволяю Джареду поставить меня на ноги. Странно... с востока небо потемнело почти до черноты.

– Лес... – с трудом выговариваю я. Моё сердце трепещет в груди, как у перепуганного зайчишки. – Мне показалось, что деревья... меня окружили.

Лес жмётся на краю поля, как хитрый, коварный мальчишка.

Бросив проницательный взгляд на чёрные деревья, Джаред со вздохом признаёт:

– Иногда мне тоже кажется, что здесь я заперт, как в клетке. Особенно в свете последних событий. – Он щурит янтарные глаза в сторону Северного хребта. – Кажется, что спасения нет и не будет.

Может, рассказать Джареду о деревьях? Они хотят меня убить! Но я молчу. Бояться деревьев глупо и смешно.

Жаль, что я отдала белую волшебную палочку Тристану. Вот бы сжать её сейчас в руке... Шанс мизерный, конечно, но что, если это действительно тот самый Белый Жезл из старинной легенды? Я всё чаще вспоминаю о белой палочке, грежу о белых, лучащихся светом птицах на лесных ветвях.

Белый Жезл меня защитит. Не даст в обиду деревьям.

– Куда ты идёшь? – спрашивает Джаред, охватив взглядом мою праздничную причёску, украшения и накрашенное лицо.

– На Йольский бал.

Я оглядываюсь на шпильки университетского городка и отряхиваю накидку. Платье не пострадало, и моё сердце понемногу замедляет безумный бег.

– На праздник? А с кем? – В глазах Джареда мелькает искорка удивления.

– С Лукасом Греем, – помедлив, отвечаю я.

Глаза Джареда округляются.

– Но как же... я думал, что вы с Айвеном...

– Не думай, – резко обрываю его я, вспомнив о способностях ликанов чувствовать влечение других на расстоянии. Не хватало ещё покраснеть от стыда. – Айвену я не нужна.

Джареду, по-видимому, есть что мне возразить, однако он, совсем как мой брат Тристан, не расположен судить или любопытствовать. Поэтому он лишь протягивает мне руку.

– Идём. Я тебя провожу.

Он что, серьёзно?

– Ты хочешь пойти со мной на гарднерийский бал? Ты уверен? Представляешь, что все скажут? Зачем тебе лишние неприятности, да ещё из-за меня?

Джаред коротко усмехается.

– Не беспокойся. Я справлюсь. Мне просто интересно взглянуть на ваши ритуалы спаривания.

Да, Джаред частенько выражается на редкость прямолинейно, и мне остаётся лишь удивлённо приподнять брови.

Внезапно его улыбка гаснет, и Джаред опускает глаза.

– И ещё... возможно...

Конечно. Айслин. Возможно, там будет Айслин.

Моя дорогая подруга Айслин Грир, которую влечёт к Джареду так же сильно, как его влечёт к ней. Однако родители Айслин, очень верующие гарднерийцы, никогда не позволят ей послушаться своего сердца.

Айслин обещана другому.

Когда Джаред вновь поднимает голову, в его глазах таится такая боль, что смотреть на него выше моих сил.

Порыв ледяного ветра пригибает деревья к земле, юбка обвивает мне ноги, не давая ступить и шагу.

«Чёрная Ведьма!»

У меня в груди снова вспыхивает страх, и я резко поворачиваю голову к лесу.

– Слышал?

– О чём ты? – Джаред прислушивается, склонив голову набок.

Ветер стихает. Пустошь снова окутывает сонная тишина.

Показалось. Игра воображения. Уж если Джаред с его невероятно тонким слухом ничего не слышит, значит, ничего нет.

Не отвечая, я гипнотизирую взглядом лес.

– Как ты думаешь, она действительно существует?

– Кто? – наморщив лоб, уточняет Джаред.

– Чёрная Ведьма из пророчества.

О Древнейший! Пусть это будет кто угодно, только не Фэллон Бэйн!

В стущающихся сумерках Джаред задумчиво провожает взглядом белую сову. На темнеющем небе по одной зажигаются крошечные звёзды.

– Ну, если она и существует, – наконец отвечает он, – то лучше бы нам отыскать её прежде, чем это сделает Фогель.

Ликан улыбается, надеясь меня подбодрить, но взгляд его по-прежнему серьёзен. Он снова протягивает мне руку, и на этот раз я благодарно на неё опираюсь.

Шагая через поле, мы дружески болтаем, но я чувствую враждебный взгляд деревьев – они смотрят мне в спину. Напоследок я встревоженно оборачиваюсь, чтобы убедиться – лес по-прежнему далеко.

Глава 5. Йольский бал

Надвинув капюшоны пониже, мы с Джаредом идём в потоке празднично разодетых гарднерийцев, стремящемся к главному входу в Белый зал.

Гарднерийский солдат на посту у двери выхватывает взглядом из толпы Джареда – не заметить ликана сложно, – и выражение его лица быстро меняется и становится враждебным.

– Сюда, – тяну я Джареда в сторону. – Через главный вход нам не пройти.

Мы аккуратно обходим парочки гарднерийцев, сдерживая смех при виде изумлённых взглядов. Крепко держась за руки, мы входим в здание с чёрного хода для кухарок и прислуги. Из-за тёмного бархатного занавеса, которым окружён изнутри весь Белый зал, кроме внешней галереи, доносится музыка, смех и весёлые голоса.

Я останавливаюсь, чтобы сменить зимние ботинки на атласные туфельки, заботливо припрятанные во внутренних карманах накидки, и ставлю промокшую обувь у стены – пусть просохнет.

Переглянувшись, мы с Джаредом отодвигаем край бархатного занавеса и взволнованно заглядываем внутрь, как дети в поисках запретных конфет. Нас окутывает тёплый воздух, музыка звучит яснее и громче.

– Джаред, смотри!

Белый зал сегодня не узнать. Восхищённым взглядом я обвожу изумительные украшения и чувствую, как мои земные линии силы пробуждаются к жизни.

Купол Белого зала с его созвездиями закрыт переплетёнными ветвями железных деревьев в цвету – наверное, постарались земные маги. Распустившиеся бутоны всех оттенков синего и голубого сияют призрачным светом. Большие блестящие кадки с цветущими железными деревьями превратили зал для собраний в настоящий лес.

На паркете под музыку кружатся парочки. С переплетённых в вышине ветвей свисают синие стеклянные фонари и покачиваются в такт мелодии. В трепещущем пламени свечей цветы блестят ещё ярче. Драгоценности девушек сияют, переливается вышивка на платьях, искрятся хрустальные бокалы с вином – гарднерийцы веселятся.

Даже обычно сырой, промозглый воздух Белого зала преобразился: теперь он пропитан ароматами дорогих духов и цветов железного дерева. Официанты, уриски и кельты, с натянутыми улыбками снуют в толпе, разнося на золочёных подносах напитки и закуски и зажигая погасшие фонари. Неподалёку мелькает Фернилла с пирожными, и я оглядываю зал в поисках Айвена. Что, если он тоже здесь?

Стоит подумать об Айвене, и у меня в груди поднимается горячая тревожная волна. А вдруг он где-то неподалёку и я его скоро увижу?

Мы с Джаредом тихо входим в зал и останавливаемся за выстроившимися в ряд кадками с железными деревьями. Мне не хочется привлекать внимание роскошным нарядом, и я пока не снимаю накидку, только отбрасываю на плечи капюшон и привожу в порядок перевитые дорогими украшениями локоны. Джаред тоже снимает капюшон и с усмешкой встряхивает перепутанными светлыми кудрями.

Посреди зала на небольшом возвышении играет оркестр. Звучит величественная и слегка печальная мелодия. У меня перехватывает дыхание от великолепного убранства зала и одновременно шемит сердце от досады. Все эти гарднерийцы – мои сограждане! – собрались здесь как победители, как стая хищных птиц. Огромный гарднерийский флаг за спинами музыкантов притягивает взгляд – серебристая сфера Эртии на чёрном, как ночь, фоне.

Флаги тоже оружие. Средство подавления непокорных.

– Не желаете прохладительного, маг?

Пожилая служанка-уристка протягивает мне позолоченный поднос с напитками и пирожными. Заметив Джареда, она сначала недоверчиво улыбается и тут же озабоченно хмурится. При виде традиционного гарднерийского угощения на её подносе – полукруглых крыльев – у меня внутри всё сжимается в тугий узел. Такие крылья у моих соседок по комнате, икариток Ариэль Хейвен и Винтер Эйрлин.

Резким кивком я отказываюсь от угощения, и пожилая уристка поспешно уходит.

– Печенья-крылья? – удивлённо спрашивает Джаред, показывая на смеющихся гарднерийцев. Гости с хрустом ломают песочные печенья, прежде чем откусить кусочек.

– Это крылья икаритов, – краснея от стыда, поясняю я. Семья Гаффни каждый раз присылает Айслин и её подругам на Йоль и Праздник урожая целые корзины такого печенья. – Их надо сломать пополам – такая традиция.

Джаред хмуро провожает взглядом поднос за подносом с горами печений-крыльев. Зал наполняется хрустом – если не смотреть, кажется, что стучит град по железной крыше. Я болезненно морщусь, против воли воображая, что с каждым треском на крыльях Ариэль и Винтер появляются прорехи.

Мои соплеменники захватят Западные земли так же легко, как хрустят печеньем, как ни горько это осознавать.

– А почему зал украшен цветами железного дерева? – интересуется Джаред. – Это связано с вашими легендами?

– Да, есть одна история в священной книге, – рассеянно отвечаю я. – Давным-давно наш народ спасла пророчица Галлиана. Гарднерийцы бежали от тёмных сил, враги значительно превосходили нас числом. Галлиана призвала волшебство железных цветов и с Белым Жезлом в руках встала на защиту Гарднерии. Знаменитую пророчицу ещё называют Железным цветком.

– Интересно. А как она это сделала?

Эту историю я слышала столько раз, что весь флёр таинственности и героизма для меня давно улетучился.

– Галлиана оседлала огромного ворона и ринулась в бой, сразив демонов рекой волшебного огня, – пожав плечами, сообщаю я. – Потом она увела гарднерийцев в пустыню, подальше от опасности. Каждый год мы вспоминаем её подвиг как раз перед Йольским праздником – устраиваем Галлиалейские гулянья, или Фестиваль цветов железного дерева. Это просто разные названия одного и того же дня в году. На этот раз бал случайно совпал с ежегодным праздником.

– Вот оно что, – задумчиво тянет Джаред, оглядывая зал. – Что ж, цветок как символ праздника вы выбрали отменный.

В голосе Джареда звучат особые нотки, которые иногда проскальзывают во время разговоров с его сестрой Дианой, когда они обсуждают красоту природы.

Однако, приглядевшись к убранству зала, ликан вдруг хмурится.

– Чтобы украсить Белый зал, все эти деревья погубили! – возмущённо поворачивается он ко мне.

– Да, наверное.

Переплетённые над нашими головами ветви железных деревьев действительно обрублены, а цветущие деревца в кадках лишены корней. К моему стыду и смущению, мои земные линии силы незримо тянутся к мёртвой и умирающей древесине.

Тянутся, как голодный к куску хлеба.

– Как странно... – вздыхает Джаред. – Почему гарднерийцы, что бы они ни строили, всегда копируют леса и в то же время ненавидят живые деревья и жаждут предать их огню?

– Такая у нас вера, – неловко объясняю я. – Мы покоряем природу, потому что в ней живёт дух Зла.

Глаза Джареда обиженно сверкают.

– Очаровательная выдумка!

Те деревья на пустоши... они не желали мне добра. Шептали мне на ветру. Чувствовали магию в моих линиях силы...

– А знаешь, что ещё непонятнее? – спрашивает Джаред.

Я качаю головой и молча смотрю на него.

Джаред оглядывает просторный зал.

– Большинство пар здесь друг друга терпеть не могут.

– Ты серьёзно?

– Да. Больше половины. Ужасное ощущение.

Полагаясь на невероятно тонкое чутьё ликана, Джаред указывает на несколько неподходящих друг другу пар. А потом показывает на тех, с кем эти несчастные действительно мечтают быть рядом. Высокий, прекрасно сложенный молодой военный в серой униформе с серебряным кругом стоит рядом с прелестной юной гарднерийкой. Судя по линиям на их руках, они обручены.

– Видишь вон того юношу?

Я киваю. Джаред показывает на другого молодого человека – тоже военного стажёра, но в чёрной форме с синей, как цветы железного дерева, каймой.

– Эти двое без ума друг от друга. Я чувствую, как их влечёт друг к другу.

Приглядевшись к юношам, я с удивлением замечаю, что время от времени они украдкой обмениваются страстными взглядами. Если не обращать пристального внимания, то и не заметишь. Бедный мой Тристан... он так мечтает свободно выражать свои чувства, но боится последствий.

– Если о них узнают, то посадят в тюрьму, – говорю я.

Джаред уже наверняка почувствовал, как я разволновалась из-за Тристана.

– Не понимаю я твоих соотечественников. Вы берёте совершенно нормальные и естественные вещи и сочиняете правила, чтобы их оболгать и запретить. Глупость же! – хмурится Джаред.

– А у ликанов это разрешено? Мужчины могут жить с мужчинами? – удивлённо уточняю я.

– Конечно. – Взгляд Джареда полон жалости и беспокойства. – Запретить это было бы просто жестоко.

– И ваша вера не осуждает таких союзов?

Неужели это правда, и у ликанов мой брат не стал бы изгоем, а ему подобным не пришлось бы скрывать свои истинные чувства и склонности?

Джаред пристально смотрит на меня, возможно, ощущая мою внезапную вспышку тревоги.

– Эллорен, – наконец сочувственно отвечает он, – я говорю правду. Нет у нас таких запретов.

Я отворачиваюсь, чтобы потихоньку смахнуть набежавшие жгучие слёзы.

– Значит, в землях ликанов Тристан смог бы жить так, как подсказывает ему природа? – срывающимся шёпотом спрашиваю я.

– Да... – Джаред колеблется, прежде чем договорить. – Однако ему пришлось бы стать ликаном.

– Но тогда он лишится магии, – резко напоминаю я. – Ведь ликанам гарднерийская магия неподвластна. – Я горько качаю головой. – Тристан – маг пятого уровня. От такой силы добровольно не отказываются. И мой брат не сможет.

Джаред мрачно кивает, соглашаясь, и во мне вспыхивает обида за младшего брата.

– Выходит, Тристану некуда идти. Он нигде не найдёт счастья и покоя.

– Есть ещё земля Ной, – тихо напоминает Джаред.

Мы оба прекрасно знаем, что жители земли Ной вряд ли обрадуются внуку Чёрной Ведьмы. В какую бы отвратительную клетку загнали Тристана обитатели всех государств Эртии!

– А ликаны танцуют на праздниках?

Надо хотя бы попытаться взять себя в руки и не давать воли раздражению, как бы плохо мне ни было!

Джаред оглядывает зал с плохо скрываемым презрением.

– Мы танцуем... Но не так, как вы. Наши танцы возникают стихийно, не по приказу. Да и, честно говоря, вы здесь танцуете... как деревянные куклы. В нашей музыке особый, очень сильный ритм, и наши партнёры в танце держатся очень близко друг к другу. А это... – кивает он на кружащиеся в танце пары, – так пляшут детишки.

Я невольно краснею, вообразив чувственный, откровенный танец ликанов.

А вот и Пейдж Сноуден – стоит у стены с небольшой группой девушек и рассеянно отправляет в рот маленькими кусочками изысканные угощения. При виде направляющегося к ней Сайлуса Бэйна на её лицо набегают тени. Мне и самой трудно скрыть отвращение – Сайлус в своей чёрной военной форме с сияющей волшебной палочкой у бедра держится так же дерзко и улыбается так же жестоко, как его родственнички Фэллон и Дэмион.

– Знаешь, – вдруг признаюсь я Джареду, вздрогнув от страха, – когда Фэллон выздоровеет и узнает, что я танцевала с Лукасом на Йольском балу, она меня убьёт.

– Не беспокойся, – утешает меня Джаред, подхватывая с подноса бокал с голубоватым пуншем. – Диана уже давно предупредила Фэллон, что, если с твоей головы упадёт хоть волос, голова Фэллон окажется на университетских воротах, навечно отделённая от тела.

В ответ на такое заявление невозможно не рассмеяться, и я хмыкаю, принимая из рук Джареда второй бокал с пуншем.

– За свободу! – с улыбкой поднимает тост Джаред. – За свободу для всех!

– За свободу, – соглашаюсь я, и мы сдвигаем бокалы.

Пунш оказывается очень сладким. По голубоватой поверхности скользят засахаренные лепестки цветов железного дерева, гладкие стенки бокалов приятно холодят пальцы. Глядя на счастливые, по крайней мере внешне, парочки, я вспоминаю Диану и моего старшего брата.

– Знаешь, Джаред, моя тётя Вивиан больше не платит за учёбу Рейфа.

Улыбка на губах ликана медленно меркнет.

– До неё дошли слухи о Диане, – объясняю я. – Все уже знают. Недавно тётя сообщила, что приедет нас навестить, как только закончатся заседания в Совете магов. Мне кажется, она хочет пригрозить Рейфу.

– Но разве Рейф сможет сам платить за учёбу? – удивлённо поднимает брови Джаред.

– Он теперь работает вместе со мной. На кухне. Он всегда терпеть не мог готовку и уборку, и вот судьба наказала его! – улыбаюсь я.

У главного входа в зал вдруг раздаётся дружный вздох, толпа отшатывается при виде Рейфа и Дианы, которые, весело хохоча, врываются в зал. Рейф тянет Диану за руку, а она притворно сопротивляется. Они оба в мятых брюках и куртках, у Дианы за плечом болтается тушка зайца – скорее всего они возвращаются с охоты.

У меня отвисает челюсть, и кровь отливает от лица.

Гарднерийцы протестуют всё громче, а Рейф, не обращая внимания, ведёт Диану на паркет и кружит в танце, крепко прижимая к себе. Их лица сияют счастьем.

Я в ужасе оборачиваюсь к Джареду – побледневший ликан отвечает мне встревоженным взглядом.

– Это гарднерийский праздник! – выкрикивает солдат с нашивками мага третьего уровня и проталкивается через толпу к Диане и Рейфу.

За ним спешат трое добровольных помощников. Музыка понемногу стихает.

Бросив на разгневанных военных вызывающий взгляд, Рейф крепко обнимает Диану и страстно целует её, не стесняясь зрителей.

Толпа гостей потрясённо колыхнется, всё яснее звучат возмущённые голоса.

Маг третьего уровня выхватывает волшебную палочку.

– Нет! – всхлипываю я, схватив Джареда за руку. – У Рейфа ни капли магии!

– Я знаю, – рычит сквозь зубы ликан. Под моими пальцами перекачиваются его крепкие мышцы.

Диана вырывается из объятий Рейфа и проказливо улыбается ему. Потом восторженно хватая его за руку и с хохотом тянет за собой сквозь толпу прочь из зала. Я облегчённо вздыхаю: обошлось! Гневные голоса и крики «наподдать этим нахалам» понемногу стихают, а солдаты исчезают в толпе.

– Скажи, твои родители знают о том, кого выбрала Диана? – помолчав, обращаюсь я к Джареду.

Ну и кашу заварил мой старший братец...

– Знают, – отвечает ликан. На его скулах проступают желваки. – Они приедут к нам на День основателей. – Поколебавшись, Джаред всё же добавляет: – Отец хочет поговорить с Рейфом.

Вот ужас-то! Такой сюрприз приятным не назовёшь. Я так ждала Дня основателей... По традиции в этот день родители и прочие родственники съезжаются в Верпакс навестить студентов. Дядя Эдвин наконец чувствует себя гораздо лучше, и я жду не дождусь встречи с ним. Мы так давно не виделись! Недавно я получила письмо от дяди, в котором он сообщает, что снова ходит сам и даже без трости. Правда, письмо дядя продиктовал слуге тёти Вивиан, писать ему пока тяжело.

Похоже, День основателей станет не только праздничной встречей с родственниками, но и опасным приключением: ликаны, конечно, многое принимают и прощают, чего не дождётся от других рас, однако мне сложно представить, как они расплывутся в счастливых улыбках при встрече с внуком Чёрной Ведьмы.

– Приедут не только наши родители и младшая сестра, – искоса поглядывая на меня, предупреждает Джаред. – Их будет сопровождать личная гвардия отца в полном составе.

– А твой отец, случайно, не собирается пригрозить Рейфу или запугать его? – Я крепче обхватываю бокал.

Джаред молча оглядывает гостей. Музыканты робко наигрывают знакомую мелодию, стараясь успокоить взволнованную толпу.

– Нет, – наконец отвечает ликан. Его голосу явно не хватает уверенности. – По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Вдруг Джаред замечает кого-то в дальнем конце зала, глубоко вздыхает и взволнованно шепчет:

– Айслин...

Действительно, среди гостей мелькает худенькая фигурка Айслин. Издалека подруга похожа на перепуганную птичку. Мы с Джаредом одновременно выступаем из-под ветвей, и я осторожно приветствую Айслин коротким взмахом руки. Она отвечает мне так же, а заметив Джареда, уже не сводит с него расширившихся глаз и направляется к нам.

– Джаред, ты здесь... – слегка запыхавшись, произносит Айслин вместо обычного приветствия. Она смотрит на ликана влюблённым взглядом, но быстро берёт себя в руки и, покраснев, отворачивается. – Я очень рада видеть вас обоих.

– А я думала, ты ещё не вернулась из Валгарда. – Айслин собиралась рассказать отцу, что не может обручиться с Рэндаллом, как бы на этом браке ни настаивали родители. – Разве ты не хотела поговорить с отцом?

Айслин неохотно кивает, тоскливо глядя на меня. Джаред ставит бокал на столик и нежно касается локтя Айслин. Этот жест не остаётся незамеченным – дамы-гарднерийки, увлечённо стрекочущие неподалёку, разглядев ликана, да к тому же так близко, встревоженно ретируются в дальний конец зала.

По щекам Айслин катятся слёзы, и она вытирает их тыльной стороной ладони.

– Отец сказал, что я должна обручиться с Рэндаллом. И как можно скорее. Он очень... разгневался, когда я воспротивилась. Очень... – Она вздрагивает, стараясь подавить всхлип. – Он сказал, что если дочь не повинуется отцу, то она... больше не дочь.

– Ох, Айслин! Мне так жаль, – сочувственно вздыхаю я.

– Хуже некуда, – едва шевеля непослушными губами, продолжает она. – Отец сказал, что заберёт меня из университета. Мне пришлось извиниться и умолять его о прощении. Обратившись в университет он отправил меня в одной карете с Рэндаллом. Мы всю дорогу ругались. Отец велел Рэндаллу не спускать с меня глаз. Сегодня мне повезло, я от него сбежала. Постоянно быть с ним рядом просто невыносимо!

Айслин вытирает глаза, и на длинных рукавах её шёлкового платья отпечатываются дорожки слёз.

– Давай уедем вместе, – спокойно и властно предлагает Джаред.

Айслин недоверчиво улыбается ему.

– Джаред, меня выгонят из дома. Навсегда! Ты не понимаешь... Я просто... не могу!

– Можешь, – настаивает ликан. В его золотистых глазах вспыхивает решительный огонёк. – Айслин, так нельзя. Давай уйдём прямо сейчас!

Окинув толпу гостей рассеянным взглядом, Айслин поворачивается к Джареду, и на её лице расцветает доверчивая счастливая улыбка. Мне вдруг кажется, что если они действительно уйдут сейчас вместе, то Айслин больше не вернётся.

– Иди, – подталкиваю я подругу. – И поспеши!

– Айслин! – доносится высокомерный окрик.

Это голос Рэндалла. Побег отменяется. Рэндалл стремительно шагает к нам. На нём новая выглаженная военная форма.

– Убери свои лапы, – приказывает он Джареду. Однако ликан, не шелохнувшись, смотрит на него полным ярости взглядом, Рэндалл грубо хватая Айслин за другую руку и тянет к себе.

– Отпусти её! – требую я.

Айслин всхлипывает от боли и инстинктивно шагает к Рэндаллу.

В глазах Джареда уже полыхает гнев. Оскалив острые белые зубы, ликан глухо, по-звериному рычит и коротким прыжком бросается к Рэндаллу.

– Отпусти её, гарднериец, – ощеривается он. – Не то останешься без руки.

Рэндалл в ужасе разжимает пальцы и, спотыкаясь, пятится.

– Айслин! – визгливо кричит он. – Отойди от него!

Айслин по-прежнему зачарованно смотрит на Джареда широко раскрытыми глазами.

Четверо подоспевших солдат со скрежетом выхватывают из ножен мечи и встают за спиной Рэндалла.

– Нас больше, оборотень, наша взяла. – Воодушевлённый такой поддержкой, нахально заявляет Рэндалл, неуклюже обнажая собственный меч.

В следующее мгновение Джаред одним прыжком оказывается рядом с Рэндаллом, выхватывает меч из руки гарднерийца и одной рукой сгибает блестящее лезвие пополам. С оглушительным звоном бесполезный, покорёженный меч падает на каменный пол. Из глотки Джареда рвётся неудержимый рык, и Рэндалл с приспешниками в страхе отступают.

– Я сын Гунтера Ульриха! – угрожающе обнажив острые клыки, напоминает ликан и снова берёт Айслин за руку. – Я приму вызов от любого и втопчу вас в пыль!

Словно прилипнув к полу, Рэндалл нервно моргает.

- Айслин... – хрипит он уже не так требовательно, как раньше.
- Айслин медленно качает головой, будто пытаясь стряхнуть наваждение.
- Отпусти меня, Джаред, – едва слышно просит она. – Моё место рядом с ним.
- Нет, Айслин! – обжигая её взглядом, уверяет ликан. – Это неправда!
- Отпусти меня. Пожалуйста.

По лицу Джареда пробегает волна боли, и он выпускает руку Айслин.

- Иди сюда! – дрожащим голосом приказывает ей Рэндалл.

Она принимает его руку и позволяет себя увести, не произнеся ни звука.

Джаред провожает Айслин горящим взглядом, и на мгновение мне кажется, что он сейчас набросится на Рэндалла, забыв обо всём.

- Джаред, ты... – Я отчаянно пытаюсь его успокоить.

Недослушав, он отворачивается и пробивается сквозь подавленно застывшую толпу к задней двери, прочь из зала.

Я почти сразу бросаюсь следом, но, когда мне удаётся выбраться на улицу, Джареда уже не видно. Петляя по лабиринту вечнозелёных деревьев в кадках и искусно вырезанных ледяных фигур, я спешу к краю террасы. Вдали, посреди пустого белого поля мелькает тёмный силуэт – Джаред! Мне его не догнать...

За полем чернеет непроходимый лес.

Я зову ликана, отчаянно выкрикиваю его имя – бесполезно. Он даже не оборачивается. Огромная ледяная статуя, голубовато-синяя в свете фонаря, притягивает мой измученный взгляд, нависает надо мной. Это изображение моей знаменитой бабушки, точная копия памятника перед главным собором Валгарда. В правой руке Карнисса Гарднер сжимает волшебную палочку, а у её ног – поверженный икарит.

В морозном воздухе тихо звенят знакомые слова: «Чёрная Ведьма».

Джаред исчезает в непроглядной тьме.

Глава 6. Жернова истории

Я молча стою, не в силах отвести глаз от чёрных деревьев вдали, искренне сочувствуя Джареду и Айслин.

Печально вздохнув, я поворачиваюсь к ледяной статуе Чёрной Ведьмы и глажу край скользкого и холодного крыла икарита. Если бы я могла его оживить! Запрокинув голову, я молча вглядываюсь в жестокое ледяное лицо, черты которого так похожи на мои. Колючие снежинки тают на моих щеках, холод медленно пробирается под накидку, и меня охватывает озноб.

– Она прекрасна, – доносится откуда-то сзади голос Лукаса, и я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Он обнимает меня за талию и нежно прижимается ко мне сзади. Озноб отступает перед блаженным теплом, а мои линии огня оживают в ответ на прикосновения Лукаса.

– Прекрасна, – повторяет он ласково. – Как ты.

Так нечестно. Чары Лукаса слишком сильны, поддаться им так легко... Не хочется ни сопротивляться, ни спорить.

В памяти всплывают слова Лукреции: «Помоги нам выяснить, на чьей он стороне».

Подыскав оправдание своей слабости, я таю в объятиях Лукаса. Стоит коснуться кулона из снежного дуба, как мои линии огня и земли вспыхивают, согревая меня изнутри, и я судорожно вздыхаю. Лукас придвигается ещё ближе, и его земные линии тоже просыпаются и стремятся к моим невидимым ветвям, переплетаются с ними одна за другой. Я стараюсь дышать размеренно и ровно, наслаждаясь необычным ощущением.

Лес вдалеке за белым полем вдруг оживает, вздрагивает от страха. Деревья, будто живые существа, отшатываются от нас с Лукасом.

И замирают в безмолвии... как будто перепуганные дети ищут спасения от чудовищ. На этот раз, оглядывая густой лес, я чувствую на щеке тёплое дыхание Лукаса, и меня переполняет пьянящая сила.

Вместе мы превращаемся в опасное и очень мощное оружие.

Где-то в глубине вспыхивает тревожный огонёк, и я высвобождаюсь из объятий Лукаса. Сердце у меня бьётся быстро-быстро, я словно балансирую на острие новой чувственной силы.

– Ты чувствуешь, правда? – прямо спрашивает Лукас. Его изумрудные глаза блестят в сапфировом свете фонаря.

– Что-то произошло, – дрожа, признаюсь я. – Мои линии силы всколыхнулись, а потом... деревья это ощутили. В лесу мне часто бывает не по себе, – хмуро пожимаю я плечами. – Но теперь... деревья меня ненавидят.

Лукас искоса бросает взгляд на лес и поле.

– Они чувствуют твою силу... силу твоей бабушки, которая просыпается в твоих жилах. – Его голос понижается до шёпота. – А ещё они боятся нас, потому что мы с тобой потомки дриад.

Интересно! Лукас так просто произносит запретные слова?! Хорошо, что мы одни и нас никто не слышит.

– Лукас! Да это крамола!

– Ох уж эти мне гарднерийские сказки о расовой чистоте. Какая чушь!

По губам Лукаса скользит мимолётная улыбка.

Какой цинизм! От возмущения я впечатываю кулак в ледяное крыло икарита.

– Что ты говоришь?! Как ты можешь сражаться за идеалы, в которые даже не веришь?

На лицо Лукаса набегает тень.

– Расовой чистоты нет в природе, Эллорен. Есть только сила, могущество или их отсутствие.

На краю поля пылает костёр. Собравшиеся у огня гарднерийцы весело выкрикивают йольские поздравления. Фонари из синей бумаги лучатся в темноте, как драгоценные камни.

Позабыв обо всём при виде этой удивительной красоты, я облакачиваюсь на ледяную статую, и крыло икарита падает к моим ногам, рассыпаясь на мелкие, блестящие, как хрусталь, осколки. Я виновато провожаю взглядом медленно опускающиеся на них снежинки.

– Пора, – говорит Лукас, решительно глядя на меня. – Подари мне танец!

В его глазах отражаются синие искорки. Какое у него лицо... в нём ни капли доброты – только жесткие линии и острые углы. И у меня такое же. Однако он слишком хорошо понимает, что я чувствую, и это меня завораживает.

– Ты ещё не видел моего платья.

Лукас выжидательно отступает, я расстёгиваю накидку и плавно сбрасываю её с плеч.

Лукас замирает, как зачарованный.

Снежинки парят над нами редкими, блестящими хлопьями, а моё расшитое цветами железного дерева платье и сапфировые серьги переливаются в мерцании фонарей.

Лукас медленно окидывает меня взглядом с головы до ног, и в его глазах загорается страсть.

– Ты выбрала восхитительно вызывающее платье. – Он пристально смотрит мне в лицо. – Ты неотразима, Эллорен.

В его голосе проскальзывают хриплые нотки, приоткрывая обычно глубоко спрятанные чувства, и в моём сердце просыпается тоскливая тянущая боль.

– Знаешь, с завтрашнего дня и навечно Железным цветком будут называть не Галианну, а тебя, – не сводя с меня восхищённого взгляда, говорит Лукас.

Снежинки кружатся всё быстрее, почти закрывая белым вихрем чёрное бархатное небо.

– Пойдём! Покажем всем, как надо праздновать! – отвечаю я.

К чему сегодня сомнения? Даже если потом мы пойдём разными дорогами, то пусть хотя бы эта ночь запомнится нам навсегда.

С медлительной улыбкой Лукас подаёт мне руку, и я опираюсь на неё, ощущая, как частит от волнения пульс.

– Готова? – спрашивает Лукас, по-кошачьи блеснув зелёными глазами.

Я киваю, и мы отправляемся в Белый зал.

Мы пересекаем просторный вестибюль, двигаясь в такт, как одно целое.

Нам вслед несутся вздохи гарднерийцев – моё далеко не скромное платье не остаётся незамеченным. Встречные почтительно кланяются Лукасу, солдаты и военные стажёры салютуют ему, прижимая правую руку к сердцу.

Лукас никому не отвечает, никого не видит.

Толпа гостей расступается перед нами, и мы без помех проходим туда, где кружатся в танце пары. При нашем приближении музыка стихает.

Пальцы Лукаса скользят по моей руке от локтя вниз и нежно сжимают мою ладонь. Он уверенно ведёт меня в центр танцевального круга.

Сердце бьётся у меня в груди, как птица в клетке. Оркестр снова пробуждается к жизни, Лукас крепко обнимает меня одной рукой за талию и с врождённой грацией делает первый шаг. Мы кружимся под музыку, сливаясь в единое существо, и у меня в душе звенят весёлые колокольчики. Отовсюду доносятся вздохи восхищения, редкие аплодисменты, другие пары тоже вступают в круг.

Танцевать с Лукасом Греем – истинное наслаждение. Каждое его движение выверено, он ведёт меня точно и без колебаний, и я лишь послушно и радостно следуя за ним. На чёрных,

как вороново крыло, волосах Лукаса пляшут синеватые блики от фонарей. Его глаза прикованы к моему лицу.

– Говорят, я пропустил кое-что интересное, – произносит Лукас, искусно раскручивая меня в пируэте и касаясь моей руки лишь кончиками пальцев. – Жаль, что опоздал.

Пейдж Сноуден замерла, уставившись на нас с Лукасом. Глаза у неё, как блюдца. Рядом с Пейдж стоит с бокалом пунша в руке Сайлус Бэйн. Поймав мой взгляд, Сайлус с притворным восхищением салютует мне бокалом. Жестокая улыбка на его лице не сулит ничего хорошего. А вот и Джезина Бэйн в чёрном бархатном платье, усыпанном бриллиантами. Она тоже не сводит с меня ледяного взгляда.

– Она меня убьёт, – сообщаю я Лукасу, кружась в его объятиях.

– Кто? – невозмутимо уточняет он.

– Фэллон Бэйн. Вот выздоровеет и... уложит меня в ледяную могилу. А её братья и кузина тоже наверняка не останутся в стороне.

– Фэллон сейчас под двойной охраной, – весело улыбается Лукас. – Недавно на неё снова покушались.

– Неужели?

– О да! Эти неумолимые ишкартанские наёмные убийцы... На этот раз они заявили вдесятером.

– О Древнейший!

Лукас отвечает коротким хриплым смешком.

– Эллорен, что же здесь удивительного? Фэллон считают второй Чёрной Ведьмой. Конечно, такая персона притягивает внимание и порой нежелательное. Однако до сих пор Фэллон упрямо отказывалась соблюдать меры предосторожности.

– Лукас, – говорю я, чувствуя, как глубоко внутри меня раскручивается тонкой спиралью страх. – Значит, мне конец? Она – Чёрная Ведьма, а я её смертельный враг!

– Не тревожься, Эллорен, – снисходительно качает головой Лукас. – Фэллон не Чёрная Ведьма.

– Ты уверен? Но почему?

– Она, конечно, сильный маг, и некоторые заклинания у неё получаются очень эффектно, но до волшебного дара твоей бабушки Фэллон очень далеко.

– Понятно. А когда она узнает, как мы с тобой веселились на Йольском балу, то заморозит мне кровь в жилах.

Лукас тихо презрительно фыркает.

– Ничего у неё не выйдет. Ну, помучает она тебя... немножко. – Он нависает надо мной. – Или как повезёт. – Послушная его воле, я снова кружусь в восхитительном пируэте, а Лукас лукаво усмехается. – Однако этот танец того стоит, согласна?

Как будто не замечая моего хмурого взгляда, Лукас меняет тему.

– Твоя подруга Айслин что-то совсем раскисла – даже не улыбнулась мне в ответ. Я встретил её по дороге на праздник. Она шла с Рэндаллом Грейсоном.

– Родители заставляют её обручиться с Рэндаллом, а она не хочет.

– И я её не виню. Рэндалл – законченный кретин.

– Как ты можешь говорить такое? Вы же с ним вместе служите! – возмущённо спрашиваю я.

– Он никчёмный трус, которого на версту нельзя подпускать к гвардии. – Недовольно сжав губы, Лукас оглядывает зал. – Гарднерийцам сейчас очень нужен достойный противник, который выбьёт из наших рядов глупцов и лентяев вроде Рэндалла.

– А я-то думала, что солдаты предпочитают слабых врагов, – язвительно сообщаю я.

Лукас снова усмехается.

– Только трусы, рядящиеся в солдат, мечтают о слабом противнике. Настоящие войны желают встречи с врагом, равным им по силе.

– Настоящие войны? И ты один из них?

– Да, – без малейших колебаний отвечает Лукас.

– Так какой же враг тебе нужен? Расскажи.

– Ну, если выражаться метафорически... Пусть он будет как огромный каменный жёрнов.

– Чтобы стереть в порошок всех и вся?

– Чтобы наточить о него мой меч, – самоуверенно усмехается Лукас и неожиданно крепко прижимает меня к себе. – Поговаривают, твой брат заходил сюда с ликанкой?

– Об этом мы с тобой говорить не будем, – медленно закипая, цежу я сквозь зубы.

– Почему? – смеётся Лукас.

– Потому что ты их, скорее всего, ненавидишь!

– Ликанов? За что мне их ненавидеть?

– Если прикажут, ты убьёшь их не задумываясь.

– Конечно, – кивает он. – А гвардия Гунтера Ульриха перебьёт всех в этом зале, если им прикажут.

– Это разные вещи.

– Абсолютно одинаковые. – Лукас серьёзно смотрит мне в глаза. – Эллорен, твоему брату не стоит забывать, на чьей он стороне. Это опасная игра. Маркус Фогель намерен захватить спорную часть территории ликанов. От недружественных дипломатических отношений мы скоро перейдём к откровенно враждебным шагам.

– Если Гарднерия спровоцирует ликанов и начнётся война, Рейф не станет драться, – возмущённо отвечаю я.

Лукас хмурится, черты его лица становятся ещё жёстче. Он замедляет танец и выводит меня под ветви импровизированной рошцы в кадках.

– Рейф не обладает магией, однако он один из лучших следопытов в наших рядах. Его мастерство очень пригодится нашей армии, особенно в схватке с ликанами.

Я решительно высвобождаю руку из цепких пальцев Лукаса.

– Он не будет с ними сражаться.

– Значит, ему не жить.

В моём воображении тут же возникает картинка: Рейф без труда уворачивается от тучи стрел.

– Сначала попробуйте его поймать, – фыркаю я.

– Рейфу не выстоять против нашей гвардии.

– А он просто уйдёт к ликанам! – не сдаюсь я.

Но моя горячность только смешит Лукаса.

– Эллорен! Твой брат – внук Карниссы Гарднер! За всю историю ей одной удалось выступить против ликанов с некоторым успехом. Думаешь, наши милые соседи забыли о потерях в Войне миров? Как бы не так! Они никогда не примут твоего брата. К тому же Диана Ульрих – дочь вожака стаи. Неужели ей позволят обручиться с гарднерийцем? Да его разорвут на части, лишь бы не допустить подобного скандала.

Вот теперь я разозлилась по-настоящему!

– С меня хватит! Это не игрушки. Я люблю брата!

– Ну так убеди его расстаться с Дианой Ульрих. Пусть думает головой, а не...

– Понятно, можешь не продолжать! – огрызаюсь я.

Лукас пристыженно умолкает.

– Прости, – извиняется он, на секунду склонив голову. – Неудачно выразился... Понимаешь, меня... тянет говорить тебе правду. – Он отводит глаза, недовольный собой, как будто

признался в собственной слабости. – Наверное, так действуют наши линии силы. Они очень похожи. Ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой.

– И поэтому ты согласился со мной обручиться? – хмуро уточняю я.

– Да. – Губы Лукаса медленно растягиваются в хитрую улыбку. – И ещё, конечно, тебя приятно целовать. Очень.

Щёки у меня тут же заливаются краской.

– Так ты по-прежнему хочешь...

– Обручиться с тобой? Конечно. – Его самодовольная улыбка теплеет, и Лукас берёт меня за руку. – У меня далеко идущие планы, Эллорен. И обручение – только начало.

Он нежно поглаживает тыльную сторону моей ладони большим пальцем, и мои линии огня тут же воспламеняются в ответ на ласку.

– Но... разве ты влюблён в меня, Лукас? – подозрительно спрашиваю я, и память услужливо напоминает, как страстно он смотрел на меня недавно, впервые увидев моё скандальное платье.

– Что ты предпочитаешь: красивую ложь или правду?

– Ты не сможешь мне солгать, и лучше услышать правду.

– Я не верю в романтические бредни, – серьёзно отвечает он. – Это просто глупо. Так что мой ответ – нет. Я не влюблён в тебя, Эллорен.

– Какая откровенность! Ты сразил меня наповал! – обиженно фыркаю я.

Мелодия постепенно замедляется, и Лукас незаметно притягивает меня к себе. Его дыхание обжигает мне щёку.

– Однако мне кажется, что мы становимся друзьями. А дружбу я ценю гораздо выше ложных чувств, в которые не верю.

Друзьями! Даже не знаю, что думать о таком признании. А рука Лукаса, нежно поглаживающая мне спину, не даёт сосредоточиться. Наши линии силы тянутся друг к другу, меня кидает в жар. Не сдержавшись, я глубоко вздыхаю и сдаюсь – к чему противиться, если меня неудержимо влечёт к его огню? И когда губы Лукаса находят мои, я забываю обо всём на свете.

Нас наверняка видно – за железными деревьями не спрячешься. Смутно доносятся осуждающие восклицания шокированных гостей, но мне всё равно. Лукас действует на меня, как волшебное тёмное дерево Астерота, заставляя искриться мою кожу. Ветви наших земных линий силы переплетаются сильнее, а когда поцелуй Лукаса становится более требовательным, по ним пробегают язычки пламени.

Лукас отстраняется и смотрит на меня странно напряжённым взглядом, от которого меня пронизывает сладостное ощущение опасности.

– Может, найдём уголок потише? – спрашивает он вполголоса.

Скованная страхом, смешанным с вожделением, я всё же нахожу в себе силы сказать:

– Пожалуй, не стоит.

Лукас отвечает понимающим взглядом, нарочито официально отступает на шаг и подаёт мне руку. Я покорно иду за ним и танцую в его объятиях один медленный вальс за другим. Повсюду веселятся гости в сверкающих драгоценностями одеждах, а чуть дальше...

Айвен.

Он стоит в стороне от кухонной прислуги, прислонившись к железному дереву, и смотрит мне в глаза. Меня окатывает жаркая волна, линии огня вспыхивают, подобно молниям, и я едва сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть от неожиданности.

Стараясь собраться с мыслями, я отворачиваюсь, но забыть о его присутствии в зале не получится. Я всё же перевожу дыхание и наконец набираюсь храбрости снова взглянуть на него. Айвен по-прежнему не сводит с меня глаз. Его лицо ничего не выражает, как всегда, когда он смотрит на меня. Только на этот раз в его взгляде я читаю кое-что новое.

Страстное желание.

Мои мысли путаются... Я неотрывно смотрю на Айвена и кружусь в объятиях Лукаса, следуя за рисунком танца. Ах, если бы на месте Лукаса был Айвен! Если бы его губы прижались к моим. Его руки обнимали меня. Его пламя было рядом. И, отбросив всякую осторожность, я отвечаю Айвену таким же откровенным, полным страсти взглядом.

– Ты вся горишь, – шепчет мне на ухо Лукас.

Новый пируэт – и я больше не вижу Айвена.

– Здесь жарко, – отвечаю я, чувствуя, как кровь всё сильнее приливает к щекам.

– О да! – низким сладострастным голосом усмехается Лукас.

Он обнимает меня ещё крепче, нежно щекочет губами шею, и волна жара, которую подарил мне Айвен, постепенно исчезает. Когда я снова вижу его, Айвен уже поворачивается к Айрис. Она что-то говорит ему и призывно улыбается, опуская на стол поднос с пирожными, выложенными горкой в форме йольского дерева, и игриво тянет Айвена за рубашку.

От внезапного укола ревности я сбиваюсь с ритма и едва не наступаю Лукасу на ногу.

Айвен снова смотрит на меня, но уже совсем по-другому, его зелёные глаза в негодовании сверлят Лукаса. Но вот Айрис берёт его за руку и уводит на кухню.

И Айвен послушно идёт за ней! Почему бы нет...

Я старательно делаю вид, что всё в порядке, но, увидев их вместе, уже не могу успокоиться.

«Отпусти его, – твержу я себе. – Он ясно сказал, что не поддастся чувствам... или что там вспыхнуло между нами. Он никогда не будет со мной. Так пусть идёт своей дорогой!»

Послушавшись внутреннего голоса, я обнимаю Лукаса и притягиваю его к себе.

Он тут же отзывается на мой порыв – его руки смыкаются на моей талии, а губы прижимаются к моим.

«И не нужен мне Айвен», – утешаю я себя, загоня подальше обиду и тая в жарких объятиях Лукаса.

Но почти физически ощутимая страсть Айвена по-прежнему со мной, хоть и прячется в самой глубине сердца.

Глава 7. Водяной конь

Я осторожно иду через редкий подлесок, крепко держа дужку фонаря и ориентируясь по следам на снегу. Выглядывающий из-под тёплой накидки краешек платья, расшитого цветами железного дерева, освещает дорогу, мерцая нежно-голубоватым светом.

Праздник давно закончился. Приближается полночь. Я сжимаю пальцами левой руки кулон снежного дуба. Непроглядно чёрный лес тяжело молчит, и в этой густой тишине моё дыхание звучит слишком громко. Что, если деревья готовят ещё одно нападение призраков?

Тишина.

Лишь дрожь пробегает по тёмным стволам и ветвям, они словно отшатываются от меня. Но под их робкой покорностью угадывается что-то ещё.

Они ждут. Ждут, когда я попаду в ловушку.

«Прекрати, Эллорен, – убеждаю я себя. – Не позволяй деревьям сбивать себя с толку. Они ничего тебе не сделают. Это обыкновенный лес».

Сквозь ветви впереди мелькает оранжевое пламя, и я с облегчением, пусть и прерывисто, вздыхаю. Сегодня очередь Тристана стоять на страже, пока Ариэль и Андрас лечат Нагу в пещере, где мы её прячем. Андрас учится на ветеринара, и кое-какие из его знаний пригодятся в уходе за драконом. Ариэль изучает в университете сельское хозяйство, коров, овец, прочий домашний скот и тоже вносит свою лепту. Хоть бы Джаред пришёл сегодня... я весь вечер о нём беспокоюсь.

Однако на поляне только Айвен. Он в одиночестве напряжённо застыл на бревне, устремив взгляд в костёр. Мои щёки тут же вспыхивают румянцем смущения.

Пока я пристраиваю фонарь на ветку, Айвен явно следит за мной, хоть и не сводит глаз с огня. Присев напротив, я протягиваю замерзшие руки к пламени. В душе у меня бушует самый настоящий ураган. От костра во все стороны разлетаются искорки, будто светлячки посреди зимы, и я приказываю себе не смотреть на Айвена, не восхищаться его точёным лицом, освещённым золотистым светом костра.

– Я думала, сегодня очередь Тристана охранять Нагу, – прерываю я напряжённую тишину, стараясь говорить как можно непринуждённое.

– Всё так. Тристан охраняет Нагу. Я просто зашёл к ней в гости, – отвечает Айвен, не сводя зелёных глаз с костра.

– Почему же ты сидишь здесь?

– Она спит, – коротко поясняет он, подкрепив свои слова пылающим взглядом.

– Чего же ты ждёшь? – пожимаю я плечами. Обидно, когда Айвен обрывает меня вот так... – У тебя наверняка куча дел.

«С Айрис».

– А я люблю разводить костры. – В голосе Айвена проскальзывают нотки враждебности. – Захотелось спалить что-нибудь.

Мои щёки горят всё сильнее, и сердце падает куда-то в пропасть – я отчётливо вспоминаю, как Айвен смотрел на меня на празднике, когда я танцевала с Лукасом Греем. Я помню огонь Айвена.

И его страстное желание.

Мы долго сидим в неловкой тишине, каждый сердито думает о своём и даже не оборачиваемся к Тристану, моему младшему брату, когда он выходит из пещеры.

– Привет, Рен, – осторожно здоровается Тристан, поглядывая на нас с Айвеном, как будто измеряя уровень напряжения между нами.

Я бормочу в ответ что-то нечленораздельное и снова всматриваюсь в огонь.

– Так что, Рен... – Тристан садится рядом со мной и заводит разговор. – Я слышал, ты ходила на Йольский бал... с Лукасом Греем. Так?

Я молча пожимаю плечами, избегая встречаться взглядом с Айвеном.

Помолчав немного, Тристан решается задать главный вопрос:

– Так ты теперь... с ним?

Костёр вдруг вспыхивает, пламя поднимается до небес, искры летят во все стороны. Задумчиво приподняв брови, Тристан вопросительно оглядывает нас с Айвеном.

– Я ходила с Лукасом на бал, – оправдываюсь я сквозь зубы, – и всё.

Если не считать поцелуев. Очень страстных поцелуев.

Пламя снова вздымается к небу, едва не подпалив мне край юбки, и по моим линиям огня бежит пламя Айвена. Затолкав подол шёлкового платья под колени, я бросаю на Айвена обвиняющий взгляд, однако он как ни в чём не бывало жадно вглядывается в самое сердце костра.

Неужели и волшебные силы Айвена всё быстрее раскручиваются спиралью, бегут огнём по его жилам?

Вот она – магия огненных фейри.

Костёр съёживается и возвращается к обычному потрескиванию, а Тристан молча достаёт мою белую волшебную палочку и принимается отрабатывать заклинания. В свете костра на его рукаве поблёскивают пять серебряных полосок. По приказу Тристана из воздуха появляется водный шарик и беспечно покачивается над кончиком волшебной палочки, пока маг не отправляет его прямо в костёр, где шарик со свистом превращается в облачко пара.

Мои линии силы пробуждаются, их влечёт к Белому Жезлу. Мою правую руку, которой маги обычно держат волшебные палочки, как будто покалывает крошечными иголками от зависти и нетерпения. Ну почему я не могу, как Тристан, добраться до моих расцветающих магических сил и тоже создать что-нибудь с помощью волшебной палочки?!

Я уныло слежу за каждым движением брата, а он пробует всё новые заклинания водной стихии. Мои мысли блуждают от Айвена к волшебным палочкам, потом к танцу с Лукасом, наполняя меня странными противоречивыми ощущениями.

Из леса доносится шум, и Айвен встаёт, чтобы встретить неожиданного гостя лицом к лицу. На поляну неуклюже выбирается Тьерни, и я с облегчением вздыхаю, однако на щеках подруги блестят слёзы, и я поднимаюсь ей навстречу.

– Тьерни, что случилось?

Мои слова растворяются во тьме, а позади Тьерни возникает тень, немного похожая на лужицу чернил, но тут же вскипающая, как бурлящий поток и возвышающаяся над нами и костром.

Я встревоженно отступаю, а волна принимает форму коня, сотканного из чёрной кипящей воды.

– О Древнейший! – выдыхает Тристан, вскакивая на ноги и размахивая волшебной палочкой.

Пламя костра отбрасывает на невероятное создание оранжевые и алые отблески. Конь резко поворачивает голову и вглядывается в меня тёмными и блестящими, как обсидиан, глазами.

– Всё нормально, – уверяет нас Тьерни хриплым от слёз голосом. – Это мой келпи, его зовут Эстриллиан...

Сначала меня бьёт почти физически ощутимая волна ярости, исходящая от келпи, он очерчивает острые зубы-льдинки и неожиданно бросается ко мне. Вскрикнув от страха, я отшатываюсь и падаю на землю.

Айвен быстрее молнии закрывает меня собой и выбрасывает руку к коню. Из костра по направлению к коню вырывается длинный язык пламени, а Тристан поливает напавшего огненной струей из волшебной палочки в бок.

Конь взвизгивает и отступает, с шипением испуская клубы пара.

– Придержи своего келпи! – приказывает Айвен.

Из пещеры уже бежит Андрас, сжимая в руках украшенный рунами боевой топор. Ариэль маячит у входа в пещеру и оглядывает бледно-зелёными глазами поляну, беспокойно взмахивая чёрными крыльями.

Водяной конь дико брыкается от боли и выбрасывает во все стороны клубы пара.

– Перестань! – отчаянно кричит Тьерни, протягивая к Тристану руки. – Пожалуйста, не надо!

Она поворачивается к келпи и произносит длинную тираду на незнакомом языке. Водное создание корчится от боли, бьёт копытами по земле, разбрасывая комья грязи. Но даже в мучениях келпи не сводит с меня ненавидящего взгляда, обжигает гневом, заставляя пятиться назад, к костру. Потом огромная волна вздрагивает, сжимается до небольшой лужицы и ручейком убегает в лес.

В ту же секунду Айвен опускается рядом со мной на колени и хватает меня за плечо необычно горячей рукой. Его освобождённая огненная магия окутывает меня защитным коконом. Обычно зелёные глаза Айвена сейчас пылают невиданным янтарным огнём.

– Эллорен, ты не ранена? – встревоженно спрашивает он.

Я неловко качаю головой и неотрывно смотрю в его золотистые глаза. Меня накрывает волна жара, линии силы вспыхивают огнём. Пламя будто наполняет воздух между нами, не давая вздохнуть.

– Он больше не станет на неё бросаться. Я ему всё объясню...

Расстроенный голос прорывается сквозь пелену огня, за которой так покойно нам с Айвеном, и мы одновременно поворачиваемся к Тьерни. Айвен встаёт и подаёт мне руку.

Сердце у меня стучит, как тяжёлый молот. Я опираюсь на руку Айвена и принимаю его помощь. Мои огненные линии силы бурлят в ответ на его новое прикосновение.

– У тебя золотые глаза, – хрипло говорю я.

Мои пальцы крепко держат его руку.

Айвен вздрагивает, быстро опускает голову и глубоко вздыхает, отчего черты его лица становятся жёстче. Когда он снова смотрит на меня, его глаза больше не пламенеют, они остыли до привычного зелёного цвета. Рука Айвена выскользывает из моей, и он неуверенно качает головой, будто убеждая меня не замечать очевидного.

Он потомок огненных фей!

– Их убивают! – кричит тем временем Тьерни Андрасу и моему брату. – Бьют железными пиками струи рек и ручьёв. Уже пять моих келпи погибли.

– А куда подевался тот келпи, что был здесь? – встревоженно уточняю я.

Тьерни рассеянным взмахом руки указывает на лес.

– Ушёл. Я прочитала заклинание. На восстановление у коня уйдёт несколько дней.

– Ты никогда не рассказывала мне об этом, – потрясённо напоминаю я. – Ни разу не упомянула о своих... келпи.

Тьерни сокрушённо качает головой.

– Прости, Эллорен. У меня много секретов... Мне и в голову не приходило, что келпи может на кого-то напасть, но... – В её глазах плещется страх. – Он говорит, что ты следующая Чёрная Ведьма, Эллорен. Убеждает, что так считает весь лес.

Тристан шагает к Тьерни.

– Передай своему келпи, что моя сестра совершенно лишена магии.

Он произносит эти слова совершенно спокойно, с твёрдой уверенностью.

– Лес думает иначе, – хмурится Тьерни и вопросительно оглядывается на меня. – Эллорен, почему деревья так решили?

Во мне тяжёлой волной нарастает раздражение. Оно повсюду вокруг, лёгкая дрожь ненависти исходит от деревьев.

– Тебе нужно доказательство, что я не Чёрная Ведьма? – горько спрашиваю я подругу. – Мне что, показать, что я даже свечу зажечь не могу?

– Нет, что ты. Просто... твоя кровь, Эллорен. Они чувствуют твою кровь. Её кровь, – смущённо заканчивает Тьерни.

Она явно разрывается между противоречивыми мыслями.

– Поменять кровь – не в моих силах, – бесстрастно подвожу я итог. А как бы я хотела вырвать из себя это наследие, избавиться от чужой крови! – Так же как не в твоих силах изменить твою зачарованную внешность.

Тьерни отвечает мне раздосадованным взглядом. Не надо было говорить о чарах. Тьерни не любит, когда её секреты произносят вслух, даже среди посвящённых в её тайну.

– Фогель перерезал ещё один путь спасения на восток. Прошлой ночью двое дозорных у границы выследили двух зачарованных фей. Они... – Тьерни умолкает, быстро-быстро моргая. – Проверили беглецов железом. – Её голос срывается, по лицу бегут слёзы ярости. – А потом убили железными пиками. Эстриллиан всё видел, но не мог вмешаться... из-за железа.

– Тьерни... – Тристан протягивает к ней руку, но Тьерни, качая головой, отступает.

– Скоро всех будут проверять железом, – произносит она, глядя Айвену прямо в глаза.

Сердце у меня бьётся всё быстрее, тревога нарастает.

– Но ты же касался железа, – лепечу я, тоже поворачиваясь к Айвену. – На кухне, я видела...

– Я касался железа, потому что я кельт.

Айвен взглядом просит меня придержать язык, и я почти чувствую исходящий от него жар.

– Мы отправим вас обоих подальше отсюда, – настаиваю я. – Как только Нага поправится...

– Эллорен, – качает головой Айвен. – Дэмион Бэйн изувечил Наге крылья. Вряд ли она когда-нибудь сможет летать.

– Значит, вам поможет Сопротивление. – Страх медленно подбирается к горлу, душит меня. – Вы оба обретёте новую, спокойную жизнь. Где-нибудь.

– Нам некуда идти, – упорствует Тьерни. – Сопротивление ничто по сравнению с силами Гарднерии. – В отчаянии она снова обращается к Айвену. – Скоро все маршруты для побега обнаружат и перекроют. Ловушка захлопнется.

Я осторожно касаюсь его руки:

– Айвен...

– Ты ничего не сможешь сделать, Эллорен, – говорит он. – Я знаю, ты хочешь помочь... но ничего не выйдет. Ты никогда не поймёшь, против чего мы восстали и какая сила противостоит нам.

Его слова жалят, как ядовитые змеи.

– Как ты можешь так говорить?

– Ты гарднерийка, Эллорен, – непривычно жёстко отвечает он, его зелёные глаза сияют в отблесках костра. – Ни с тобой, ни с твоей семьёй ничего не случится. А уж когда ты обручишься с Лукасом Греем, тем более.

Застыв от обиды, я молча смотрю на огонь.

Ариэль ушла в пещеру, к Наге, Айвен по другую сторону костра тихо обсуждает что-то с Тьерни, успокаивающе обняв её за плечи.

Холодно... Застывшими руками я потуже стягиваю у горла накидку. Тристан пытается завязать разговор, но я вежливо даю понять, что лучше не надо, и он возвращается к тренировке заклинаний. Из кончика белой волшебной палочки в его руке то и дело вырываются синеватые молнии и тут же исчезают в костре.

Из моей палочки...

Андрас подсаживается ко мне и предлагает чашку горячего чая. Руны амазов на его одежде светятся алым, лиловые волосы кольцами вьются за ушами и в отблесках пламени кажутся пурпурными. Андрас всегда несёт в себе особый покой. Он не теряет присутствия духа даже рядом с взвинченной, всегда готовой к схватке Ариэль. А когда они лечат Нагу, обращается с драконихой с тем же непоколебимым спокойствием, с каким укрощает самых капризных лошадей.

Я прихлёбываю чай, а Андрас срезает ножом кору с ветки. Пахнет сырой древесиной, аромат мятный и бодрящий.

Йенилин. Для заживления ран.

Андрас и Ариэль провели долгие часы около Наги, стремясь вылечить её искалеченные крылья, но все лекарства приносят пациентке только частичное облегчение.

Вскоре на поляну выходят Рейф с Дианой и бегут к нам, едва не падая с ног от смеха. Они, как всегда, счастливы, греясь в лучах своей взаимной любви, что иногда раздражает.

– Почему ты пришла? – спрашивает меня Андрас. У него такой звучный добрый голос. Он взглядом показывает на подол моего платья из роскошной ткани. – Для посиделок у костра ты одета слишком шикарно.

– Я была на Йольском балу и подумала, что найду здесь Джаред, – тихо отвечаю я и вкратце рассказываю о случившемся в Белом зале. – Я беспокоилась, вдруг Джаред отправился за Рэндаллом. Не хочу, чтобы он попал в историю.

– Всё уладится, – беспечно уверяет меня Диана, подставив шею для поцелуев Рейфа.

Ох уж этот слишком тонкий слух ликанов! Не люблю, когда вот так вмешиваются, и недовольным взглядом пытаюсь напомнить об этом Диане.

– Айслин одумается и примкнёт к нам, – без тени сомнения добавляет Диана.

Я внутренне съёживаюсь. Абсолютная уверенность Дианы в том, что все любовные истории завершаются так же счастливо, как её собственная, иногда действует мне на нервы.

– Не у всех есть желание становиться ликанами, – раздосадованно напоминаю я. – Айслин хочет остаться гарднерийкой.

Диана удивлённо моргает.

– Но это бессмысленно!

Я только вздыхаю в ответ. Как ей объяснить?!

Продолжая стругать палку, Андрас бросает взгляд на Диану.

– У Джареда и Айслин всё кончится плохо, – мрачно предрекает он.

Потом наклоняется, подбирает с земли горсть коры и бросает её в огонь. От огня веет сильным мятным ароматом, и я глубоко вздыхаю, чувствуя, как пробуждаются мои земные линии силы.

Помолчав, Андрас остриём ножа указывает в сторону Дианы.

– Вековые законы рас изменить не так-то просто.

– Это ты уже говорил, – отзывается Тристан, не сводя глаз с небольшого шарика, сияющего, будто сапфировая молния над моей волшебной палочкой. Брат посылает шарик в огонь, и пламя тут же становится ярко-синим. – Андрас, что случилось? – В голосе Тристана слышатся нотки снисходительности. – Ты что, влюбился в богиню-отступницу из племени амазов?

Губы Андраса кривятся в грустной ухмылке.

– Была одна женщина.

– Была? – не выдерживает Диана.

Охваченная любопытством, ликанка даже отрывается от Рейфа.

Андрас глубоко вздыхает и убирает короткий клинок в ножны. Упершись большими ладонями в колени, он склоняется вперёд, и пламя одну за другой выхватывает из темноты руны на его татуированном лице.

– Расскажи, – просит Тьерни, отвлекаясь от разговора с Айвеном.

Андрас долго изучающе смотрит на неё, а потом снова переводит взгляд на костёр, но в конце концов кивает.

– Она нашла меня в тот год, когда мне исполнилось восемнадцать. Её звали Сорча Ксан-типпа. Юная девушка из племени амазов. Я был с лошадьми на пастбище. Стояла осень, листва на деревьях алела и золотилась. Я услышал мысли незнакомой лошади и обернулся как раз в тот момент, когда Сорча выехала с пустоши. Её кожа синела, как осеннее небо, а пряди длинных волос по ветру стелились за ней.

Андрас ненадолго умолкает, будто пытаясь в мельчайших подробностях воскресить воспоминания.

– Я очень удивился, когда разглядел её, – продолжает он. – Никто из племени моей матери ни разу не давал знать о себе за все годы, что мы ушли от амазов. Они вычеркнули мать из памяти, отвергли её навсегда. – Глаза Андраса темнеют от грусти. – Сорча подъехала ко мне и объяснила, что пришло время обрядов плодородия, когда амазы чтят Великую богиню, стремясь увеличить численность девочек в племени. Она узнала обо мне и о том, что я недавно достиг возраста зрелости. Поскольку я родился в племени амазов, а моя мать была блестящим учёным и сильным воином, Сорча решила, что моё семя породит особенно сильных и прекрасных дочерей.

– То есть она хотела... – обескураженно прерывает его Диана.

– Да, – поворачивается к ней Андрас, – вступить со мной в связь.

– Без обряда? Прямо так?

Андрас задумчиво молчит, подыскивая ответ.

– У них всё не так, как ты привыкла.

– Но ты конечно же отказался. – Диана выпаливает эти слова, самодовольно сложив руки на груди.

– Сначала отказался, – подтверждает Андрас. – А потом мы проводили вместе много времени. Ночь за ночью под звёздным небом. И однажды мы соединились.

Глаза Дианы недоверчиво округляются.

– Вы спарились без торжественного обряда?

– Диана, – одёргивает подругу Рейф, – у них другие традиции...

– Но это возмутительно! – отвечает Диана и вновь поворачивается к Андрасу, глядя на него с нескрываемым осуждением. – Не понимаю. Как можно спариваться с тем, кого не любишь?

По лицу Андраса пробегает тень.

– Так что же произошло? – тихо спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает и, прежде чем ответить, некоторое время потирает щёку.

– Я начал... влюбляться в Сорчу. И не только потому, что нам было хорошо вместе и наши тела будто созданы друг для друга. Она приходила ко мне снова и снова, и после страстных объятий мы подолгу разговаривали. Приходя ко мне, она нарушала запреты своего племени. Амазам разрешено искать пару только во время обрядов плодородия. Однако Сорчу, казалось, тянуло ко мне так же сильно, как меня к ней. В последнюю нашу ночь я признался, что люблю её, просил не уходить, остаться со мной навсегда.

Он умолкает, неотрывно глядя в огонь.

– Она расплакалась и ответила, что не может любить меня. Что любит только амазов. А совместить это невозможно. Сказала, что ждёт ребёнка и я ей больше не нужен. Она пришла

попрощаться. – Андрас молчит, и в воздухе словно повисает невысказанная грусть. – Потом Сорча ушла, и больше я её не видел. Иногда я думаю, а вдруг в землях амазов у меня растёт дочь? А что, если родился мальчик? Вдруг Сорча оставила его где-нибудь в лесу, как требовали амазы от моей матери?

Лицо Андраса мрачнеет.

– Спустя несколько месяцев после того, как Сорча ушла, ко мне явилась другая женщина из племени амазов – снова настало время обрядов плодородия. – Глаза Андраса оскорблённо сверкнули. – Я отослал её. И с тех пор амазы оставили меня в покое.

Некоторое время мы все молча смотрим в огонь, слушаем треск дров.

– Ты всё ещё любишь её? – тихо спрашивает Тьерни.

Кто знает, быть может, сейчас она думает о Леандре.

Андрас горько усмехается, но не отвечает.

– Тебе нужна подруга. На всю жизнь, – уверенно объявляет Диана. – То, как живут амазы – это ненормально.

У Андраса вырывается безрадостный смех.

– Кому я нужен, Диана Ульрих, скажи! – вопрошает он. – Никому. Меня никто и нигде не примет.

– Стань ликаном, – предлагает Диана. – Мой народ примет тебя.

Андрас качает головой:

– Я не могу так поступить с матерью. Она пожертвовала ради меня всем. Потеряла всё самое дорогое. Она просто умрёт, если я откажусь от неё и нашего прошлого.

– Никто не заставляет тебя отказаться от матери, – обескураженно настаивает Диана.

Андрас бросает на ликанку полный недоверия взгляд.

– Для неё мой поступок станет отречением, изменой. Стать ликаном – самое страшное из возможных предательств.

– Но почему? – Диана обиженно хмурится. – Неужели мы настолько хуже вас?

– Понимаешь, Диана, – Андрас говорит терпеливо, как будто объясняет ребёнку очевидное, – амазы презирают образ жизни ликанов – целиком и полностью.

– О чём ты? – Голос Дианы звенит от напряжения.

– В Северной и Южной стаях ликанов верховодят альфа-самцы.

– Но в прошлом вожаками становились и альфа-самки.

Андрас пренебрежительно отмахивается.

– Это было очень давно.

– И будет снова!

– Неужели? – Губы Андраса растягиваются в грустной улыбке. – И кто же следующая альфа-самка? Наверное, целая очередь выстроилась к трону вожака?

Диана недовольно шурится.

– Всё не так. Вожакими становятся не из политических соображений, и титул не передаётся по наследству. Важна только сила претендента, его могущество.

– Тогда кто из юных ликанов сейчас самый сильный?

Диана на мгновение замирает, с неожиданной серьёзностью уставившись в землю. Когда она поднимает глаза на Андраса, в них светится такая непоколебимая уверенность в себе, что я вздрагиваю, как от озноба.

– Ты? – Андрас явно удивлён. Окинув Диану оценивающим взглядом, он немного веселее и тут же с любопытством спрашивает: – Что, если я стану ликаном? Меня ты тоже победишь в бою?

Диана медленно склоняет голову к плечу и оглядывает Андраса хищно поплёскивающими глазами, изучает его мускулистый торс, широкие плечи. Потом откидывается назад.

– Я смогу тебя победить. Я двигаюсь очень быстро. Скорость – моё преимущество.

– Знаешь, Диана, мне даже захотелось стать ликаном. Только чтобы взглянуть, как ликанка возглавит стаю, – усмехается Андрас.

Поразительно... неужели ликанка может стать вождём? Я так привыкла жить в обществе, где титул верховного мага принадлежит только мужчинам, что вообразить женщину, облечённую высшей властью, я не в состоянии.

Диана о чём-то размышляет, а потом, вспомнив что-то, снова поворачивается к Андрасу.

– В охране моего отца есть один бывший амаз. Тебе надо обязательно с ним встретиться. Ликаны нашли его в лесу, совсем маленьким, и он всю жизнь прожил в нашей стае. У него есть подруга и ребёнок. Он счастлив, стая приняла его навсегда.

– Диана... – качает головой Андрас.

– Послушай, тебе вовсе не обязательно жить так, как сейчас. Ты можешь обрести настоящий дом и семью.

Вдруг издалека я замечаю пристальный взгляд Айвена. Увидев, что я смотрю в его сторону, он тут же отворачивается.

Тристан встаёт и резким движением загоняет мою волшебную палочку в ножны.

– Ваши истории о любви и счастье у разных народов просто восхитительны, – бесстрастно сообщает он. – Однако мне надо поработать над некоторыми заклинаниями. В одиночестве. Чтобы никто не отвлекал. А вы оставайтесь здесь и решайте, кому стать ликаном.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 199

Оскорбление государственного флага Гарднерии отныне карается смертью.

Глава 8. Волшебные палочки

Когда я с замиранием сердца вхожу в небольшую гостиную, тётя Вивиан уже сидит за красиво сервированным столом. Тётя даже не поднимается, чтобы поздороваться, и меня с ног до головы охватывает дрожь.

– Здравствуй, Эллорен, – бархатным голосом произносит тётя и указывает на стул рядом с собой. – Садись, пожалуйста.

На её прелестном лице играет очаровательная улыбка, но глаза холодные, как льдинки. Я с трудом выдавливаю сердечную улыбку и медленно опускаюсь на стул.

Однако симпатичные комнаты выделили тёте в университетском корпусе! Наверное, самые лучшие во всём Атенеуме. От изысканной дровяной печи в форме ствола железного дерева исходит тепло, на плитках пола причудливые росписи, изображающие чёрные и тёмно-коричневые корни дерева. Сквозь сводчатые окна, украшенные вьющимися лозами из цветного стекла, виден заснеженный Южный хребет.

Тётя Вивиан ничуть не изменилась, всё такая же невероятно элегантная дама, её платье из дорогого чёрного шёлка расшито крошечными желудями и дубовыми листьями. Тётя держится по-королевски. Неподалёку маячит служанка-уристка с кожей лавандового оттенка, готовая по первому зову выполнить любой каприз госпожи.

Моя тётушка похожа на королеву, вззирающую на придворных. Такая любому отрубит голову за малейшую провинность.

– Выпьешь чай, Эллорен? – спрашивает она.

– Да, большое спасибо, – очень вежливо отвечаю я.

Вообще-то меня так трясёт от беспокойства, что я не чувствую голода или жажды, внутри всё сжалось в тугую ком.

Мы с Тристаном и Рейфом долго обсуждали тётушкин неизбежный визит и договорились ни в коем случае не злить её, а, наоборот, успокоить. Тристан часто писал ей длинные, умиротворяющие письма, чтобы держать дорогую родственницу подальше от университета. Однако открытая связь Рейфа с Дианой не могла не привлечь внимание тётки, и её приезд был лишь делом времени.

Повелительный взмах рукой – и вот уже уристка рядом с нами, бесшумно наливает мне чай и выкладывает на тарелку пирожные. Тётя неотрывно следит за мной, помешивая чай серебряной ложечкой.

Как только уристка отходит, тётя Вивиан без предисловий заявляет:

– Ты должна прекратить общение с Айслин Грир. Я знаю, вы подружились, но эта девица связалась с близнецами-ликанами. Её видели с этим оборотнем в библиотеке. К счастью, она одумалась и вернулась в лоно семьи. Надеюсь, она действительно осознаёт всю опасность произошедшего, однако в таких случаях легко ошибиться.

Тётя Вивиан неодобрительно вздыхает и качает головой.

– Остаётся лишь надеяться, что её родные вмешались вовремя. Не то выйдет, как с Сейдж Гаффни.

Она мелодично постукивает ложечкой по фарфоровой тарелке, расписанной причудливыми гирляндами листьев. Служанка молниеносно подаёт булочки, они свежие, только из печи. От нежного орехового аромата сдобы к горлу подкатывает тошнота, и меня переполняет ярость.

«Как вы можете?! – мысленно кричу я тётке Вивиан и заодно всем родственникам моей несчастной подруги. – Вы мучаете Айслин! Вы все!»

Обручение, на котором настаивают её родители, погубит Айслин, но, что бы я ни сказала, будет только хуже. Хуже для самой Айслин.

Тётя берёт с тарелки булочку с крыжовником.

– Возможно, эта малышка Грир действительно раскаивается, но ты пока будь осторожна, Эллорен, держись от неё подальше.

– Хорошо, тётя Вивиан, – невозмутимо отвечаю я, ни секунды не собираясь сдерживать обещание.

От нарастающего гнева у меня трясутся руки, и я хватаюсь за деревянное сиденье стула, чтобы скрыть эту дрожь.

Терновник. Древесина тёрна.

По пальцам и до самых плеч вдруг поднимается горячая волна, пробуждая мои земные линии силы. От неожиданности я резко разжимаю руки и сцепляю их на коленях. Сердце стучит всё быстрее.

Что со мной творится?

Тётя Вивиан окидывает меня острым взглядом.

– До меня дошли слухи, что и тебя видят с ликанами.

Сжимая и разжимая кулаки на коленях, пытаюсь справиться с внезапным приливом магических сил, я старательно удерживаю на лице маску равнодушия.

– Мне приходится встречаться с Дианой Ульрих, – поясняю я, заставляя себя дышать ровно и неглубоко. – Нас поставили в пару для работы в химической лаборатории.

– Так поменяйся с кем-нибудь. И поскорее.

Тётя неодобрительно поглядывает на меня, намазывая сливочным маслом ломтик сдобной булочки.

– Хорошо, тётя Вивиан.

Правую руку, которой обычно держат волшебную палочку, начинает покалывать, огненные линии силы вспыхивают невидимыми искрами. Я вдруг отчётливо ощущаю, сколько вокруг древесины. Почти всё в этой комнате сделано из дерева.

– Ликаны – непредсказуемые чудовища, – поджимает губы тётя Вивиан. – Поговаривают, их девица теперь живёт в лесу, как дикое животное – вернулась в привычную среду.

«Ну вообще-то не совсем так. Она живёт в моей комнате. Вместе с шелки и двумя икаритами», – мысленно добавляю я.

Приподняв брови, тётя Вивиан пристально рассматривает меня.

– Как у тебя с учёбой? Делаешь успехи?

– Да, тётя Вивиан.

Честно говоря, экзамены и зачёты я сдаю лишь чудом, а сплю всего по четыре часа в сутки. Кроме того, лес, по-видимому, решил меня погубить.

– Ничего удивительного, – довольно улыбается тётя. – В нашем роду дураков не было. Ещё я слышала, что на Йольском балу ты танцевала с Лукасом Греем.

Тётушка просто светится от одобрения.

Услышав о Лукасе, я заливаюсь румянцем и безотчётно тянусь к кулону из снежного дуба. Деревянная фигурка нежно пульсирует в ладони, даря манящее тепло.

– Какое замечательное украшение, Эллорен, – замечает тётя. От неё ничего не скроешь. – Откуда оно у тебя?

Мои щёки пылают всё жарче.

– Это подарок Лукаса.

Тётя хитро улыбается.

– Самое время тебе с ним обручиться.

– Я так и собираюсь поступить, – вежливо лгу я, черпая силы в успокаивающей вибрации деревянного кулона. – Только хочу сначала поговорить с дядей Эдвином.

– Дядя приедет к тебе на День основателей, – с натянутой улыбкой сообщает тётя. – Тогда и попросишь его официального разрешения.

Времени почти не остаётся. К началу лета мои руки покроются знаками обручения.

– Дядя наверняка быстро даст согласие...

– Я требую, чтобы ты обручилась с Лукасом Греем как можно скорее, – настаивает тётя, отбросив всякую любезность.

– Мне известно о вашем желании. – Нотки сарказма всё же прорываются в моём голосе. – Ведь мои соседки по комнате – икариты.

Смешно! Тёте так и не удалось сломить меня и заставить поступить по-своему. Хотя я тут же раскаиваюсь в своих словах – не стоило напоминать ей о Северной башне и её жителях. Тётя ни за что не должна узнать, что с нами живёт Марина. Страшно представить, что ждёт нашу шелки, если её обнаружат. В Совете магов тётя выступает за убийство всех шелки, выходящих из моря.

Почувствовав в моих словах неприкрытый вызов, тётя задумчиво прищуривается.

– Откровенно говоря, я удивлена, что ты вытерпела столько времени рядом с икаритами. Ты куда крепче духом, чем я предполагала. Жаль только, твои магические способности не равны твоему упрямству. – Тётя Вивиан горестно качает головой и вздыхает о несбыточном, однако почти сразу же на её лице появляется раздражение. – Эта девчонка Бэйн наследует волшебные силы, принадлежавшие нашему роду. Где справедливость?

Ах, это старинное соперничество кланов... Но в моём случае оно вполне годится, чтобы отвлечь тётю от любых мыслей.

– Эллорен, ты, наверное, считаешь меня слишком строгой, – слегка смягчается тётя, – но пойми, всё это ради твоего же блага и ради блага нашей семьи. Тебе необходимо как можно скорее обручиться с Лукасом, пока он не отправился искать счастья с другой.

Я пытаюсь придумать вежливый ответ, но нас прерывают – явились мои братья. Тристан входит первым. Ради визита к тётушке он приоделся: элегантный тёмно-серый мундир военного стажёра с серебристой сферой Эртии и пятью полосками мага пятого уровня сидит на нём безукоризненно. Рейф идёт следом, широко улыбаясь, и я ошеломлённо застываю: старший брат облачился в наши старые, привезённые из дома, шерстяные одежды, вроде тех, что носят кельты.

О нет, Рейф! Почему ты решил позлить её именно сегодня?!

– Здравствуй, Тристан! – Тётя Вивиан поднимается навстречу моему младшему брату с тёплой улыбкой и целует его в обе щёки. Рейфа она намеренно не замечает. – Я слышала о тебе много хорошего, – гордо сообщает она Тристану. – Тебя уже приняли в гильдию оружейников... Ты самый юный из магов, удостоенных этой чести. Большое достижение, мой дорогой. За твоё упорство и труд полагается награда, и я тебе кое-что привезла. – Тётя протягивает Тристану длинный, узкий футляр, перевязанный прочной коричневой бечёвкой, и таинственным шёпотом добавляет: – Не будем сообщать об этом дяде.

Тристан принимает коробку и тянет за концы бечёвки. Обёрточная бумага слетает.

Волшебная палочка.

Моё сердце подпрыгивает к самому горлу – тётушка по собственной воле оказала нам неожиданную услугу! Теперь у нас две волшебные палочки! Два оружия! Широко раскрыв глаза, Тристан нежно пробегает пальцами по необыкновенному подарку, привыкая к новому ощущению.

– Ты маг пятого уровня, – гордо произносит тётя. – Пришло время тебе получить собственную волшебную палочку, достаточно мощную, чтобы соответствовать твоим природным силам. Я очень горжусь тобой, Тристан!

– Спасибо, тётя Вивиан. – Брат благодарно кланяется, с уважением, но без подобострастия.

Какое счастье, что Тристан всегда держит себя в руках, что бы ни случилось.

Тётя отвечает ему коротким кивком и поворачивается к моему старшему брату. Ласковая улыбка на её лице мгновенно тает.

– Здравствуй и ты, Рейф, – без особой радости произносит она.

Однако расстроить старшего брата не так-то просто, и широкая улыбка по-прежнему сияет на его лице. Тётя Вивиан приглашает всех сесть, и братья присоединяются к нам с тётей за столом.

– Мне стало известно, – обращается тётя к Рейфу, недовольно сжав губы, – что ты... скакал с ликанкой на Йольском балу. Говорят, вы произвели настоящий фурор.

– Диана очень любит танцы, – хитро улыбается Рейф.

– Неужели? – ледяным тоном осведомляется тётя. – Что ж, я написала о ваших кульбитах её отцу. Крайне неприятное занятие, должна тебя заверить. Я сообщила ему, что, к огромному сожалению, некоторые гарднерийские юноши ведут в молодости разгульную жизнь и предпочитают связываться с девицами не из своего круга, например, с шелки и им подобными. – Тётя поворачивается ко мне и печально оправдывается: – Прости, что приходится обсуждать такие темы в твоём присутствии, дорогая. Знаю, это шокирует, однако поведение Рейфа может повлиять на выбор жениха для тебя, равно как и невесты для Тристана. Скорее всего, тебе ничего не грозит, Эллорен, поскольку у Лукаса Грея, по-видимому, вполне серьёзные намерения, и он готов с тобой обручиться. А вот Тристан, со своей стороны, может столкнуться с некоторыми сложностями во время поисков достойной невесты, если Рейф не перестанет носиться по лесам со своей ликанской девкой.

Как легко у тёти вырываются оскорбления! Рейф молчит, только крепко сжимает губы. Я цепляюсь правой рукой за деревянное сиденье, и по моим линиям силы снова струится огонь, отзываются все деревянные предметы не только в этой комнате, но и во всём здании. Невероятно! Я сжимаю кулаки под столом и обещаю себе больше не касаться этого стула.

Тётя Вивиан пьёт чай, искоса поглядывая на Рейфа.

– И ты, и Тристан к весне должны обручиться, – объявляет она. – И никаких больше встреч с ликанкой.

К Тристану она обращается куда мягче.

– Тебе я смогу предложить множество девушек на выбор, Тристан. А тебе, – адресует тётя Рейфу хмурый взгляд, – скорее всего, придётся выбирать невесту по списку, составленному Советом магов.

– А что вам ответил отец Дианы? – быстро вмешиваюсь я в разговор, заметив, что Рейф угрожающе скалится.

Холодный взгляд тёти Вивиан не даёт Рейфу вставить и слова.

– Отец Дианы считает, что тебе следует держаться подальше от его дочери. Иначе он нанесёт тебе визит. Надеюсь, тебе ясно, что он имеет в виду, Рейф?

– Вполне, – резко отвечает мой старший брат.

– Знаешь, я не понимаю, что на тебя нашло? – Тётя Вивиан возводит очи к потолку, будто моля Древнейшего даровать ей силы. – Взял бы себе шелки – всё лучший выбор, чем дочь альфа-самца стаи Гервульфа. – Тётя поворачивается к Тристану. – Если бы все гарднерийские юноши были так высокоморальны, как ты! Гарднерия тобой гордится.

Мы с Рейфом смотрим на Тристана, удивлённо приподняв брови.

– Самый младший в семье, – не унимается тётя, – но именно ты ведёшь себя как взрослый. Надеюсь, окружающие возьмут с тебя пример.

– Я сделаю всё возможное, чтобы указать им верный путь, тётя Вивиан, – серьёзно обещает Тристан.

– И поработай как следует с новой волшебной палочкой, – советует тётя. – Магу пятого уровня, да ещё члену гильдии оружейников, открыта дорога к высшим чинам гарднерийской гвардии.

– Я не премину воспользоваться всеми способностями, которыми наградила меня Древнейший в доброте своей, – с церемонной вежливостью отвечает Тристан.

Тётя довольна кивает и мрачно напоминает Рейфу:

– А тебе пришло время забыть о безответственных выходках.

– Я сделаю всё возможное, чтобы взять пример с младшего брата, – отвечает Рейф, буравя тётю стальным взглядом.

Некоторое время они пристально смотрят друг на друга, никто не желает уступить. Наконец тётя снова поворачивается к Тристану, нашему идеальному гарднерийцу.

– Тристан, хочу поблагодарить тебя за письма. Я не могу часто покидать Валгард, поэтому хочу, чтобы ты стал моими глазами и ушами. Пожалуйста, продолжай писать обо всём и сообщи, если твои брат и сестра снова свернут с истинного пути. Не стесняйся.

– Я всё сделаю, тётя Вивиан, – отвечает Тристан. – Глаз с них не спущу.

Через несколько дней Тристан вдруг приходит вечером к нам в Северную башню и вызывает меня в коридор. Когда мы остаёмся наедине, он осторожно вынимает из кармана накидки мою белую волшебную палочку. Другая палочка, подарок тёти Вивиан, висит в ножнах у него на боку. С каждым днём мой младший братик всё больше походит на сильных магов.

– Вот, Рен, – говорит он, протягивая мне волшебную палочку. – Бери.

Мои линии силы тянутся к белой палочке, но я не спешу принимать её обратно.

– Зачем? Во мне нет магии.

Он молча отмечает мои протесты.

– Палочка меня больше не слушается. Впала в спячку или... – По лицу Тристана пробегает тень беспокойства. – Она как будто обрела собственную силу и больше мне не подчиняется.

Брат внимательно смотрит на меня, будто выясняя, не стану ли я смеяться над его словами.

Ничего смешного я не нахожу. Мне давно известно, что это не обычная волшебная палочка.

Белый Жезл.

И почему мне всё время лезет в голову эта безумная мысль? Это не может быть тот самый Белый Жезл из легенды... что-то со мной не то.

Я принимаю из рук брата белую палочку, и Тристан с облегчением улыбается. Мои пальцы обвиваются вокруг деревянной ручки с резными спиральными желобками, и я медленно выдыхаю. Как приятно касаться этого дерева. Слишком приятно. Так хорошо мне не было рядом ни с одним деревянным предметом или деревом.

– Ты ведь знаешь, Рен, я никогда не считал себя верующим, – говорит Тристан, не сводя глаз с моей волшебной палочки. – Однако с недавних пор... я стал видеть сны. Очень часто. Мне снились белые птицы, дерево и эта волшебная палочка. Все сны заканчивались одинаково. – Брат внимательно смотрит на меня. – Белая палочка оказывалась в твоей руке.

Я ещё крепче сжимаю рукоятку, и волшебная дрожь пробегает по моим линиям силы, стремясь к палочке.

– Тристан, – неуверенно спрашиваю я, – когда проснулись твои линии силы?

– Мне было лет четырнадцать, наверное. А почему ты спрашиваешь?

– Мои... я чувствую мои земные линии. И огненные. С каждым днём они становятся сильнее. Иногда они вспыхивают, как пламя.

Тристан понимающе кивает.

– Бывает, это случается внезапно. Мои водные линии однажды вдруг проснулись за... ужином. Мне даже показалось, что вся комната опустилась на морское дно.

– Не очень-то приятное ощущение, наверное, – улыбаюсь я.

– Да, неожиданно получилось.

Уголки губ Тристана приподнимаются в саркастической усмешке.

– А как было с твоими огненными линиями?

У Тристана очень сильные линии воды и огня, такое сочетание магии очень трудно контролировать. Противоположности грозят взрывом.

– Огненные линии я почувствовал всего год назад, – сообщает Тристан.

– Тогда получается... у меня могут проснуться и другие ветви магии?

– Всё может быть. Как правило, у магов развиваются два типа линий.

– Но я не смогу использовать эту силу.

Тристан кивает.

– Ты никогда не доберёшься до этой магии, Рен. У тебя первый уровень. Я никогда не видел мага первого уровня, который использовал бы волшебство линий силы.

– Почему же тогда эта волшебная палочка так тянется ко мне? – в недоумении спрашиваю я.

– Скажи, тебе приходило в голову, что эта палочка и есть Белый Жезл из древних легенд? – поразмыслив, спрашивает Тристан.

– Да.

– Легенды гласят, что Белый Жезл иногда дремлет веками. Если предположить, что старые сказки говорят правду, то, возможно, в твоих детях проявятся огромные волшебные силы, и ты передашь этот Жезл своим потомкам. Или тебе предначертано передать его кому-то ещё.

– Как ты только что отдал его мне.

Тристан некоторое время молчит. Странные сны грозят завести его в самую гущу легенд и мифов.

– Возможно.

– Знаешь, деревья меня боятся, – напрямик, без объяснений, выкладываю я. – А совсем недавно лес держался враждебно. И я ничего не придумываю! Ты слышал, что сказала тогда у костра Тьерни? Ты когда-нибудь чувствовал, что деревья тебя ненавидят?

– Нет, – задумчиво качает головой Тристан. – Я слышал, что так бывает с земными магами, но очень высокого уровня.

– Что, если во мне дремлет сильная земная магия?

– Которой ты не можешь воспользоваться?

Я раздосадованно вздыхаю.

– Как странно всё у меня складывается.

– Ты не одна такая, Рен, – смеётся Тристан.

– Как я рада, что ты такой, какой есть, милый братик, – ласково улыбаюсь ему я.

Губы Тристана тоже складываются в добрую улыбку.

– И я рад, что ты рядом, – тихо произносит он.

Мы молчим, черпая силы от присутствия друг друга, но вскоре мои мысли поворачивают в другую сторону, к более грустной теме.

– Как ты думаешь, что случится с Рейфом и ликанами? – нерешительно задаю я тревожный вопрос.

Взгляд Тристана мрачнеет.

– Не знаю, Рен. – Он грустно качает головой. – Нам, возможно, предстоит война с ликанами, и я просто... не знаю.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА МАГОВ
№ 200

Оказание помощи подземным эльфам смарагдальфарам в незаконном перемещении на поверхность будет караться смертью. Все эльфы смарагдальфары, обнаруженные на землях Гарднерии, должны быть переданы войскам гарднерийской гвардии для незамедлительного перемещения в Альфсигрот.

Глава 9. День основателей

Тусклый утренний свет пробивается сквозь окна самой большой университетской столовой. Сегодня этот огромный зал великолепно украшен ко Дню основателей. Я осторожно оглядываюсь, каждую секунду ощущая белую волшебную палочку, аккуратно заправленную в высокий зашнурованный сапог.

Рейф, Тристан и Каэль, брат Винтер, с оруженосцем Ррисом тоже осматривают зал. На их лицах читается смтение, смешанное с отвращением, и я полностью разделяю их чувства.

Гарднерийцы присвоили себе и этот праздник.

Все украшения напоминают о Йоле, хотя далеко не все студенты и профессора отмечают этот день. Надо отдать должное декораторам – зал выглядит великолепно, от восхищения я чуть не теряю дар речи, но вовремя беру себя в руки. Повсюду сосновые ветви – из них сплетён навесной потолок, столы украшены венками и шишками. Я жадно вдыхаю освежающий аромат хвои, заполнивший зал. Фонарики из красного стекла покачиваются на ветвях, стоят на столах, устланных алыми скатертями. Этот цвет напоминает о крови гарднерийцев, пролитой исчадиями зла. Окна задрапированы тяжёлыми портьерами густого бордового оттенка, ниспадающими до самого пола.

Мне никогда не приходилось воочию видеть, как гарднерийцы навязывают свои верования и традиции другим расам. Сегодня такой случай представился. Я мрачно воображаю, как несколько перевёрнутых фонариков подпаливают декор и в мгновение ока вспыхивает пожар.

Утреннее небо затянуто серыми облаками, и унылая погода лишь подчёркивает красоту алого сияния в зале. В столовой небольшими группами собираются гарднерийцы. На широких столах сервированы роскошные угощения – целый жареный кабан, его мясо нарезано тонкими ломтями, в боку торчит длинная, острая вилка; засахаренные фрукты, украшенные цветами; горячие напитки, свежий, только что из печи хлеб рядом с выдержанными сырами разных сортов. Кельты, верпасиане, эльфхоллены и уриски из кухонных работников, среди них и Олиллия с Ферниллой, готовы подавать еду гостям.

Обе створки двери распахиваются и гулко бьются о каменные стены.

Широко шагая, в зал входят ликаны. Они двигаются с хищной грацией, и большинство собравшихся в зале в удивлении невольно отступают.

Впереди идёт высокий, широкоплечий мужчина – без сомнения, альфа стаи. У него такие же жгучие янтарные глаза, как у Дианы, гордо выставленный вперёд подбородок, золотистые, кое-где тронутые сединой пряди и борода. Он излучает невероятную силу и уверенность, такого я не ощущала даже рядом с Кам Вин, грозной предводительницей военного отряда ву трин.

За ним идёт высокая худощавая женщина, удивительно похожая на Джареда. Умным встревоженным взглядом она пробегает по залу, держась с некоторым отчуждением. Рядом с ней – другая ликанка с чёрными волосами, в которых ярко выделяются красные пряди. У неё очень смуглая кожа и горящие алым огнём глаза – отличительный знак Северной стаи ликанов. Она держит на руках маленького мальчика, очень похожего на неё цветом глаз и кожи. Вот только уши у него заострённые, а в волосах чередуются лиловые и синие пряди.

По бокам от женщин держатся четверо очень крепких мужчин, один из них шагает чуть впереди. У него тёмно-серые щёки, изборождённые татуировками в виде рун, как у Андраса, серебристо-серые волосы с лиловыми прядями обрамляют лицо. Наверное, это и есть Феррин Сандульф, ребёнок амазов, о котором недавно рассказывала Диана. Бета-самец, то есть преемник вожака стаи.

Вокруг группы ликанов без остановки носится девочка лет десяти. Наверняка это Кендра, младшая сестра Джаред и Дианы, больше никому. Она – просто копия Дианы, только ниже ростом и моложе, энергия буквально бьёт из неё ключом.

У всех мужчин короткие волосы и подстриженные бородки, а у матери Дианы – длинные светлые волосы, собранные на затылке. Одежда ликанов очень простая и не стесняет движения, наверняка её удобно снимать, когда они меняют облик. Они все в свободных блузах поверх удобных брюк, обуты в крепкие сапоги.

Немногочисленные гости в зале умолкают и застывают на месте, когда сплочённый отряд ликанов шагает по центральному проходу.

Мы с Тристаном быстро обмениваемся беспокойным взглядом.

Рейф спокойно ждёт ликанов, стоя в конце зала с большой индейкой за плечом. Он только что вернулся с утренней охоты вместе Каэлем и Ррисом. Все трое явились в столовую в полном вооружении, с луками и колчанами за плечами.

Диана входит в зал через боковую дверь. Её золотистые волосы развеваются, как грива. При виде ликанов она испускает громкий радостный крик и бежит к ним, широко раскинув руки. Лицо Гунтера Ульриха расцветает улыбкой.

– Отец! – Диана счастливо обнимает вожака стаи.

– Моя дорогая непревзойдённая дочь! Как я по тебе соскучился!

Гунтер, рокочуще смеясь, крепко прижимает к себе Диану.

Малышка Кендра весело прыгает вокруг них, пытаясь обнять Диану сзади.

Джаред, вошедший в зал следом за сестрой, широкими шагами подходит к своим, едва взглянув в нашу сторону. С той встречи с Айслин на Йольском балу Джаред держится особняком. Обедает и ужинает в одиночестве, а в свободное время охотится или занимается в библиотеке. Диана беспокоится о нём с каждым днём всё больше и часто сердито рассказывает мне, как все её попытки вернуть брата в нашу компанию оканчиваются ничем.

Когда Джаред подходит к родным, на его лице явно читается невероятное облегчение. Мать нежно гладит сына по щеке и что-то тихо говорит ему, прежде чем ласково обнять. Она очень рада встрече с детьми и ничуть этого не скрывает.

Диана крепко обнимает сестрёнку.

– Я так соскучилась! – восклицает малышка Кендра. – У меня столько новостей! Диана, ты получала мои письма? Я читала все твои! Смотри! У меня есть зуб бобра!

Она показывает старшей сестре ожерелье из зубов диких животных, обхватывающее её тонкую шейку.

– Вот это да! Молодец, Кендра! – восхищённо поздравляет сестру Диана.

– А ещё я нашла селурниум для моей коллекции камней! Помнишь, я так давно его искала! – Кендра гордо показывает на мешок, болтающийся у неё за плечом. – Я принесла с собой всю коллекцию. И рисунки. У меня десять новых картин!

– Мы обязательно посмотрим все картины и камни, – с улыбкой обещает Диана.

– А ещё я убила на охоте оленя! Представляешь? Всего несколько дней назад!

– Кендра справилась сама, это правда, – хрипло подтверждает Гунтер, поглаживая младшую дочь по голове.

– Да! И огромного! – продолжает малышка. – Я успела первая. опередила даже Стефана. Он чуть не лопнул от зависти!

– Твоя сестрёнка – великая охотница, – гордо хвастается отец. – Быть может, пройдёт всего несколько лет, и она поборется с тобой.

Диана взлохмачивает золотистые кудри Кендры.

– Не сомневаюсь, – говорит она, улыбаясь своей маленькой копии.

Вожак стаи раскрывает объятия обеим дочерям.

– Мои сильные, храбрые девочки! – восхищённо восклицает он.

Поразительно... Гунтер гордится очень странными качествами дочерей. Большинство родителей-гарднерийцев ценят в девушках скромность и красоту куда выше физической силы и храбрости. Интересно, что нравилось бы в детях моему отцу?

– Где Рейф Гарднер? – спрашивает Кендра, оглядывая зал. – Я хочу с ним познакомиться! Из-за него тебе грозят большие неприятности!

– Кендра, – сурово произносит Гунтер властным тоном.

– Ой... забыла! – пристыжённо пищит девочка. – Об этом говорить нельзя. Диана, а где он? У него тоже странные глаза? Здесь у всех такие странные глаза. А от него хорошо пахнет? От некоторых тут ужасно воняет!

Диана что-то говорит отцу и показывает в нашу сторону, гордо улыбаясь.

Каэль поворачивается к Рейфу и заговорщически подмигивает ему.

– Ну ты даешь! Из всех девчонок выбрал дочь вожака стаи!

Рейф мрачно улыбается в ответ.

Каэль весело качает головой:

– Посмотрим, доживёшь ли ты до утра, Рейф Гарднер!

Отец Дианы, будто услышав имя моего брата, пристально смотрит на него и выпрямляется во весь свой устрашающий рост. Улыбки на лице альфы и четырёх его сопровождающих мгновенно уступают место суровым морщинам. Мать Дианы тоже смотрит на Рейфа с неподдельной тревогой.

И все ликаны, Диана с отцом впереди, направляются к Рейфу, двигаясь в ногу с непередаваемой грацией.

– Они что, тебя прямо тут прикончат? – тихо спрашивает Тристан.

– Да нет, – отмахивается Рейф. – Они очень славные.

Тристан смотрит на Рейфа с таким изумлением, будто у старшего брата выросли рога.

– Славные? Ты отбил себе часть мозга, отвечающую за самосохранение?

Рейф улыбается, не замечая сарказма в словах младшего брата. Он снимает с плеча индейку и уверенно шагает навстречу Диане и её семье.

– Отец, мама, Кендра, – с широкой улыбкой говорит Диана, – познакомьтесь, это Рейф Гарднер.

Она смотрит на родителей и сестру так радостно и уверенно, как будто не сомневается, что они сию же секунду влюбятся в Рейфа так же страстно, как она.

Однако лица ликанов остаются суровыми, у всех, кроме Кендры – девочка весело разглядывает то Рейфа, то старшую сестру.

– Это самая страшная встреча с родителями невесты за всю историю Эртии, – шепчет мне на ухо Тристан.

– Рейф выше Гунтера. Ты заметил? – спрашиваю я.

– И что ты хочешь этим сказать? Думаешь, рост даст нашему братцу преимущество? Против вот этих?

– Ну должно же это значить хоть что-нибудь, – пожимаю я плечами.

– Для меня большая честь встретиться с вами, – произносит Рейф. Он театральным жестом с шумом опускает индейку на ближайший стол. – Я вернулся с охоты и прошу вас принять в подарок мою добычу.

Ликаны в удивлении синхронно поднимают брови. Диана сияет, восхищённая находчивостью Рейфа.

– Я Рейф Гарднер, – продолжает мой старший брат и вдруг перечисляет всех наших предков, выговаривая их имена чисто и без запинки до самого Стивиуса Гарднера.

– Наверняка долго тренировался, – шепчу я Тристану.

Брат сардонически усмехается:

– Рейф только что перечислил главных врагов ликанов за последние столетия.

– Познакомься, Рейф, – произносит Диана, указывая на вожака ликанов, – это мой отец, Гунтер Ульрих.

Рейф без малейших колебаний протягивает альфе правую руку.

– Счастлив вас видеть, сэра!

Отец Дианы улыбается и тоже протягивает руку. Впрочем, выражение его лица скорее хищное, чем дружелюбное. Он холодно и оценивающе оглядывает Рейфа с головы до ног и сжимает его пальцы. Представляю, как он сейчас проверяет силу моего старшего брата и ждёт проявления любых признаков страха.

– Вижу, ты хорошо изучил наши традиции, – отмечает Гунтер Ульрих, бросив быстрый взгляд на индейку.

– Я уже давно восхищаюсь вашим народом.

– Неужели? – Янтарные глаза Гунтера полыхают от сдерживаемой ярости. – Любишь всё необычное, сынок?

– Как сказать, – осторожно отвечает Рейф, не отнимая руки, которую по-прежнему сжимает ликан.

– Он что, сейчас оторвёт ему руку? – встревоженно спрашивает Тристан.

– Считаешь мою дочь очень необычной? – угрожающе оскалив снежно-белые клыки, уточняет Гунтер.

– Напротив, – спокойно отвечает Рейф. – Мы с вашей дочерью родственные души.

Прекрасно сказано, Рейф. Отличный ответ.

Похоже, эти слова производят благоприятное впечатление и на отца Дианы. Он выпускает ладонь Рейфа и складывает руки на широкой груди, изучая нового знакомого с едва заметной улыбкой.

– Ты нравишься моей дочери, Рейф Гарднер.

– Она мне тоже очень нравится, – отвечает Рейф.

– Вынужден признать, мне было весьма любопытно встретить гарднерийца, который посмел ухаживать за дочерью вожака стаи ликанов. Ты либо невероятно храбр, мальчик мой, либо полный тупица.

Ликаны коротко смеются шутке, усмехается даже отец Дианы. Впрочем, весёлым этот смех не назовёшь. Скорее, Гунтер как будто говорит: «Я вежлив с тобой только потому, что ты нравишься моей дочери, но, если ты заставишь её грустить хотя бы раз, я разорву тебя на тысячу частей». Вожак ликанов задумчиво рассматривает Рейфа.

– Хотя, если подумать, я готов побиться об заклад, что верен первый вариант.

Рейф невозмутимо улыбается.

– Я тоже так думаю, сэра.

Гунтер раскатисто смеётся.

– А старшенький вроде бы доволен, – ошеломлённо шепчу я Тристану.

– Или торопит собственную гибель, чтоб не мучиться, – как бы между прочим констатирует Тристан.

– Моя Диана сильная и отважная девушка, – произносит Гунтер, снова оскалив зубы.

– Я знаю, сэра.

– Она говорит, что ты хороший охотник. И следопыт.

– С Дианой мне не сравниться, но среди эльфов и гарднерийцев я действительно один из лучших.

– Он просто скромничает, – вмешивается Диана, беря Рейфа под руку и глядя на него, как на охотничий трофей.

Гунтер кивает и вдруг оглядывается.

– Диана говорила, что в университете учатся твои сестра и брат. Это так?

– Да, сэра, – подтверждает Рейф.

– Наш последний шанс смыться, – шутит Тристан.

Ликаны одновременно поворачиваются и отыскивают нас взглядами. Отец Дианы ухмыляется, и я краснею. Конечно! Они слышали каждое слово из нашего разговора с Тристаном!

Мы направляемся к ликанам, и на лице матери Дианы всё отчётливее проступает тревога.

Когда я подхожу ближе, ликаны смотрят на меня с беспокойством и изумлением. Наверняка заметили моё проклятое сходство с бабушкой. Может, ликаны ощущают и сходство нашей с ней крови? Как бы Рейф не потерял из-за меня расположение вожака стаи. Я смотрю в глаза каждому из ликанов, а щёки мои тем временем пылают всё жарче.

Гунтер окидывает соплеменников быстрым взглядом и поворачивается ко мне. Что ж, рискну! И я протягиваю вожаку стаи руку, которую он крепко пожимает.

– При встрече со мной, – говорю я, – многие с удивлением отмечают моё сходство с бабушкой.

– Вы с ней похожи как две капли воды, – пристально вглядываясь мне в глаза, подтверждает Гунтер.

Он отпускает мою руку, и я с облегчением вздыхаю.

– Возможно, внешне я действительно её копия, – дрожащим голосом добавляю я, – но в остальном мы с ней совершенно разные. И даже больше, чем можно представить.

Все молчат, сверля меня глазами, пока Гунтер властно и тихо не произносит:

– Эллорен Гарднер, я для себя давно решил, что по внешности о характере судить не стоит. Полагаю, что к вам это также относится. Время покажет, не правда ли?

– Благодарю вас, сэр, – отвечаю я.

Он смотрит на меня с такой доброй улыбкой, что мои глаза против воли наполняются слезами. Гунтер опускает широкую тёплую ладонь мне на плечо, и я решительно улыбаюсь.

– Мы очень рады познакомиться с вами, – сердечно говорю я. – И очень рады дружить с Дианой и Джаредом.

Ликан довольно кивает и поворачивается к Тристану, наблюдающему за нашим диалогом с привычным непроницаемым видом.

– А ты, выходит, Тристан, – говорит Гунтер, радостно пожимая руку моему младшему брату.

– Совершенно верно, сэр.

На лице вожака ликанов сияет улыбка.

– Тристан Гарднер, я не собираюсь ничего отрывать твоему брату. – Он лукаво подмигивает. – По крайней мере сегодня.

– Рад слышать, сэр, – отвечает Тристан.

Нас захватывает водоворот знакомства и разговоров, которым управляет Диана. Она представляет нас матери – супруге вожака, судя по её виду, не очень-то нам рада и слегка сбита с толку неожиданным поворотом событий.

Потом зовёт Кендру, которая в полном восторге от Рейфа, Феррина Сандульфа, помощника вожака стаи, мужа женщины с алыми глазами – как выяснилось, её зовут Сорайя. На руках у неё малыш-ликан, сын её и Феррина.

Двое широкоплечих светловолосых охранников – Георг Леалл и Кристоф Фарг – едва достаивают нас взглядом. Они очень заняты – без усталости подозрительно оглядывают зал. Для них это явно не увеселительная поездка. Однако четвёртый ликан-охранник из стаи Гунтера Ульриха, рыжеволосый юноша по имени Брендан Фаолан, оказывается, старый друг Дианы.

– Не будем тратить время на долгие представления, – улыбается мне Брендан. – Я знаю, вы не рассказываете друг другу обо всех родственниках до седьмого колена при первой встрече.

– Напомните об этом Диане, – шутливо предлагаю я, и его улыбка становится ещё шире.

– Не сообщать при знакомстве о родственниках – просто грубо, – с некоторым раздражением вмешивается Диана, но тут же радостно спрашивает друга: – Я слышала, вы с Илианой Квин теперь пара?

– Да, – светясь от счастья, кивает Брендан.

– Я так рада за тебя, Брендан! – Диана в восторге заключает друга в объятия.

Пока старые знакомые болтают, я оглядываю зал, который быстро наполняется гостями – в основном гарднерийскими студентами и приехавшими к ним родственниками. Повсюду слышны весёлые разговоры, но я ловлю и несколько неодобрительных взглядов, направленных в нашу сторону.

А потом в толпе мелькает заметная фигура – невысокий гарднериец в простой тёмно-коричневой одежде. Он тяжело опирается на деревянную палку, медленно пробираясь сквозь лабиринт смеющихся гостей.

– Дядя Эдвин...

Эти слова вырываются у меня совсем тихо, полуприглушённым шёпотом. Всё вокруг отступает, тает, как туман под лучами солнца. Это и правда он! Наконец-то! После всего, что случилось!

Не раздумывая, я бросаюсь ему навстречу. Глаза дяди Эдвина вспыхивают от радости. Едва не сбив его с ног, я заключаю дядю в объятия, и из моих глаз ручьём льются слёзы.

– Эллорен, милая моя девочка, – ласково смеётся дядя, похлопывая меня по спине. – Ну что ты? Не плачь. Не надо, дорогая.

Смеясь сквозь слёзы, я вытираю ладонью глаза.

– Как я рада, что ты приехал!

– Мы очень давно не виделись, милая.

Некоторые слова дядя произносит слегка прищёпывая. Он отстраняется, чтобы получше рассмотреть меня. Его глаза блестят от сдерживаемых слёз. Половина дядиного лица, кажется, навечно застыла, и при виде этого немного свидетельства пережитой болезни мне хочется заплакать навзрыд.

– Ты изменилась, девочка моя, – с тревогой говорит дядя. – В твоём лице появилось что-то новое. Ты стала... старше. Сильнее. – Он пристально вглядывается мне в глаза, сначала нахмурив брови, потом задумчиво и наконец удовлетворённо произносит: – И я рад этому. – Дядя подмигивает мне и привычным жестом сдвигает очки на лоб, оглядывая зал. – И где же твои братья?

– Там. – Я указываю в сторону группы ликанов.

Дядя Эдвин щурится, пытаясь разглядеть Рейфа и Тристана.

– Ага, – улыбается он. – Пошли поздороваемся сразу со всеми?

Удивительно, как дядя Эдвин не боится встречи с целым кланом оборотней. Вот такой он у меня замечательный. Он никогда заранее не осуждает других, будь то гарднерийцы или представители других рас.

Дядя берёт меня под руку, и мы медленно бредём по проходу. За то время, что мы не виделись, дядя Эдвин очень похудел, и постарел, и сильно ослаб. Я помню его другим.

Мы все изменились.

Рейф направляется к нам со счастливой улыбкой и склоняется к дяде, чтобы заключить его в объятия.

– Ах, Рейф, мальчик мой, – посмеивается дядя, хлопая племянника по спине. – Твоя тётушка мне все уши о тебе прожужжала, уж будь уверен.

Оторвавшись от Рейфа, дядя оглядывается в поисках Тристана, который скромно стоит в стороне.

– Здравствуй, Тристан, – произносит дядя, шаркающей походкой направляясь к младшему из племянников. – Ну ты и вымахал!

– Здравствуйте, дядя Эдвин.

Те, кто не слишком близко знаком с Тристаном, наверняка не заметили бы охватившего его волнения, спрятанного за бесстрастным выражением лица, когда дядя сердечно обнял племянника.

– Что это у тебя? – спрашивает дядя, указывая на волшебную палочку у пояса Тристана.

– Подарок тёти Вивиан, – немного смущённо отвечает тот.

Дядя Эдвин мимолётно хмурится, но тут же берёт себя в руки и, сощурившись, смотрит на самого грозного из гостей в этом зале. Гунтер Ульрих переводит взгляд с Рейфа на дядю Эдвина, силясь понять, каким чудом эти двое – мой рослый и сильный брат и невысокий, вежливый дядя – связаны.

– Это Гунтер Ульрих, вожак стаи Гервульфа, – представляет Рейф отца Дианы.

– Ах да, конечно, – кивает дядя, глядя на вожака ликанов сквозь толстые линзы очков. –

Я Эдвин Гарднер. Рейф писал мне о вас... Рад встрече.

Кендра подбегает и прыгает вокруг нас, изучая дядю Эдвина.

– А у вас борода ужасно пушистая! – со смехом восклицает девочка.

Дядя Эдвин ласково гладит Кендру по голове.

– А у вас, юная леди, – сообщает он, – очень впечатляющее ожерелье.

– Это моя коллекция зубов! – Девочка гордо поглаживает бусы. – Все от разных зверей. Я недавно добавила два новых. Хотите покажу?

Дядя Эдвин сдвигает очки на кончик носа и склоняется над ожерельем, восхищённо рассматривая каждый зуб. Кендра сияет от удовольствия. Столько внимания ей одной!

– А где твоя стая? – спрашивает она, с любопытством оглядываясь.

– Кендра, – вмешивается Гунтер, – не забывай – они живут иначе.

Дядя Эдвин смеётся и снова ласково треплет кудри девочки.

– Нас в стае всего четверо, Кендра, – объясняет он. – Рейф, Эллорен, Тристан и я.

– И всё? – потрясённо переспрашивает Кендра.

– И всё.

Девочка сочувственно хмурится.

– Вам, наверное, очень одиноко.

Дядя Эдвин задумчиво подбирает ответ:

– Мы... м-да. Нам и вчетвером очень хорошо.

– Но это совсем маленькая стая! – не унимается Кендра. – Слишком маленькая! Вот у меня есть мама и папа, и Диана, и Джаред, кузены и кузины, и четыре лучшие подруги, и три лучших друга, и ещё...

Вскоре у малышки заканчиваются пальцы, которые она загибает, перечисляя любимых тётушек, дядюшек и рисуя для слушателей картину большой и дружной семьи-стаи.

– Хочешь посмотреть мои рисунки? – спрашивает она дядю Эдвина, перескакивая на новую тему. – Я всё знаю о грибах. Я составила целую книгу о них.

Кендра вытаскивает из заплечного мешка пачку бумаги, перевязанную бечёвкой. Все рисунки аккуратно выполнены чернилами и раскрашены акварелью.

– Очень, очень красиво, Кендра, – хвалит дядя её работу. – Изумительно. – Повернувшись к Гунтеру, дядя Эдвин добавляет: – У вас растёт талантливая художница.

– Она умница, моя Кендра, – соглашается вожак ликанов.

Девочка подпрыгивает от возбуждения.

– Так говорят и дядя Хан, и Ингер, и Мика. Все считают, что у меня здорово получается. А ты хорошо разбираешься в грибах?

– Неплохо, – кивает дядя. – Грибы – моё маленькое хобби. Давай-ка присядем и посмотрим твои рисунки повнимательнее. Вы ведь не против, Гунтер? Ваша дочь – прелестное создание.

Её отец согласно кивает, но Кендра отвлекается, заметив рядом с Рейфом Диану.

– Иди к нам, Диана! – Девочка тащит сестру за стол.

– Здравствуй, Диана. – Дядя Эдвин ласково похлопывает ликанку по руке. – Рейф много о тебе рассказывал. Из его писем я понял, что он от тебя без ума.

Диана довольно улыбается.

– Я очень рада с вами познакомиться, Эдвин Гарднер.

– Пошли! – Кендра напоминает о себе и тянет Диану и дядю Эдвина за рукава курток.

– Да-да, конечно, – смеюсь вместе с Дианой, сдаётся дядя.

Им явно нравится разговаривать с Кендрой, рассматривать её рисунки и ожерелье, и Диана, и дядя – оба добрые и терпеливые. Наверное, из Дианы когда-нибудь получится прекрасная мать. Мать детей моего брата. Странная мысль... Но я вдруг понимаю, что буду очень рада, если всё так и сложится.

– Диана говорит, ты хорошо знаешь здешние леса, – поворачивается Гунтер к Рейфу. – Может, прогуляемся вдвоём? Познакомимся поближе.

И опять ликан скалит зубы в усмешке. Не нравится мне его взгляд.

– Буду рад, сэр, – вежливо откликается Рейф.

Похоже, он совсем не боится вожака стаи.

– До скорого, – прощается с Рейфом Диана, оторвавшись от Кендры, чтобы обнять брата на прощание. Объятием дело не ограничивается – ликанка быстро целует его в губы.

Рейф удивлённо вскидывает брови, – вот неожиданная смелость! – а Гунтер мрачно стискивает челюсти. Брат нежно, но непреклонно отстраняется, взглядом давая понять Диане, что сейчас не время для таких нежностей.

Диана только лукаво подмигивает ему в ответ.

Глава 10. В ловушке

Гунтер и Рейф уходят, и я вдруг остаюсь одна. Тристан вежливо беседует о чём-то с матерью Дианы Дасианой, которая явно обескуражена и не понимает, как дала вовлечь себя в разговор. Остальные ликаны переговариваются между собой.

Осунувшийся Джаред стоит особняком, словно разглядывая кого-то на другом конце зала. Проследив за его взглядом, я вижу, как в столовую входит Айслин с родителями, сёстрами, племянниками и Рэндаллом. С ними ещё одна пара пожилых гарднерийцев, видимо родители Рэндалла.

Отец Айслин, властный мужчина с военной выправкой и с коротко подстриженной бородой, замечает ликанов. Его лицо наливается кровью от злости, губы складываются в гримасу отвращения, и он поскорее ведёт своё семейство к столу в самом дальнем углу от нас.

Дети, тоже заметив ликанов, не сводят с них округлившиеся от страха глаза и прячутся за материнские юбки, ища защиты и утешения. Все взрослые гарднерийцы, кроме Айслин, ничуть не стесняясь, осеняют себя священным жестом, отгоняющим злые силы.

Айслин садится, бледная и молчаливая, и не отрывает глаз от стола. Её старшая сестра, Лисбет, кажется, не замечает состояния Айслин и принимается весело болтать с Рэндаллом. Другая сестра, Аурелия, суетливо носится вокруг стола, пытаясь поймать своих детей и время от времени бросая перепуганные взгляды на ликанов. Мать Айслин степенно сидит рядом с родителями Рэндалла, уныло обводя взглядом зал.

– Привет, Джаред, – говорю я, подходя к другу.

– Какой жестокий фарс, – отвечает он, и его голос звенит, как натянутая струна. – Она не хочет быть рядом с ним. Посмотри, она так несчастна. Она хочет быть со мной, но борется с собственным желанием.

– Ты сам знаешь, почему она так поступает, Джаред. Ради семьи. Она беспокоится о матери и сёстрах...

– Им уже не помочь, – едва сдерживая гнев, произносит Джаред. – Она ничего не изменит, даже обручившись с Рэндаллом. Они тянут её в омут несчастья, в котором живут сами. Уже затянули.

Рэндалл рассеянно поглаживает Айслин по руке, и Джаред в ярости скрипит зубами.

– А вот он хочет с ней обручиться, – цедит ликан, обнажая клыки. – Хотя ему всё равно с кем. Его тянет к любой девушке, которая оказывается поблизости. Он не любит Айслин... Ваши мужчины – жалкие ничтожества.

– Джаред, давай сходим за напитками, – осторожно предлагаю я.

– Я не хочу пить.

Его взгляд опасно блуждает, губы приподнимаются, ещё сильнее обнажая клыки.

– Неважно, – настаиваю я. – Пойдём со мной.

Он оглядывается на Айслин и её родственников, как будто раздумывая, что выбрать: сходить за напитками или оторвать Рэндаллу голову. Потом в ярости смотрит на меня, и я едва сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться.

– Тебе надо успокоиться и собраться с мыслями, – уговариваю я друга. – Иначе ты очень пожалеешь о содеянном.

– Если я убью Рэндалла, то жалеть об этом не стану, – бесстрастно заявляет Джаред.

– Но ведь тебе не обязательно убивать его именно здесь и сейчас, – непринуждённо замечаю я.

Джаред минуту раздумывает над моими словами.

– Ты права.

Он стискивает зубы и делает глубокий вдох, как будто пытаюсь успокоиться. Потом, к моему огромному облегчению, подчиняется уговорам и идёт вместе со мной к столу с напитками, накрытому возле двери на кухню.

Подальше от Айслин и её родных.

Мы с Джаредом сидим за столом и осторожно прихлёбываем горячий сидр. Ликан время от времени бросает взгляды на Айслин. Однако теперь он немного спокойнее, по крайней мере, гневный огонь в его янтарных глазах немного поутих.

– Знаешь, меня тревожат Рейф и Диана, – говорю я, пытаюсь отвлечь его внимание от Айслин.

Он возмущённо поднимает на меня глаза.

– Джаред, мне очень нравится Диана, ты и сам знаешь, – поясняю я. – Она идеально подходит Рейфу. И я понимаю, что и Рейф хорошо впишется в стаю ликанов. Некоторым образом. Вот только мой брат никогда не был ведомым. Не знаю, пойдёт ли всё так, как хочет Диана. И сколько выдержит Рейф.

– Ему не придётся быть ведомым.

Это что-то новенькое.

– Не понимаю...

– Эллорен, из Рейфа получится отличный вожак стаи. – Джаред говорит так, как будто я сама должна была об этом догадаться.

– Но я думала, что Диана наследует...

– Может быть. Однако, когда Рейф станет ликаном, он наверняка превзойдёт мою сестру.

Не удержавшись, я фыркаю от смеха.

– Ой, ну ты скажешь! Мой брат – альфа стаи ликанов. Вожак-гاردнериец. Внук Карниссы Гарднер, между прочим.

Губы Джареда изгибаются в подобии улыбки, но он снова смотрит в сторону Айслин, и эта «улыбка» тут же тает.

– Всякий раз, когда Рэндалл касается её, мне хочется оторвать ему руку.

– Ни в коем случае!

– Не знаю, Эллорен, не знаю. С каждой минутой это желание только крепнет. – Джаред с отвращением оглядывает Рэндалла и поворачивается ко мне. – Я видел так много обручённых гартнерийцев, которые едва терпят друг друга. Мужчины часто увлечены кем-то ещё, а отношение женщин варьируется от безразличия до отвращения. Неужели ваши мужчины так бесчувственны, что им достаточно связать себя брачными узами с женщинами, которым они не нужны? И почему ваши женщины ведут себя так, как будто поиск партнёра на всю жизнь – нечто постыдное. Странные вы...

– В нашей вере соитие считается делом постыдным, – старательно поясняю я. – Гартнерийцы имеют право жить парами лишь с целью произвести на свет как можно больше детей – маленьких граждан Гартнерии. Спаривание с любыми другими целями считается аморальным. Нам следует подавлять инстинкты, не быть животными, как...

– Как мы, оборотни?

Я расстроено вздыхаю.

– Ну, примерно так.

Джаред не сводит с меня тяжёлого взгляда.

– Эллорен, это кошмар.

Я мрачно сверлю глазами стол, воображая, какое будущее ждёт меня.

– Ты прав. Так и есть.

– То есть гартнерийцы обручаются, даже не вспоминая об истинных чувствах – любви, страсти?

– И эти церемонии проводят всё в более раннем возрасте, – признаю я. – Моя соседка Сейдж Гаффни обручилась в тринадцать лет.

– Это она дала жизнь икариту? – встревоженно уточняет Джаред.

Я печально киваю.

– Муж её бил, и она его бросила. Сбежала.

Джаред вздрагивает, будто от боли.

– Я читал вашу священную книгу, – признаётся он. – Хотел получше понять Айслин. Первая часть – чудовищна и отвратительна. Там столько ненависти ко всем народам и расам, окружающим Гарднерию. Когда я читал, то понял, что всей моей любви не хватит, чтобы вырвать Айслин из когтей этого ужаса...

Голос Джареда постепенно стихает. К нам направляется Дасиана, его мать. Подойдя к нашему столу, она бросает на меня беспокойный взгляд. У ликанки на лице написано одно страстное желание: вот бы эти гарднерийцы прихватили сестричку и убрались подальше от её семьи и детей.

Дасиана садится рядом, как будто не замечая меня, и задаёт угрюмому Джареду вопрос за вопросом о его учёбе в университете. Я сосредоточенно смотрю в кружку с сидром, а ликанка бросает на меня хмурые взгляды, пытаясь выяснить, не из-за меня ли так изменился её сын. Джаред изо всех сил старается не смотреть на Айслин, держится скованно, но надолго его терпения не хватает.

Он отворачивается на полсекунды, пока мать подробно рассказывает ему о девочках-близнецах, родившихся у какой-то родственницы. Дасиана умолкает на полуслове и спешно оборачивается, чтобы проследить за взглядом сына. Мгновенно определив, на кого смотрит Джаред, она в ужасе поворачивается к сыну.

– Милосердная Майя... Джаред...

Он смотрит вниз, крепко сцепив руки перед собой на столе.

– Блаженная Майя... скажи, что это неправда.

Джаред молчит.

– Из всех девушек на свете... – Голос Дасианы срывается. – Мы познакомили тебя с прекрасными сильными ликанками, а ты выбрал... эту? – Мать Джареда переводит дух, не в силах произнести ни слова. – Ты хоть знаешь, кто её отец?

– Я прекрасно знаю, кто её отец, – напряжённо выдавливает Джаред.

– А эта девушка... Она знает о твоих чувствах к ней?

– Да.

– Между вами что-то было? – В голосе Дасианы явственно слышится паника.

– Ничего, мама. Ничего не было, – резко отвечает Джаред. – Она скоро обручится с гарднерийцем, которого не любит и который не любит её... да и просто её недостойн.

Дасиана горестно качает головой:

– Мы с твоим отцом совершили ошибку. Не надо было отправлять вас с сестрой в университет. Знай мы, что вы оба влюбитесь в гарднерийцев...

Джаред поднимает голову и устремляет на мать твёрдый взгляд горящих янтарных глаз.

– И что тогда, мама? Что бы вы сделали? Быть может, ликанам стоит перенять чудесную традицию обручения? Только взгляни на Айслин Грир, мама. Она так счастлива, не правда ли?

– Джаред...

– Нет, мама, я говорю совершенно серьёзно. Вы могли бы обручить нас с Дианой прежде, чем мы достигли совершеннолетия, заставить нас связать жизнь с ликанами, которых сами выбрали бы для нас.

– Мы так не можем...

– Я знаю, что мы не можем! – рычит Джаред. – И другие тоже не могут!

Дасиана в отчаянии трясёт головой:

– Эта девушка не для тебя, Джаред.

– Я знаю, что нам не быть вместе, – глухо признаёт Джаред. – Но ты не беспокойся. Ничего не будет. Она мне отказала.

– Сын мой...

Джаред резко вскакивает.

– Пожалуйста, только не говори, что всё будет хорошо. – Он поднимает руку, не давая матери вставить и слова. – Потому что сейчас всё плохо. Везде. Во всём мире – плохо всё.

Дасиана на мгновение застывает, будто пытается отойти от дурного сна. А потом, наградив меня на прощание полным ненависти взглядом, уходит вслед за сыном.

Глава 11. Ликан-амаз

Смеясь и сжимая в руке увитую лентами ветку йольской сосны, ко мне подбегает малыш-ликан с алыми глазками. Брендан, тот самый ликан с огненно-рыжими волосами, догоняет весело визжащего малыша и сжимает в медвежьих объятиях.

Огромный, весь покрытый татуировками в виде рун Феррин, улыбаясь шалостям сына, подходит к Брендану.

– А вы в стае – бета, второй после вожака? – обращаюсь я к Феррину, пока Брендан опускает малыша на пол.

Мальчик тут же хватается отца за руку.

– Да, это я, – с благодушной улыбкой подтверждает Феррин.

– Диана мне кое-что о вас рассказывала. – Мальчик заливается весёлым смехом и бежит вперёд по проходу между столами. Брендан с притворным недовольством, закатив глаза, идёт следом, и мы остаёмся с Феррином вдвоём. – Она говорила, что вы стали ликаном ещё в детстве.

– Так и было. Они нашли меня в лесу, голодного и едва живого.

Он произносит эти слова совершенно спокойно: простой, но такой страшный факт. Ростом Феррин выше Андраса. Мне тяжело представить его маленьким и слабым.

– Меня взяла к себе сестра Гунтера, – продолжает Феррин. – Она вырастила меня как собственного сына.

Что-то у меня за спиной вдруг привлекает внимание Феррина, и я оборачиваюсь – в зал входят Андрас и Тьерни.

Они внезапно сблизилась после того памятного вечера, когда мы все познакомились с Эстриллианом. Любовь Андраса к лошадям незаметно распространилась и на ужасающих келпи, друзей Тьерни, а келпи в свою очередь отнеслись к Андрасу осторожно-дружелюбно.

Тьерни и Андрас сошлись на удивление быстро, ведь обычно Тьерни не спешит доверять новым знакомым, однако спокойный по характеру Андрас в эти непростые времена помогает ей поддерживать душевное равновесие.

Заметив Феррина, Андрас на мгновение останавливается. Скорее всего, помощник вожака ликанов – единственный амаз-мужчина, которого Андрас видел в своей жизни.

Когда Андрас и Тьерни подходят, Феррин гордо выпрямляется и подаёт Андрасу руку.

– Я Феррин Сандульф, – говорит он. – Бета стаи Гервульфа.

– Я Андрас Воля, – представляется Андрас, пожимая руку Феррину, – сын Астрид Воля.

– Ты Андрас? – Глаза Феррина удивлённо округляются.

– Да.

Андрас вопросительно смотрит на Феррина: разве у него настолько странное имя?

– Ты знаешь Сорчу Ксантиппу? – очень серьёзно спрашивает Феррин. – Ты спаривался с ней?

– Да, как положено по нашим обычаям...

– Три года назад... ты и Сорча... вы были вместе?

– Да. – Андрас недоумённо хмурится.

Феррин заметно мрачнеет и зовёт жену.

– Сорайя! Иди сюда!

Она кивает и послушно направляется к нам с малышом на руках. Её добродушная улыбка тает при виде сурового выражения лица мужа.

– Это Андрас Воля, – сообщает ей Феррин, указывая на Андраса. – Супруг Сорчи Ксантиппы.

Алые глаза Сорайи изумлённо вспыхивают. Она замирает на месте, переводя растерянный взгляд с Андраса на малыша и снова на Андраса, как будто не зная, что делать и как поступить.

– Андрас Воля, – наконец произносит Сорайя срывающимся от волнения голосом. – Это Коннор. Твой сын.

Мы с Тьерни, как по команде, потрясённо охаем. Андрас, ловя ртом воздух, ошеломлённо смотрит на мальчика. Малыш Коннор застенчиво улыбается и крепко обнимает Сорайю.

– Сорча сама привезла его к нам, – объясняет Феррин, успокаивающим жестом опуская руку на плечо Андрасу, который всё ещё не в силах издать ни звука.

– Хочешь его подержать? – тихо предлагает Сорайя и, не дождавшись ответа, подносит малыша поближе к Андрасу.

Коннор бесстрашно смотрит новому знакомому в глаза, и Андрас берёт его на руки. Мальчик крошечными пальчиками тянется к лицу Андраса и гладит линии вытатуированных рун.

И вдруг по щекам Андраса начинают катиться слёзы.

Феррин и Сорайя молча обнимают его вместе с малышом. Коннор недоумённо разглядывает странных взрослых и касается кончиком пальца слёз, стекающих по лицу Андраса.

– Мы теперь одна семья, – говорит Сорайя.

Её глаза наполняются слезами.

– Я никогда не думал, что у меня будет настоящая семья, – хрипло отвечает Андрас. – Был уверен, что мы с матерью всегда будем одни на всём свете.

– Ты не один, – утешает его Сорайя. – Северная стая приняла четверых мужчин из племени амазов.

Малыш Коннор, вероятно устав от избытка эмоций, нетерпеливо ёрзает и тянется к матери. Андрас целует ребёнка в макушку и передаёт Сорайе.

– Пойдём, Андрас, – зовёт Феррин. – Нам о многом нужно поговорить.

Андрас поворачивается к Тьерни, и, когда они обмениваются многозначительным взглядом, на его лице отражается океан чувств.

– Иди, – говорит она, вымученно улыбаясь. – Я очень за тебя рада.

Андрас кивает и уходит с ликанами.

Мы с Тьерни молча смотрим друг на друга, и в её взгляде я читаю всю трагическую историю последних дней: её новый друг, с которым они так быстро и так неожиданно сблизились, скорее всего, уйдёт в мир ликанов, совершенно закрытый для неё, Тьерни, потому что она хочет остаться собой.

Водной феей.

– Я не хочу об этом говорить, – резко отвечает она на незаданный вопрос, мучительно шурясь. – Иначе сейчас совершенно случайно налетит буря. Беспощадная. Прямо сейчас. – Она мрачно косится на потолок. – Прямо здесь. Посреди этого чёртова праздника.

И, прежде чем я собираюсь с силами произнести хоть слово, Тьерни разворачивается и выбегает из зала.

В тот вечер, проведя несколько часов с дядей Эдвином в доме для гостей, я решаю отыскать Андраса. Мне не терпится узнать, о чём же он говорил с ликанами.

С фонарём в руке я пробираюсь по лесу, осторожно ступая по мёрзлой земле, к пещере Наги. Деревья по-прежнему настроены враждебно, я чувствую их краем сознания, но постепенно учусь вытеснять их неприязнь.

Впереди мелькает пламя костра, слышится голос Андраса.

– Ты теперь следишь за мной, мама?

Мама?

И, прежде чем я успеваю понять, что происходит, рядом со мной из тьмы возникает Айвен. Он тихо идёт ко мне, едва различимый среди деревьев. Я останавливаюсь, повинуюсь его безмолвному приказу, и молчу. Айвен прикладывает палец к губам, берёт меня за руку и кивает в сторону костра.

Мы двигаемся почти бесшумно и подходим чуть ближе к поляне, откуда гораздо лучше видны Андрас и его мать, профессор Воля.

Поразительно, как сильно Андрас изменился всего за несколько часов! Он снял все металлические украшения амазов, все руны-обереги, а вместо привычной алой, испещрённой рунами одежды на нём теперь кельтская куртка и штаны. Неизменными остались лишь чёрные татуировки-руны на его лице.

Профессор Воля с нескрываемым изумлением смотрит на сына, который сидит у огня, сцепив руки на коленях и склонив голову.

– Почему ты так странно одет? – беспокойно спрашивает она. – Почему ты оставил всё... и даже амулет Богини... дома?

Андрас долго молчит и наконец произносит:

– Сегодня я встретил своего сына, мама.

– Сына?

– Его родила Сорча Ксантипша.

По лицу профессора Воля пробегают тени отчуждения и тревоги.

– Та девица, которая явилась из племени амазов, презрев все правила обряда плодородия? Та, к которой ты так ненормально привязался?

Андрас как будто теряет дар речи, поражённый отповедью матери.

– Ты разве не слышала, что я сказал? У меня есть сын!

Профессор Воля в глубоком раскаянии качает головой.

– И грехи мои приумножились... – Она оглядывается, будто ищет кого-то среди деревьев. – И где он? Этот твой сын?

Андрас с яростью смотрит на неё, выпятив квадратный подбородок.

– Его взяли к себе ликаны. Он теперь один из них. И я намерен тоже уйти к ним.

Женщина застывает, словно силясь поверить в услышанное.

– Целых два года, – продолжает Андрас, – они растили моего сына как собственного. И теперь пригласили меня стать членом стаи. Я смогу стать отцом своему сыну, а со временем обрести любовь и семью.

Мать вздрагивает, как будто от удара.

– У тебя уже есть семья, – напоминает она срывающимся голосом.

– Да, я знаю, – тихо отвечает Андрас. – Я люблю тебя, мама. И знаю, чем ты пожертвовала ради меня. Но довольно... нельзя вечно жить так... Пойдём со мной к ликанам. Они обещали, что примут нас обоих, чего не сделало твоё племя.

Глаза профессора вспыхивают яростью:

– Нет. Никогда!

– Но почему?! – вдруг взрывается Андрас. – Что такого ты знаешь о них?

– Я знаю достаточно! – восклицает она. – Они все – зло. – Профессор размахивает рукой, как будто рубит огромным мечом лежащий перед ней невидимый предмет. – Они слепо подчиняются вожакам-мужчинам... Как рабыни.

– У них были и женщины-вожаки.

– То время давно ушло, Андрас. Они олицетворяют всё, что презирает Великая Богиня. И нет им прощения. А после смерти от них ничего не останется, как будто их вовсе и не было на свете. А мы отправимся в райские кущи – к нашему божеству.

Андрас качает головой:

– Я больше не верю в эти сказки.

– О чём ты? Что значит не веришь?

– У каждого народа или расы – у фей, ликанов, эльфов, гарднерийцев, амазов, – у всех есть своя вера, отличная от других. Общее только одно: они считают, что только их вера истинная, а все остальные – отступники и ничего не стоят.

– Они не правы!

– Я знаю, – горько вздыхает Андрас. – Правы всегда только амазы. Разве ты не понимаешь? Мне нет места в твоём племени. Все ваши традиции и обряды говорят о том, что мужчины хуже и опаснее женщин и годны только на то, чтобы помогать плодить новых женщин-амазов. Я больше в это не верю. Я не подлый и не коварный, и мне не нужно душить в себе безумную страсть унижать женщин.

– Потому что мы покаяться и искупили вину!

– Ничего подобного. Это очередная ложь!

– Ты сам не понимаешь, что делаешь! – отчаянно выкрикивает профессор Воля. – Ты накличешь гнев Богини на нас обоих!

– Не накличу, – упрямится Андрас. – Потому что никакой Богини нет!

Мать в ужасе смотрит на сына. Потом поднимает глаза к небу, будто ожидая увидеть молнию, летящую к ним, чтобы наказать за богохульство.

– Моли о прощении! – странным шёпотом приказывает она.

– Нет, – отвечает Андрас. – Я сказал правду и извиняться не стану.

На её лице застывает маска ярости.

– Если ты пойдёшь дальше по дороге проклятий, ты мне не сын!

По лицу Андраса ничего нельзя прочесть.

– Зато тогда, мама, ты сможешь вернуться к своему племени, к людям, которых ты действительно любишь.

Профессор Воля колеблется, на её лице уже нет былой решимости.

– Андрас...

Он вдруг вскидывает руку, показывая матери ладонь с растопыренными пальцами.

– Взгляни на мою руку, мама, – требует он. – В ней столько же костей, сколько в твоей – в противоположность лживым рассказам о рождении мира, которые выдумало твоё племя.

– На тебя падёт проклятие Великой Богини! – срывающимся голосом кричит его мать. Глаза профессора блестят от непролитых слёз. – Однажды ты умрёшь, и от тебя останется лишь горстка пепла. И я пойду в райские кущи одна. Прежде была надежда, что Богиня сжалится над нами, но твой поступок... нам больше не быть вместе, сын мой.

– Нет, мама, – тихо увещевает её Андрас. – Когда мы умрём, от нас обоих ничего не останется, лишь пепел, как от всех остальных. И неважно, сколько историй придумано на свете, чтобы опровергнуть реальность. Мне дана лишь одна жизнь, и я хочу прожить её, ни о чём не жалея. Пусть я обзаведусь женой, детьми и буду жить с народом, который меня примет. Амазы ничего этого нам с тобой не дали.

Профессор Воля молча стоит у костра, по её щекам катятся слёзы.

– Я больше не амаз, мама, – сочувственно говорит Андрас. – Но тебя я не брошу. Ты всегда будешь для меня самой родной на свете. До весны я проживу в лесу, буду по-прежнему помогать тебе с лошадьми, как обещал. А потом уйду в Южную стаю ликанов и примкну к ним. Очень надеюсь, что однажды и ты откажешься от вранья, которым тебя столько лет потчевали амазы.

Профессор Воля лишь качает головой, мучительно подыскивая слова.

– Андрас, нет...

– Мама, я всё решил, – обрывает её Андрас. – Если ты не можешь принять это, тебе лучше просто уйти, – грустно добавляет он.

– Сын мой...

– Нет, – с нажимом произносит Андрас. – Оставь меня в покое.

Профессор Воля колеблется, оглядывается, будто обезумев от горя, и уходит, скрываясь за деревьями. Андрас, сгорбившись и обхватив голову руками, остаётся у костра.

Дождавшись, пока шаги профессора Воля окончательно стихнут, мы с Айвеном подходим к костру и усаживаемся по обе стороны от Андраса, который по-прежнему сидит совершенно неподвижно.

– Прости... мы всё слышали, – говорю я, ласково касаясь ладонью его спины. – Мне очень жаль... всё так сложно.

Андрас поднимает голову и устремляет отчаянный взгляд в огонь. На его щеках блестят слёзы.

– Если бы только я мог стереть руны с моей кожи, – наконец хрипло и подавленно произносит он.

Как же его утешить? Поддержать?..

– Знаешь, а у тебя скоро будут невероятно красивые глаза, как у всех ликанов, – ободряюще говорю я. – Их сияние затмит любые татуировки, уж поверь.

Андрас выдавливает смешок и слегка растягивает губы в улыбке.

Я кладу руку ему на плечо.

– Твой сын очень похож на тебя, ты заметил?

Улыбка Андраса становится чуть шире, но вскоре тает. Он снова поворачивается к костру, терзаясь противоречиями.

– Если бы моя мать пошла со мной... Я не хочу её бросать. Но я боюсь, что она никогда не примет моего сына.

Я грустно вздыхаю.

– Люди меняются, Андрас. Когда-то я до смерти боялась икаритов. А теперь таскаю из амбара за кухней корм для питомцев Ариэль. – Коротко усмехнувшись, я долго смотрю на угли в костре, сияющие алым. – Твоя мать может и передумать. Особенно после встречи с Коннором.

Андрас скованно кивает, старательно пряча подступившие слёзы. Я отворачиваюсь и замечаю, что Айвен пристально следит за мной. Смотреть в его ярко-зелёные глаза нелегко – в моей душе нарастает беспокойство.

С глубоким прерывистым вздохом я отвожу взгляд.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 211

Порча изданий или поношение содержания «Книги Древних» карается смертью.

Глава 12. Вниз по спирали

– Как ты думаешь, этого хватит, чтобы вылечить крыло Наги? – шепчет Тьерни, глядя на крошечную склянку астербана в моих руках.

Аптека мага Эрноффа, освещённая тусклыми фонарями, находится вдали от главных улиц. Полки здесь заставлены бутылками, флаконами и коробочками разной величины, набитые порошками, измельчёнными листьями, микстурами и тониками. С потолка с ржавых крючков свисают сушёные ящерицы, а стеклянные сосуды, выстроившиеся вдоль дальней стены магазинчика, наполнены когтями чёрных драконов.

Я задумчиво разглядываю порошок цвета киновари, прикидывая, хватит ли содержимого баночки для приготовления лекарства.

– Вроде да.

Левое крыло Наги упрямо отказывается заживать, несмотря на все усилия Андраса и Ариэль. Разрыв мягких тканей плечевого сустава оказался слишком глубоким, однако есть надежда, что астербан, лучшее средство для заживления ран, нам поможет.

Тьерни подносит желтовато-коричневый клубок корней сангвинарии и молча смотрит на меня сверкающими в полутьме глазами. Я давно понимаю её без слов и просто киваю. Да, и это снадобье нам тоже понадобится. Из него мы сделаем микстуру, которой лечат красный грипп, – она называется «Норфюр». Это лекарство в аптеках стоит довольно дорого, и Джулиас попросил нас приготовить, сколько получится, для беженцев. В их лагере в последнее время слишком многие болеют.

В памяти всплывает амбар, где прячут беженцев – мы ходили туда несколько дней назад, чтобы отнести первую партию микстуры, – и у меня тоскливо сжимается сердце. В тот вечер измученный Джулиас сам открыл нам дверь, точнее, приотворил всего на несколько сантиметров, только чтобы забрать коробки с лекарством, из последних сил благодарно нам улыбнувшись. Мы едва успели разглядеть у него за плечом нескольких обитателей старого здания.

Большинство из них были смарагдальфары, в основном дети. Их изумрудная чешуйчатая кожа тускло мерцала в свете единственного фонаря, а зелёные волосы выглядели неопрятно, как и поношенная одежда. Почти все они сидели или стояли, привалившись к небольшим стогам сена. Пол был устлан страницами, вырванными из «Книги Древних».

Смотреть на этих несчастных без сострадания невозможно. Они все такие худые, с покрасневшими глазами и красной сыпью вокруг губ – типичные симптомы красного гриппа.

Айрис, Фернилла, Бледдин и Айвен помогали Джулиасу заботиться о детях вместе с несколькими не заразившимися смарагдальфарками и моим бывшим профессором по металлургии Фионом Хоккином. Вот уж кого не ожидала встретить здесь – я не сомневалась, что Фион давно перебрался в Западные земли.

Бледдин опустилась на колени, успокаивая ребёнка. Когда она оглянулась и заметила меня, её глаза угрожающе блеснули. «Убирайся!» – казалось, она была готова выкрикнуть это.

Я уже закрывала дверь, когда Айвен, сидевший рядом с больной девочкой, прижимая ладонь к её лбу, вдруг посмотрел на меня. Наши глаза на мгновение встретились, и меня охватил жар.

Когда мы с Тьерни шли обратно к городу под чёрным беззвёздным небом, я один раз оглянулась.

На крыше амбара, будто призрачные часовые, сидели трое стражей. Они пробыли там не дольше удара сердца и растворились в холодной безжизненной ночи.

Тьерни тянет меня за рукав, возвращая к реальности.

– Нам пора, – тихо напоминает подруга.

Встряхнув головой, чтобы прийти в себя, я беру у Тьерни корешки сангвинарии, и мы вместе идём платить за покупки.

Бородатый взлохмаченный аптекарь занят. Он растирает в ступке чёрный драконий коготь. Мы немного нервничаем и надеемся, что выбранные снадобья удастся объяснить заданием по аптекарскому делу. Однако аптекарь даже не смотрит на нас, быстро записывает что-то в гроссбух и возвращается к своему занятию.

Молча вознося благодарности, – вот ведь какой рассеянный и нелюбопытный аптекарь попался! – мы с Тьерни быстро завязываем мешки, покрепче запахиваем тёплые накидки и выходим из магазинчика. Холод тут же кусает нас за щёки, а наше дыхание повисает в ночном воздухе облачками пара. Ссутулившись, мы шагаем против ветра обратно к университетским корпусам.

– Нам туда, – показывает Тьерни на проулок на другой стороне выложенной брусчаткой улицы. – Я всегда так хожу.

Мы торопливо идём к тому самому проулку, прячась от ветра за медленно катящим фургоном, нагруженным деревянными бочками, и огибая по дороге группу альфсигрских эльфов. Не глядя по сторонам, я следую за Тьерни, мечтая поскорее спрятаться от ледяного ветра.

У самого поворота в проулок на железном крюке болтается единственный фонарик, бросая золотистые отблески на стены и брусчатку. Однако стоит нам с Тьерни сделать всего несколько шагов по улочке, как мы в ужасе останавливаемся.

Каменные стены исписаны кроваво-красной краской со зловещими потёками.

СМЕРТЬ ИСЧАДИЯМ ЗЛА ЭРТИЯ ДЛЯ ГАРДНЕРИЙЦЕВ ВЕРНЁМ ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

И огромная пятиконечная звезда благословения у последнего слова. Пять концов – пять линий силы: земля, огонь, вода, воздух и свет.

Мы с Тьерни стоим, молча уставившись на стену. Меня пробирает ледяной озноб, и вовсе не от зимнего холода. Каждое слово на стене бьёт невидимым кулаком тех, кто мне особенно дорог.

– О Древнейший, – наконец выдыхаю я и оглядываюсь на Тьерни.

Она даже не побледнела, а посерела, её кожа мерцает серо-зелёным цветом.

– Вниз по спирали, всё хуже и хуже, – угрюмо произносит она, не скрывая страха. – И даже быстрее, чем мы надеялись.

Она права. С тех пор как Совет Верпасии большинством голосов (гарднерийцы давно получили в Совете большинство) утвердил новые законы и правила, случаи агрессии со стороны гарднерийцев участились. Да и в университете не обошлось без перемен: официально разрешена и даже поощряется сегрегация студентов, в общежитии больше не требуют селить вместе студентов разных рас, а в архивах вычищают все тексты, которые Совет Верпасии сочтёт «враждебными по отношению к Гарднерии или Альфсигроту». Некоторые университетские газеты попытались выступить против нововведений, но вскоре их закрыли, а их сотрудников уволили или исключили из университета.

Почуввав перемены, на ночную охоту вышли банды хулиганов. Гулять по университетскому городку после захода солнца стало опасно.

– Сегодня схватили урисок, которые напали на гарднерийского фермера, – говорит Тьерни, не сводя глаз с алеющих на стене слов. – Он годами мучил тех женщин, однако теперь им придётся ещё хуже. Совет Верпасии намерен наказать урисок по всей строгости. Их судьба решится завтра. Наверное, и это одна из причин такого...

Вдали слышится треск. Кричит женщина. Ещё вопли. Мы переглядываемся, и моё сердце бросается вскачь, как пришпоренная лошадь.

Снова треск, на этот раз в дальнем конце нашего проулка.

– Надо выбираться отсюда, – дрожащим голосом предлагает Тьерни.

Слишком поздно.

Улочка запружена толпой гарднерийцев в плащах с низко надвинутыми на лица капюшонами. Волшебные палочки вытащены из ножен. Судя по серебристым полоскам на рукавах, здесь маги от второго до четвёртого уровня, и все они щеголяют белыми повязками на рукавах в знак поддержки верховного мага Маркуса Фогеля.

Мы с Тьерни инстинктивно отступаем к стене. Я стою ближе к тёмной толпе и незаметно заталкиваю Тьерни за спину, потянув её за накидку. Ещё не хватало, чтобы от неожиданности у подруги проявилась сущность феи!

Злые, раздражённые бандиты разглядывают нас, будто возможную добычу, но быстро соображают, кто перед ними – гарднерийки с белыми повязками на рукавах. Двое из тех, что поближе, кивают нам, словно успокаивая – мы не за вами. Толпа гулко шагает мимо через проулок и вырывается на улицу.

В отдалении снова слышны крики. Грохот. И снова крики. А потом с неба внезапно сыплет снег.

Подняв голову, прямо над нами, совсем близко, я замечаю тёмное облако и тревожно оборачиваюсь к Тьерни. Она прижалась к стене и вся дрожит.

– Тьерни, послушай... – Я крепко сжимаю её предплечье и показываю взглядом на тучу. «О Древнейший! Надо что-то делать... Иначе любой прохожий поймёт, что этот снег – дело рук водной феи». – Тебе обязательно надо успокоиться. Это очень трудно, я понимаю, но, пожалуйста, подумай о чём-нибудь хорошем. Ты меня слышишь?

Она быстро несколько раз кивает, устремив на меня округлившиеся, как полная луна, глаза.

– Давай сделай глубокий вдох. Вспомни о прекрасном озере в землях Ной. – Мне с огромным трудом удаётся говорить спокойно и ласково. – Волны бьются о берег. Всё хорошо. Пожалуйста, думай только об этом!

Тьерни снова кивает, стараясь дышать глубже и ровнее, и закрывает глаза. Вскоре снег прекращается, и тёмное облако исчезает, превратившись на прощание в вихрь тумана.

– Вот и хорошо, – ободряюще произношу я и осторожно выдыхаю.

Мимо нас вновь проносятся вопящие гарднерийцы.

– Нам надо поскорее вернуться в университет, – тяну я за собой Тьерни.

Она молча кивает. Страх в глазах Тьерни быстро уступает место злости, и мы бежим, скользя по проулку, на улицу и снова останавливаемся.

Посреди маленькой площади сияет гарднерийская звезда благословения, огромная, как колесо водяной мельницы, но сотканная из брызжущих искрами языков пламени. Звезда висит в воздухе в полуметре над землёй, повинувшись волшебству гарднерийских магов, и разбрасывает по ветру искры.

Вокруг звезды собралась целая толпа гарднерийцев, в основном юношей – у всех белые повязки, все вопят и хохочут. Некоторые достают волшебные палочки и выстреливают алыми огоньками в направлении огромной огненной звезды, «зажигая» новые пылающие звёзды или направляя их в витрины магазинчиков.

Некоторые дома уже охвачены огнём, жадно пожирающим деревянные стены.

Досталось только зданиям, которые принадлежат не гарднерийцам, над разорёнными витринами нет знаков гильдий Гарднерии.

Мы с Тьерни мрачно проходим мимо, огибая толпу как можно дальше и пониже опустив головы. За нами постоянно следят безжалостные глаза, проверяя, какого мы племени, и решая,

достойны ли мы пощады. На другой узкой боковой улочке мы натываемся ещё на одну вопящую толпу гарднерийцев, сбивших с ног пожилого торговца-кельта. Один из магов взмахом волшебной палочки отправляет огненную звезду в окно книжного магазина, принадлежащего бедняге.

Я в панике оглядываю мощёную улицу и замечаю урисуку, поспешно отступающую в пустой проулок. У неё зелёная кожа и изумрудного цвета волосы. А юбка болотного цвета украшена вышивкой с таким знакомым узором из повторяющихся кругов.

– Тьерни, – хриплым шёпотом зову я подругу. – По-моему, там Бледдин!

Тьерни шурится, вглядываясь в густую тьму.

– О священные боги. Не может быть. Ну что ей понадобилось здесь и сейчас?

Переглянувшись, мы бежим за ней, уворачиваясь от гарднерийцев и стараясь не встречаться взглядами с разъярённой толпой.

Нырнув в проулок, мы тут же исчезаем в сумраке. Бледдин съёжилась у стены, привалившись к ней всем телом. Её лицо залито кровью, один глаз распух и заплыл. Так, гнев подождёт. Мы с Тьерни вспоминаем о главном – сначала надо оказать помощь. Мы опускаемся на колени и берём Бледдин за руки.

Я осторожно тормошу её, пытаюсь привести в чувство.

– Бледдин...

Она не в себе, здоровый глаз ничего не видит. Я снова встряхиваю урисуку, на этот раз чуть сильнее, и она наконец шевелится. Внезапно сознание возвращается к ней, Бледдин сосредотачивает на мне взгляд и почти сразу отскакивает, обнажая в усмешке зубы.

– Не трогай меня, тараканиха! Пошла прочь!

– Бледдин, это я, – негромко уговариваю я девушку. – Эллорен. Пойдём с нами.

За нашими спинами раздаётся полный боли крик, а толпа продолжает выкрикивать оскорбления и угрозы:

– Ублюдок! Убирайся к своим феям!

– Это земля магов!

Бледдин пытается сбросить наши руки, но теряет равновесие и валится вперёд. Мы с Тьерни в последний момент подхватываем её.

– Ты пойдёшь с нами, – пылая яростью, настаивает Тьерни. – Прямо сейчас. Понятно, Бледдин? Сию же секунду!

В голове у Бледдин проясняется, и она внимательно смотрит здоровым глазом на Тьерни. Потом на меня. И снова на Тьерни. Ярко-зелёный глаз вспыхивает, но тем не менее уриска прекращает всякое сопротивление.

Пользуясь временным затишьем, я сбрасываю с себя накидку и протягиваю её Бледдин.

– Надевай.

Мы помогаем девушке встать на ноги, и я закутываю её в свою накидку, стараясь не обращать внимание на холод. Капюшон полностью скрывает заострённые уши Бледдин и её длинные зелёные волосы. Я быстро и на все пуговицы застёгиваю накидку, а потом обрываю подшитую кайму, чтобы скрыть яркую, явно негарднерийскую юбку Бледдин.

Когда я поднимаюсь на ноги, мы с Тьерни с двух сторон подхватываем Бледдин.

– Опустит голову! – лихорадочно командует Тьерни.

Бледдин кивает, вряд ли понимая, что происходит. Мы спешим по улицам, стараясь не столкнуться с гарднерийцами – глаза у них горят безумием, – мои зубы с каждым шагом всё громче выбивают дробь. Повсюду в городе пылают гарднерийские звёзды. Люди спасаются бегством. Со всех сторон доносятся крики.

Мимо верхом проезжают воительницы ву трин, грозно окликаая разбегающихся бандитов. Солдаты-эльфхоллены бегут к ателье мадам Рослин, в витрине которого пылает звезда благо-

словения. Когда пламя прожигает стену и перебрасывается на разноцветные кельтские одежды в зале, у меня внутри всё сжимается от ужаса.

Добравшись до университетской арки, за которой начинаются учебные корпуса и общежития, мы усаживаем Бледдин у стены недалеко от рощицы и останавливаемся передохнуть, прячась от ветра под густыми кронами деревьев.

– Кухня, – тяжело выдыхает Тьерни. – Отведём её туда. Это недалеко.

Я мрачно киваю, и мы снова спешим вперёд. Пошатываясь от усталости, я возношу небесам отчаянную молитву: хоть бы дойти... оказаться в безопасности.

Глава 13. Ночной кошмар

Держась в тени, мы бредём вдоль амбаров и наконец через заднюю дверь стремительно врываемся на кухню.

Тьерни практически выбивает ногой деревянную створку.

Айвен и Фернилла стоят у широкого деревянного стола. Пожилая повариха месит тесто. Услышав шум распахнутой двери, они одновременно оглядываются и на мгновение в удивлении замирают.

Фернилла что-то выкрикивает на языке урисков и бросается к нам.

Айвен успевает подхватить Бледдин, не давая ей упасть на пол.

– Уберите со стола! – командует он.

Мы беспрекословно подчиняемся, хватая шарики непромешанного теста и перекладывая их на другие столы. Айвен укладывает Бледдин на спину, а Фернилла торопливо подкладывает ей под голову сложенное кухонное полотенце. Тьерни маячит рядом, её нежное личико побледнело от беспокойства.

– Там, в городе, гарднерийские банды сошли с ума, – задыхаясь, рассказываю я, пытаюсь описать как можно больше из того, чему мы стали свидетелями.

Айвен тем временем показывает мне, как придерживать безвольно упавшие руки Бледдин. Я осторожно сжимаю её запястья в ладонях. Айвен подносит руки к лицу Бледдин и закрывает глаза, как будто прислушиваясь к её ранам.

«Теперь о его магических способностях узнают все, ничего не скроешь».

От внезапно пронзившей меня мысли пульс частит с небывалой быстротой, и я в панике поворачиваюсь к Фернилле.

– Где Ферн?

– Дома, – отвечает повариха.

Она на мгновение отрывается от чугунка, в который наливает воду, и встревоженно оглядывает кухню.

– Ты уверена? – едва не вскрикиваю я.

Страх за малышку запускает в меня свои когти. Ферн нельзя на улицу, когда там такое безумие.

– Бабуля, ты где? – слышится детский голосок за одной из дверей. И вот уже Ферн показывается на пороге, крепко обнимая тряпичную куклу. – Шумят... Что случилось?

– О милостивый Древнейший! – вздыхаю я от облегчения при виде крошечной фигурки Ферн в ночной рубашке с длинными рукавами. Розовые косички лежат у неё на плечах.

– Где Олиллиа? – спрашивает Айвена Фернилла.

У меня перехватывает дыхание. Корзинка Олиллиа с разноцветными клубками шерстяных ниток стоит на столе, тонкие нити привязаны к спинке стула и сплетены в незаконченный браслет. Терпеливая ласковая Олиллиа всю неделю учила Ферн плести браслеты.

Айвен не успевает ответить, потому что Бледдин вдруг с усилием втягивает воздух, потом ещё несколько раз и начинает вырываться. Я крепко держу её за руки, склоняясь всё ниже над столом, а Айвен что-то тихо говорит Бледдин, не отводя рук от её лица и медленно перемещая правую ладонь над распухшим глазом.

– Когда вы в последний раз видели Олиллиу? – спрашивает Тьерни Ферниллу.

Над головой подружки собирается грозовая туча, из которой то и дело бьют белые молнии. – Я попросила её сходить за мускатным орехом, – сдавленным голосом выговаривает Фернилла. – Пока лавки не закрылись.

– Магазины закрылись больше часа назад, – взволнованно напоминает Тьерни.

Фернилла застывает, будто представив, что произошло с Олиллией.

– Надо позвать Тристана, – быстро соображаю я. – Он поможет нам отыскать Олиллию.

– Я найду его, – говорит Тьерни. Потом умолкает, делает глубокий отчаянный вдох, и чёрная туча над её головой медленно тает. Шторм будто переместился в глаза подруги, которые теперь буквально мечут молнии. – Если не отыщу Тристана, то пойду за Олиллией сама.

– Осторожнее, – срывающимся голосом прошу я.

Тьерни очень рискует, отправляясь одна в город.

Она молча кивает и уходит.

Бледдин снова вздрагивает на столе, широко открывает глаза, и Айвен прикладывает ладони к её вискам. Хоть в это и сложно поверить, однако распухший глаз уриски уже принял почти нормальный вид, а сломанный нос обрёл привычную форму. Я выпускаю запястья Бледдин, и Айвен помогает ей сесть. Фернилла вытирает кровь с лица и шеи девушки полотенцем, смоченным тёплой водой. Лицо поварихи посерело от беспокойства.

В заднюю дверь врывается Айрис и блуждающими глазами обшаривает кухню.

– Они всё жгут! Нападают на людей! – кричит она, но, заметив кровь на лице Бледдин, тут же замолкает. Затем она переводит взгляд на меня, и её лицо искажает гневная гримаса. – Убирайся! Вон! – вопит она, с кулаками бросаясь на меня.

Я делаю шаг назад и натываюсь на стол.

– Айрис, не надо! – Бледдин на дрожащих ногах преграждает подруге путь.

Ошеломлённая Айрис указывает трясушейся рукой на меня.

– Это всё из-за неё!

– Нет, Айрис. Она тут ни при чём, – недоверчиво качает головой Айвен.

– Да! Вся её семейка виновата! Теперь нас всех перережут. И всё из-за неё!

Ферн тихо всхлипывает. Она бессильно опустила на пол неподалёку, по-прежнему крепко обнимая куклу. При виде слёз этой всегда весёлой крошки сердце у меня рвётся на части.

– Милая, не плачь, – прошу я, поглаживая Ферн по спине.

– Отойди от неё! – кипит Айрис.

Она смотрит на меня с такой нескрываемой ненавистью, что, того гляди, действительно пустит в ход кулаки. Вдруг она тоже оседает на пол, захлёбываясь слезами, и Айвен направляется к ней. Он протягивает руку, чтобы коснуться её локтя, но Айрис отталкивает её и сверлит Айвена обличающим взглядом.

– Она внучка настоящего чудовища! – выкрикивает Айрис. – Как ты можешь спокойно на неё смотреть? Неужели тебя не тошнит от одного её вида?

Горячая кровь медленно приливает к моей шее. Похоже, Айрис не в первый раз заводит обо мне этот разговор.

– Это я с тобой одной крови! – зло выкрикивает она. – Не она! Она – чудовище! Как все они!

Снаружи доносится приглушённый вскрик.

– Что там? – спрашиваю я и вскакиваю на ноги.

Крик становится всё громче. Пронзительно кричит девушка. Точнее, стонет от мучительной боли. Дверь распахивается, и на кухне воцаряется хаос.

Широко шагая, входит Рейф с Олиллией на руках. Девушка вся залита кровью. Кровь у неё на лице, шее, на руках... Взглянув на её руки, я леденею от ужаса, забыв вдохнуть. Олиллиия кричит и кричит, прижимая ладони к ушам.

Ушки с заострёнными кончиками всегда были гораздо крупнее её тонких рук.

Стоит мне осознать, что именно с ней сделали, и к моим глазам подступают горячие слёзы. Аметистовые глаза Олиллиии округлились от страха, из её рта вырывается бесконечный и безнадежный стон. Прелестное фиолетовое личико залито кровью, а волос надо лбом больше нет – они безжалостно срезаны.

Следом за Рейфом и Олиллией вбегает Тристан, тёмный плащ вздувается у него за плечами, волшебная палочка крепко зажата в руке, взгляд острый и очень внимательный. Последней входит измученная Тьерни. Она отворачивается, чтобы запереть дверь на замок и опустить щеколду. Над её головой клубится грозная туча.

Айвен и Фернилла бегут к Олилли, Айрис от ужаса таращит глаза, а Рейф осторожно опускает раненую на стол. Айвен склоняется над бедняжкой, чтобы осмотреть её раны. Бледдин, пошатываясь, подходит ближе, а малышка Ферн судорожно всхлипывает. Тристан методично запирает все двери и зачаровывает их охранными заклинаниями, от чего каждая створка в свою очередь вспыхивает ярко-голубым цветом.

Олилли, одеревенев от боли и страха, сидит на краю стола и крепко прижимает уши руками. Её глаза широко распахнуты и не мигают.

– Олилли, – ласково обращается к ней Айвен, – пожалуйста, опусти руки.

– Нет, нет, нет, нет! – неистово трясая головой и отшатываясь назад, кричит она и зажимает глаза.

Рейф отходит, уступая место Айвену, и останавливается рядом со мной. Глаза брата полыхают от едва сдерживаемой ярости.

– Их надо арестовать, – дрожащим голосом выдавливаю я.

Рейф напряжён, как натянутая струна.

– Этих негодяев слишком много. Они сегодня повсюду, заполонили весь город. Мы даже не сможем выяснить, кто это сделал.

Айвену наконец удаётся убедить Олиллию, и он накрывает её изуродованные ушки своими ладонями. Бледдин крепко обнимает раненую за плечи и придерживает её правую руку, Айрис сжимает левую руку девушки, даже не пытаясь вытирать слёзы, неудержимо катящиеся по щекам. Фернилла стоит перед Олиллией и пытается утешить её, что-то быстро-быстро говоря на языке урисков.

Судорожные всхлипы Олилли постепенно стихают, она сосредотачивает взгляд на Фернилле. Грудь её вздымается от рыданий. Айвен несколько долгих минут стоит, опустив голову, и наконец отнимает руки от головы Олилли. Его ладони окрашены кровью.

Олиллия вырывает руки у Бледдина и Айрис и ощупывает свою голову. В ту же секунду я слышу отчаянный крик:

– Мои уши!

Бледдин опускается перед Олиллией на колени и пытается заглянуть ей в лицо.

– Shush'onin.

– Не-ет! Не смотри на меня! – всхлипывает Олилли, зажимая руками уши.

– Милая...

– Я такая стра-а-ашная!

– Нет, что ты! – уверяет Бледдин.

– У-уши! Они отрезали мне уши-и!

– Я знаю, милая, знаю. Но ты всё равно очень красивая. Им никогда этого не изменить. Ты всегда будешь самая красивая.

Бледдин ласково обнимает девушку, а Олиллия опускает голову на плечо подруге и долго безудержно рыдает.

Тристан и Тьерни стоят возле самого большого окна у раковины. Тристан прижимает к стеклу волшебную палочку, из кончика которой вырывается крошечная синяя молния. Он что-то тихо говорит Тьерни, она прижимает руку к окну, и густые зимние узоры за секунду полностью скрывают стекло.

Они отступают на шаг и придирчиво осматривают результат своей работы. Потом Тристан подходит к нам с Рейфом, а Тьерни выскальзывает из кухни через заднюю дверь.

– Пойду поищу Диану, – сообщает нам Рейф сдавленным от гнева голосом.

Тристан на прощание мрачно кивает старшему брату.

– Что вы с Тьерни там делали с окнами и дверьми? – спрашиваю я Тристана.

– Зачаровывали, – угрюмо поясняет он. – Если кто попытается войти и применит заклинание магов, оно отрикошетит в незваного гостя с удвоенной силой. А ползут в окно, руки примёрзнут к раме.

– Сильная магия, – одобрительно киваю я.

– Пожалуй, мне лучше догнать Тьерни, – встревоженно произносит Тристан. – Помогу ей проверить, всё ли спокойно в округе.

– А вдруг вы встретите погромщиков? – От страха за брата и подругу становится трудно дышать.

В глазах Тристана сияет нечто невиданное раньше – чистая, незамутнённая ярость.

– Они получают от меня по молнии в грудь.

Что же случилось с моим маленьким братиком, который в детстве так боялся грома? Он прибежал ко мне, обнимая плюшевого мишку, и прятался под моим одеялом, пережидая гулкие раскаты. А теперь стоит передо мной, такой сильный и уверенный в себе, готовый отразить с помощью молнии любое нападение и защитить тех, кто ему дорог.

– Осторожней, – едва сдерживая слёзы, говорю я.

– Знаешь, Рен, наверное, сегодня их очередь вспомнить об осторожности, – медленно и угрожающе произносит он.

Тристан уходит, тёмный плащ в такт шагам развеивается за его спиной.

Маленькие ручки тянут вниз мою юбку – это крошка Ферн подобралась поближе со своей неизменной куклой.

– Иди сюда, малютка. – Я опускаюсь на пол и обнимаю девочку.

Как бы я хотела стереть из её памяти эту жуткую ночь!

– Они отрежут ей ушки, – всхлипывает Ферн, прижимаясь губами к затылку тряпичной куклы.

Я ласково глажу её по спинке.

– Мы не дадим тебя в обиду.

Ферн упрямо качает головой:

– Они поймают мою Миину и отрежут ей уши.

О Древнейший! Девочка боится за свою тряпичную куклу Миину. Думает, что придут гарднерийцы и изувечат её любимую игрушку.

Меня внезапно охватывает такой беспросветный ужас от осознания жестокости, на которую способны гарднерийцы, что сердце, кажется, отказывается биться. Если бы я владела магией, как Тристан, я выхватила бы спрятанную в сапоге волшебную палочку и разделалась с мерзавцами без капли жалости!

– Тебя никто не обидит. Ни тебя, ни Миину – никого, – пылко обещаю я. – Мы все тебя защитим.

Подходит Фернилла – она ищет внучку. Мрачно покосившись на меня, повараха поднимает девочку на руки, тихо приговаривая что-то на непонятном языке.

Я тоже встаю с пола и встречаюсь взглядом с Бледдин – на удивление серьёзным и понимающим. Вместе с Айрис они помогают встать Олилли, обнимая её за худенькие плечи, и направляются к двери, за которой находится вход в пристройку для кухонной прислуги. Фернилла идёт первой. Она передала крошку Ферн Айвену. Девочка крепко обнимает друга, поглядывая на меня круглыми испуганными глазками. Я пытаюсь выдавить ободряющую улыбку, но сердце у меня рвётся на части.

Прежде чем переступить порог, Айвен оглядывается, словно приказывая: «Жди меня здесь».

Дверь со стороны главной кухни вспыхивает голубым, и входит Тристан. Бледдин кивает ему, скрываясь в коридоре, Тристан мрачно склоняет в ответ голову.

– Сегодня я ночую здесь, Рен, – произносит младший брат, крепко сжимая волшебную палочку. – Тьерни сейчас придёт. Мы побудем рядом с ними, – кивает он в сторону комнат, где живут уриски.

– А где ты будешь спать?

– На полу у их порога, если придётся.

Я благодарно киваю.

– Пожалуй, ты прав. – Повернувшись к Тристану, я с трудом выговариваю трясущимися от ярости губами: – Как я хочу добраться до своей магии... и выйти против погромщиков!

Тристан молчит, его глаза непримиримо блестят.

– Я найду способ уйти в земли Ной, Рен. Пойду к ву трин, и неважно, примут они меня или нет. А потом вернусь сюда с армией, биться против гарднерийцев, – мрачно заканчивает он.

Айвена я дожидаюсь в одиночестве, ночной сумрак понемногу густеет, на кухонном столе передо мной неверным светом мерцает одинокий фонарь.

В бессмысленной попытке успокоиться я заварила себе мятного чаю и теперь смотрю, как от чашки и от носика старого чайника тонкой спиралью поднимается пар. Кухня провалилась в серый сумрак, и Бингли, наш кот, молча крадётся вдоль тёмных стен.

Айвен входит с той безмолвной пружинистой грацией, от которой у меня всегда сладко замирает сердце. Он прислоняется к высокому кухонному столу и смотрит на меня сияющими золотом глазами.

Такой огонь я видела в его взгляде лишь дважды: когда он спас меня от дракона – тогда они сверкали, как изумруды, а когда на меня бросился келпи, глаза Айвена стали золотыми.

– У тебя глаза... – прерывающимся голосом говорю я, – светятся золотом. Опять.

Он крепко хватается за край стола.

– Мне всё труднее держать огонь в узде, – признаёт он. Голос у Айвена спокойный, как обычно, пламя пылает только в его глазах. Он оглядывается, будто подыскивая верные слова. – Особенно тяжело, когда я злюсь, или в ярости, или...

Он искоса бросает на меня взгляд. Золотое пламя вспыхивает с новой силой, и я опускаю голову.

– Я должен сразиться с ними, Эллен.

Эти слова звучат как окончательное решение. Как нерасторжимая клятва. Он готов взорваться и дать начало большому пожару.

– Ты пойдёшь в город? К погромщикам? – осторожно уточняю я под всё убыстряющиеся удары сердца.

Айвен злобно оскаливается.

– Нет. Я намерен сразиться с гарднерийскими и альфсигрскими военными, – произносит он грозно, но тихо. – Когда разразится неизбежная война.

– Значит, ты вступишь в кельтские войска?

– Нет, – сосредоточенно качает он головой. – Я пойду на восток и вступлю в войска ву трин, попрошусь в Вивернгард.

Мы молчим, привыкая к этой мысли.

– Моя мать не хочет, чтобы я воевал, – говорит Айвен. – Она предпочитает, чтобы я был лекарем, и только лекарем. Она больше не хочет терять любимых на войне.

– И что же ты будешь делать?

Огонь в его глазах разгорается всё жарче и пылает золотом.

– Я поговорю с матерью, скажу, что еду на восток.

У меня вырывается прерывистый вздох. Джулиас как-то намекал, что чародейки ву трин, возможно, скоро позволят потомкам фей поступать в военную академию Вивернгард, надёжно укрытую в землях Ной. Айвен на моих глазах голыми руками убил дракона. Он сильный огненный маг. Конечно, ву трин будут рады принять его вместе с другими могущественными потомками фей.

И тогда между нами лягут непреодолимые просторы мёртвой пустыни.

«Хватит, – говорю я себе. – Так или иначе, он уйдёт. Ты давно об этом знала, Эллорен».

Я упрямо не поднимаю глаз, которые медленно наполняются слезами. Собравшись с духом, я едва слышно, почти шёпотом говорю:

– Мне кажется... мы никогда не... – Больше ничего сказать не получается.

От Айвена вдруг устремляется ко мне волна невидимого жара, пробуждая мои силы.

– Эллорен...

Сколько заключено в одном слове и волне почти осязаемого огня! Всё, о чём он не может сказать вслух.

И это наше прощание.

Той ночью мне снятся банды погромщиков. Целая армия гарднерийцев преследует Тьерни, Бледдин, Олиллию, Ферн и меня. Мы бежим и бежим, сворачивая с одной тёмной улицы на другую, а маги, как чёрная туча, приближаются к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.